

Документальные рассказы о людях, бросающих вызов стихии.

- [Параметры риска](#)
 - [Вместо пролога](#)
 - [Вокруг океан](#)
 -
 - [1. Одни \(Андрей Ильичев\)](#)
 -
 - [Сны](#)
 - [Контрольщики, назовики, пснщики](#)
 - [Голодовка](#)
 - [Обследования](#)
 - [Апатия, слабость, скука](#)
 - [Волок и шторм](#)
 - [Спокойная вахта](#)
 - [Дербентская впадина](#)
 - [Шторм](#)
 - [2. Трое на необитаемом острове \(Леонид Репин\)](#)
 -
 - [Обрывок сети и кусок лианы](#)
 - [Сыроежка. На всех](#)
 - [Наконец, огонь...](#)
 - [Что такое "камбалоловка"](#)
 - [Это был эксперимент](#)
 - [Послесловие](#)
 - [Следы на песках](#)
 - [Введение](#)
 - [1. Вызов брошен — вызов принят \(Леонид Репин\)](#)
 - [Прервавшийся след](#)
 - [Дорога среди барханов](#)
 - [Против дебрей](#)
 - [Введение](#)
 - [1. Дерсу Узала вьетнамских джунглей \(Виталий Волович\)](#)
 - [Знакомство](#)
 - [Рыбная ловля по-тропически](#)
 - [Урок ботаники](#)
 - [Ночная охота](#)
 - [В гости к Синю](#)
 - [Финиш](#)
 - [2. Трое в тайге \(Леонид Репин\)](#)
 - [Итак, мы начинаем!](#)
 - [Ночная схватка](#)
 - [Где моя большая ложка!](#)

- [Прибор для определения...](#)
 - [Если нам повезет...](#)
 - [Опасность](#)
 - [Последняя дорога](#)
 - [Земля выше облаков](#)
 - [Введение](#)
 - [1. Спуск с горы Эверест \(Юрий Рост\)](#)
 - [2. Операция "Кратер"\(Сергей Лесков\)](#)
 - [3. Отважный \(Владимир Снегирев, Александр Шумилов\)](#)
-

Параметры риска

Вместо пролога

Мы с вами живем в такое время, когда нечасто приходится думать о могучих силах стихии. Цивилизация, достижения научно-технического прогресса оградили нас от неожиданных встреч, поединков с природой, когда на карту ставится наша жизнь.

Реактивные лайнеры почти мгновенно проносят нас над горными вершинами, которые нередко ценою жизни покоряли отважные одиночки. Быстроходные суда в считанные дни пересекают океаны, которые тоже не так давно могли преодолеть лишь отважные. Риск, борьба за жизнь на лоне природы — кажется, все это теперь так далеко...

Но и сейчас, в наши дни, нередко все же случается, что человек волей судьбы оказывается один на один с природой, и только на самого себя, на свои собственные силы — на чьи больше — остается ему рассчитывать. И как же часто, оказавшись в тзкой ситуации, человек, лишенный простейших знаний, не может, не умеет бороться за жизнь...

Ради них, ради всех, кто волей случая попал в беду где-нибудь в море, в лесах, в пустыне или в горах, отправились в путь герои этого повествования. Их опыт, приобретенный в тщательно продуманных и подготовленных экспериментах, поможет потом другим.

Но и не только они, добровольные испытатели, собрались на страницах книги, которую вы держите сейчас в руках. Есть среди них и люди, добровольно избравшие для себя высокую степень риска для того, чтобы лучше узнать себя, свои возможности. Их риск — обдуман и, значит, разумен. В конце концов он тоже послужит приобретению полезного опыта.

Они все пройдут перед вами рука об руку за теми людьми русской науки и путешественниками, которые в свое время тоже вступали в поединок с природой. Время меняет людей, но силы стихий и сейчас столь же суровы и столь же грозны.

Хотя можно сказать иначе; и прежде, столетия назад, стихия была столь же сурова и столь же грозна, как в наш — космический — век

Ужаснее и величественнее картины вообразить себе нельзя, какую можно видеть здесь в зимние северо-западные бури, которые всегда бывают сопровождаемы громом и молнией. Ревущий ветер, потрясающий здания и производящий беспрестанный стук в окнах и дверях, который только прерывается сильными громовыми ударами, рассыпающимися над сомою головою. Частая и яркая молния, освещающая на несколько секунд окрестности и представляющая из тьмы в мгновение ока взору зрителя волнующееся, кипящее у берегов море, стоящие на рейде в большой и беспрестанной опасности корабли и вершины черных гор, окружающих Капштат, глубокая, тишина и бездействие во всем городе — суть такие предметы, которые вселяют в сердце какой-то необыкновенный священный трепет!, и, представляя природу во всем ее грозном величии, производят в душе некое тайное удовольствие! Случившаяся при мне в Капштате жестокая буря вечно будет живо запечатлена в моей памяти! Но у меня нет сил сообщить словами другим, что я чувствовал, смотря на столь величественную картину природы!

В. М. Головнин. "Путешествие на шлюпе «Диана» в 1807–1811 годах"

1. Одни (Андрей Ильичев)

Эта история началась по-другому, но могла начаться и так.

...Три часа ночи. Дребезжащий голос судовой трансляции, предлагающий немедленно подняться на верхнюю палубу. Уходящие в бесконечность, тускло освещенные аварийными лампочками коридоры. На верхней палубе — кучки испуганно жмущихся к палубным надстройкам пассажиров. Суета матросов у шлюпбалок. Многократно усиленный динамиками голос капитана, призывающий к спокойствию. А поверх всего — непрерывный, ревущий вой паровой сирены. Спасательный жилет — в одни руки. Уверенные действия команды, работающей по аварийному расписанию.

— Дети и женщины — вперед!

Жесткий коридор матросских плеч, плачущие малыши, плывущие над головами. Раскрывающиеся далеко внизу оранжевые пузыри спасательных надувных плотов. Кровавое зарево взрывающихся в небе сигнальных ракет. И чьи-то участливые руки, втягивающие тебя в резиновое нутро спасплота...

Стоп! Что дальше? На этот и на другие вопросы должны были попытаться ответить мы во время своего многосуточного автономного плавания по Каспийскому морю.

Спустя несколько лет я иногда перелистываю свой, порыжевший от долгого пребывания в воде дневник. Размытые буквы складываются в слова, слова — в предложения, а за ними встает голодовка, беспокойные вахты, лица товарищей. Я вспоминаю и снова переживаю те далекие, но такие важные для меня события.

Сны

Столовая, субботний вечер. Дробно постукивали пластмассовые подносы о металлическую стойку раздаточной. Беспрерывно звенели ложки и вилки. О чем-то невнятно гудела очередь. Пулеметно трещали кассовые аппараты. Из поварского отделения вырывались клубы пара. Подносы, заполненные шницелями, щами, винегретами, компотами, проплывали мимо. В воздухе витал запах жареного лука и подгоревших котлет.

— Хлеба сколько? — Кассирша деловито осматривала мой поднос. Где-то в подсознании я уже догадывался, я уже знал наверняка, что это всего лишь сон. Но прервать его было выше моих сил.

— С вас семьдесят две копейки! — небрежно, почти не замечая меня, бросила кассирша, уже поглядывая на соседний поднос. Очередь напирала. Сзади кто-то, навалившись на стойку, зудел: "Девочки! Ну принесите же наконец кто-нибудь сметану!" С чувством обреченности я еще успел найти место за столом, отодвинуть грязную посуду, расставить тарелки. Я успел погрузить ложку в борщ, покрытый сверху тонким слоем расплавленного жира. Потом я проснулся...

Плот, круто переваливаясь на волнах, поскрипывая своими металлическими суставами, шел по курсу. Одинокая чайка зависла в восходящем потоке, широко распластав крылья. Рядом со мной, завернувшись во влажные спальные, изредка вздрагивая, смотрели свои сны мои товарищи по плаванию, по плоту, по эксперименту. В ту ночь им тоже снилась еда... Попытался вспомнить, чем я заполнил поднос во сне, но ничего не вышло. Вздохнув, натянул на голову спальныйник...

И опять здоровенный детина, сияя розовыми щеками, нес, обхватив его руками, огромный лоток с только что выпеченными горячими пшеничными булками...

Впереди неясно маячит контрольный плот. Скрипит, покачиваясь на мачте, закопченная керосиновая лампа. Мечется по плоту тусклое желтое пятно света, выхватывая из полутьмы то набухшие влагой паруса с выцветшей эмблемой "Клуба кинопутешественников", то мешки с продуктами, сваленные у основания мачты. Вахтенный, отбывающий свои последние минуты дежурства, сидит на баке с пресной водой, закутавшись в штормовку, уставившись предутренным осоловелым взглядом в темную морскую воду.

Тихо бормочет приемник. Зеленоватый глазок подсветки шкалы, словно ночничок, выхватывает из тьмы лицо дежурного. Кажется, это Володя Степанов.

Я вытаскиваю из-под спального рука и, нашарив фонарик, мигаю три раза. Через секунду три коротких белых вспышки отвечают мне. Все нормально! "Курс?" — негромко спрашиваю я. На воде даже тихий голос разносится далеко. "210!" Закатываю рукав свитера и, постучав по корпусу наручного компаса, замираю. Фосфоресцирующая стрелка лениво скользит вдоль циферблата и замирает на цифре 210. Точно! Я снова зарываюсь в одеяла.

Заворочался во сне Ромашкин. Поднял голову настороженно: "Что?!" — "Спи, все нормально". Рухнул обратно, заснул тут же. Пытаюсь задремать и я, но ничего не выходит, лезут разные мысли, воспоминания. Доносится тихое постукивание, неясные голоса. На контрольном — пересменка.

Счастливицы! Утром их всех ждет горячая вермишель, щедро сдобренная тушенкой! Чай! Сухари! Одно слово — «контрольщики»! Как это ни неприятно (а кому доставляет удовольствие открывать в себе дурные черты?), но дней пять назад я впервые поймал себя на том, что во мне поселилось устойчивое раздражение, даже озлобление, направленное на «контрольщиков». Умом я понимаю; без «фоновой» группы нельзя, ведь надо с чем-то сравнивать изменения, происходящие в организме голодающих, да и страховать их. Но...

И потом каждый знал, на что шел, даже диету выбирал себе сам. Винить некого. Я это понимаю. Я. Но не мой желудок. Ему наплевать на высокие материи. Он требует свои положенные 350 калорий в сутки. Он так устроен, наш орган пищеварения. И даже тонны прекрасного морского воздуха, о котором так любят поговорить курортники, не заменят ему кусочка хлеба. И никуда от этого не деться! А осознавать, что кто-то в это время, находясь в 20 метрах от тебя, может себя ни в чем не ограничивать...

Слабым утешением нам служит сознание того, что есть «счастливицы», находящиеся в еще более худшем положении.

ПСНщики! Питаются они там на плоту специального назначения витаминизированной карамелью, за что мы их иногда обзываем «карамельщиками». На сутки каждому положено по 21 конфете, или, если переводить на вес, — 100 граммов, общая калорийность одного пайка, рассчитанного на 10 суток, составляет 3500 калорий, то есть ровно столько, сколько умеренно питающийся человек потребляет в сутки.

Согласитесь, перспектива безрадостная. К тому же уже на третьи-четвертые сутки эти конфетки застревают в глотке. Если б вы видели их глаза, наблюдающие за нашими "пищевыми вакханалиями", вы бы поняли всю меру их страданий. Ведь мы, НАЗовики (неприкосновенный аварийный запас), съедали в один присест — страшно подумать! — почти 35 граммов шоколада, полторы галеты, кусочек сахара и 50 граммов мясной тушенки!

Но об этом я не могу вскользь. Это достойно отдельной главы.

Обеды первой десятидневки! О них надо бы написать стихами, стихи переложить на музыку, и полученное произведение исполнить силами сводного хора пищевых работников. Они достойны этого. Но, увы, я вынужден обходиться только листом тетради и ручкой. А это трудно хотя бы потому, что в радиусе пятисот шагов от моего дома находятся две столовые, а под ухом урчит холодильник.

Мне трудно представить, как это происходило тогда, но начиналось все, это уж точно, с крика: "Контрольщики! Воду давайте!"

Через «какие-то» два-три часа вахтенный контрольщик, демонстрируя чудеса эквилибристики, передает на наш плот скороварку с четырьмя литрами горячей воды. ПСНщики зорко наблюдают за дележом и сразу же забирают свою порцию, плотно задраивают вход, чтобы "вид жующих физиономий не травмировал нервную систему". Там, в полной изоляции, они ожесточенно грызут свои конфеты.

У нас дело обстоит сложнее. Я осторожно разворачиваю раскисшую на солнце плитку шоколада и на глазок обламываю третью ее часть. "Эх, — решительно произносит Карпай. — Я сегодня съем два кусочка сахара. Ведь осталось восемь дней, значит, один лишний!" — "Не передай", — обеспокоенно говорит ему Матвеев.

Дальше едим молча, прислушиваясь к уже почти забытым ощущениям. Оказывается, это огромное удовольствие — жевать. Двигать челюстями, размалывать, растирать кусочки пищи, ощущая ее вкус. Как мог я раньше торопливо заглатывать завтраки и обеды, спеша из-за стола? Безумец! Чего лишал себя!

Отламываю уголок галеты, секунду рассматриваю его и отправляю в рот. Удивительно, какие сложные вкусовые гаммы рождает этот махонький кусочек... Я наслаждаюсь, зажмуриваю глаза, мну его языком, до бесконечности оттягивая печальный момент исчезновения галеты изо рта. Я дожевываю свою пайку, и чем меньше остается еды, тем дольше я ее мусолю, тем длиннее паузы отдыха между порциями.

Но всему приходит конец, кроме разве аппетита. "Постоянно чувствую желудок, какой он стал сморщенный, холодный, маленький". Так на пятые сутки эксперимента написал в своем дневнике Сергей Кромаренко.

За два дня до конца голодовки сильнейший приступ рвоты свалил Юру Гладышева, затем Игоря Селютина. Возник вопрос об их выходе из эксперимента. Но оставалось только двое суток. Только сорок восемь часов. И ребята отказались.

Последние сутки оказались самыми тяжелыми. Прошли они уже на судне "Академик Державин", доставившем нас в Астрахань для клинических медицинских обследований.

Матросы, рассмотрев нас повнимательней, всплесну ли руками и потащили из «зачачек» съестные припасы. Они ловили нас в полутемных коридорах, поджидали на палубах, притискивали к фальшбортам и совали в руки продукты, от одного вида которых мы истекали слюной, как бездомные псы, попавшие на полковую кухню.

Мы отказывались. Мы лепетали что-то невнятное о чистоте эксперимента и силе научных идей. А потом долго волчьими глазами следили за удаляющимися кусками мяса или булкой. Ночью мы ожесточенно пережевывали воздух и часто двигали руками, в которых были зажаты воображаемые ложки.

Разгадка таких странных телодвижений была проста: на камбузе варился борщ, и наше по-звериному обострившееся чутье не могло пропустить это событие мимо. Случайно забредший ночью на верхнюю палубу матрос при виде этой картины — пять человек одинаково во сне глотающих и дергающихся — испуганно вскрикнул и опрометью бросился в трюм.

Через несколько минут он вернулся с огромным рыбьим балыком под мышкой. Он

шмыгал носом и просил съесть хоть ломтик, так как после того, что он увидел, ему кусок в горло не полезет, а заступать на вахту голодным он не может. Просил пожалеть его... Но мы были непреклонны.

Потом Астрахань, полусуточные обследования и долгожданное обжорство, которое чуть не сорвалось из-за того, что сразу много есть — нельзя. Да и просто трудно: желудок отвык от работы, для которой он предназначен! Были шумные, многолюдные улицы. Был покой, который не надо отвоевывать каждую минуту у стихии. Была обычная сухопутная жизнь. Даже 7-11 килограммов, потерянных "во имя науки", не омрачали нашего настроения.

И все же из 15 человек плыть дальше выразили желание только трое.

Обследования

Утро открывают обследования. С контрольного плота, нагруженная фонендоскопами, весами, градусниками и другими совершенно неизвестными, но чрезвычайно массивными аппаратами, на наш плот переходит научная бригада. Подтягиваются по канату ПСНщики, перебираются к нам. "Как самочувствие? Мужики!" — голосом ротного фельдфебеля царской армии оведомляется Юра Гольцев — наш физиолог.

Вместо оглушительно-жизнерадостного: "Рады стараться!" из пересохших глоток с патефонным шипением вырывается несколько нелитературных выражений, характеризующих наше отношение к науке вообще и к ее конкретным представителям в частности.

"Ну, ну!" — примирительно бормочет Юра, уже напаявшая на подвернувшегося под руку Федю Хисмату-лина маску аппарата, замеряющего кислородный обмен. Несколько секунд ослабевший Федя ожесточенно бьется за свою свободу, но скоро успокаивается, стреноженный мощными объятиями научной группы, и начинает исправно дышать. Лично я помочь ему ничем не могу, так как в это время меня обрабатывает Лев.

Я обреченно смотрю, как его хирургические пальцы нащупывают мой пульс. Пульс, естественно, не находится. "Этот уже готов", — констатирует Чмеленко и медленно стягивает с головы фуражечку, на которой совершенно не к месту веселятся Волк и Заяц.

Лев снова и снова перебирает пальцами клавиатуру моих вен и начинает алчным взглядом вурдалака-пропойцы коситься на мою артерию, недвусмысленно поигрывая кадыком.

Наверное, от испуга, а может еще от чего, мой пульс прорезается немедленно. "Снято!" — довольно говорит Лев, расплываясь в улыбке.

Ромашкин вписывает в мою карту данные. Теперь я должен 15 минут лежать без движения, после чего все замеры повторят еще пять раз. На это время мне суют под мышку градусник. "Не нагреешь до 37 градусов, — угрожающе шипит Матвеев, — поставим клизму!"

Через 40 минут нас ждет следующее испытание — о проба Яроцкого. Кряхтя и проклиная судьбу, как древний дед, которому необходимо влезть на печку без посторонней помощи, мы рассеянным частоклопом встаем на плоту: все девять человек.

— Не хочу быть навязчивым, но инструкция рекомендует потерпевшим кораблекрушение лежать и двигаться только в крайнем случае, — между прочим, заявляет Гладышев.

Заглушая вольнолюбивые замечания, Юра тут же кричит: "Начали!" — и торопливо нажимает на пуск секундомера. Мы автоматически сдвигаем ступни, закрываем глаза и начинаем ожесточенно крутить голо вами. Задача проста — как можно дольше удерживать равновесие.

Проходит не более 15 секунд, когда непонятно откуда взявшаяся волна резко бьет в

корму плота и мы, как подрубленные, валимся на настил во главе с нашим испытателем.

— Взвешиваться в воде сегодня не будем, — объявляет Юра.

Разражаемся гомерическим хохотом.

Взвешивались мы в воде только три раза. Методика этого дела проста, но уж больно неприятна. Как только солнце начинает закатываться и мы подумываем о том, чтобы одеться потеплее, Юра с радостным воплем перебирается на наш плот и начинает готовиться к водяному взвешиванию.

Через некоторое время все мы, в том числе и он, как младенцы — перед первым крещением. При этом отдельные члены экипажа с индейским боевым кличем носятся по плоту и щелкают фотоаппаратом (в дальнейшем пленка "совершенно случайно" засветилась).

После этого каждый в порядке живой или, как сказал Гладышев, «полуживой» очереди затягивает у себя на поясе ремешок, к которому приторочен восьмикилограммовый «мешочек» с песком.

Далее все просто. Ввиду того, что человек в воде теряет более 90 процентов своего веса, его взвешивают простым базарным безменом. Сопровождается эта процедура выкриками примерно такого содержания: "Взвесьте мне пять килограммов того курчавенького! И еще килограмма четыре того, с бородкой... Только гнильцу срежьте пожалуйста. Нет, заворачивать не надо: возьму как есть, у меня авоська!"

К концу взвешивания все напоминают оципанных гусей, только что вытащенных из холодильной камеры. Слова о том, что такую процедуру надо проводить каждый день, восторга не вызывают. Но когда Юра, перебираясь на контрольный плот, роняет безмен в воду, воздух содрогается от мощного "ура!".

Второй 'безмен, который, по Юриным словам, не подходил для медцелей и хранился на нашем плоту, тоже исчез при таинственных обстоятельствах той же ночью. "На всякий случай", — как предположил Женька.

Но вот все позади. ПСНщики переправляются в свой «надувасик». Мы, усталые, но не сломленные, опускаемся на спальники. Лев и Юра, собрав вещички, отбывают «домой». И в тот миг, когда надо прыгать на контрольный плот — а это требует немалой ловкости, так как волна то отбрасывает плоты в разные стороны, то с силой бросает друг на друга, — Юра вспомнил о самом главном.

— Фляжки где? — спрашивает он, и на лице его явно проступает тревога. Да, куда делись любимые Юрины фляжки?

— А ну, сдавать быстро! — рычит Женька.

Засуетились, каждый начал искать закрепленную за ним посудину для анализа. Действительно, чуть не забыли...

— ПСНщики, — вновь подгоняет Женька. — А ну, шевелись!

Те, несколько ошеломленные его поведением, безропотно передают на наш плот фляжки.

И тут до нас доносится душераздирающий вопль Юры:

— Матвеев, почему фляга пустая?

Теперь ясно, почему Женька так старался. Он сконфуженно пожимает плечами: "Не понимаю, зачем о таких вещах кричать на все море?"

Потом за нас принимается психолог Степанов.

— Перечисли в порядке убывания свойства характера, которые ты ценишь в людях больше всего, — вкрадчивым голосом просит Володя Карпая. Тот морщит лоб, вспоминая, что ему больше всего нравится в знакомых и друзьях.

— Честность, — начинает он...

В это время Матвеев, заполняющий пространный, вопросов на 500, тест, начинает тихо над чем-то хихикать.

— Ну какое значение имеет, чувствую ли я что-нибудь постороннее в носу и не боюсь ли наступать на трещины в асфальте? — с дальнего конца плота спрашивает недоуменно Кромаренко.

— Никакого, — спокойно отвечает Степанов и, чуть подумав, добавляет: — Или, может, какое-нибудь... — Однозначного ответа добиться от него невозможно.

Через два часа все тесты заполнены. Мы вздыхаем свободно. Теперь у нас есть целых два часа до начала следующих обследований.

Ох уж этот любопытствующий Виктор Степанов! Какие только вопросы не приходилось нам слышать от него... Он жадно потирает руки и выдает свое очередное:

"Но вот самое, самое тяжелое, что было в плавании?" — и сверлит нас взглядом, и, подперев голову руками, готовится слушать душераздирающие истории о шквалах, ломающихся мачтах, штормах.

Но мы отвечаем после минутного раздумья: "Апатия и морская болезнь". В лучшем случае доктор обиженно поджимает губы и, пробормотав: "Да ладно вам!", удаляется.

А иногда какой-нибудь вьедливый субъект, восторженно распахнув глаза, задает нам этот же сакраментальный вопрос: "Нет, но все-таки, что у вас было самое трудное в плавании?" И мы отвечаем: "Апатия!"

Апатия, слабость, скука

У них достойные родители — Морская болезнь и Голод. Благодаря их взаимной любви и с благословения океана появилась на свет эта троица. Они не изводят так явно физически, как их родители, но бьют беспощадно, наверняка.

...Кажется, это было на 8-е сутки плавания. Утром наш плот захлестнуло волной. Ведро четыре не самой теплой воды обрушилось на спальники. Клеенку, закрывавшую нас от брызг, сорвало еще ночью. Поправлять ее" ни у кого не нашлось ни сил, ни желания. Понадеялись на авось. Вообще, с некоторых пор это наше любимое слово. И вот — результат. Теперь надо вставать, выжимать спальники...

Надо. Но не хочется. Сидит где-то далеко внутри меня такой маленький злой червячок. Кушает меня изнутри. "Брось! — шепчет он. — Кто-нибудь другой встанет. Вон Чмеленко уже дрожит от холода... Долго не вытерпит. И потом, почему должен именно ты? Хватит того, что вчера утром «пахал». Лежи. Ничего".

И я лежу. Лежит и Чмеленко. И Матвеев тоже лежит. И Карпай, и Ромашкин. Каждый — в своей луже. Мокро? Противно? Холодно? Но о движении даже страшно подумать.

"Сколько в тебе, оказывается, гнили! — ужасается мое сознание. — Неужели не стыдно?!"

"Стыдно", — честно отвечаю я и мысленно краснею..

"Оно еще стыдить будет! — голосом напористой торговки орет червячок. — Правдоискатель нашелся. Чего ж вон те не встали? — кивает он в сторону моих товарищей. — Небось тоже ждут?"

"Действительно, почему?" — соглашаюсь я с этим веским доводом.

"Опомнись! До чего ты дошел?" — возмущенно увещевает совесть.

"Как же, разбежались..." — панибратски подмигивает мне червячок.

"Брысь! — говорю я ему. — Распустился тут... Сейчас встану. Только дождусь, когда минутная стрелка дойдет до семи. Или до восьми"...

"Встань немедленно! — кричит во мне моя совесть. — Слышишь?"

"Встаю, встаю, — примирительно бормочу я и даже в деталях представляю, как это буду делать. — Пора!" — говорю сам себе. Но ни один мускул моего тела даже не напрягается.

Все происходит, как в кошмарном сне: я знаю, что делать, как делать. Но мое тело мне не подчиняется. Я рвусь каждой клеткой к движению. Но остаюсь недвижим.

"Хватит, — снова подает голос зловредный червячок и заговорщически улыбается мне. — В конце концов ты же хотел встать! Не твоя вина, что у тебя ничего не выходит. Ведь ты старался".

"Ладно, — думаю я. — Полежу еще 15 минут, а потом непременно, просто обязательно"...

Компромисс найден. Проходит 15 минут, потом еще 15, еще час. Успокоился, согревшись, Чмеленко. Дремотно всхрапывает Карпай. Что из того, что ноги — в воде и сырость пропитывает одежду? В принципе можно и так... И снова шепчет червячок: "Ерунда. Ведь никто не накажет!"

Тикают часы. Двигается время, но ничего не меняется на нашем плоту.

"Что за мистика? — скажет кто-то. — Бред какой-то... 'Этого просто не может быть!'"

Нет, может, и было.

Потом вставало солнце. Выкатывалось тучным телом из-за горизонта и, разгоревшись, стремительно набирало свои киловатты. Скоро на плоту все, что могло нагреваться, пылало жаром. От мокрых спальников буквально валил пар. Липкий пот, испарения окутывали наши тела. Лежали — словно в лягушачьей слизи.

Но лежали! Знали, что встать придется неизбежно, и все же оттягивали этот момент до последнего. Нет, не из-за того, что не хотели. Не могли!

Трудно поверить, но тогда приподнять руку — значило произвести работу. Надо оговориться, что было это не каждый час и даже не каждый день, а в часы «пиковых» нагрузок. Но было.

Я прекрасно помню, как лежал в таком состоянии и воспринимал свое тело бесформенным, безвольным. Мой мозг посылал моим конечностям приказ, но вместо того, чтобы раздражением бежать по нервным цепочкам, он вяз в них, словно в остывающем воске. Это чем-то напоминало ощущения тяжелобольного человека с температурой за 40 градусов.

Не случайно говорю об этом так подробно. Это, может быть, самое страшное из всех испытаний, с которыми человек сталкивается в экстремальных ситуациях. Вдвойне страшное тем, что в отличие от голода, морской болезни, жары не ощущается физически и ведет человека к гибели незаметно, семенящими шажочками самоуспокоений и самоуговоров.

Теперь я понимаю, почему в условиях вынужденного дрейфа или зимовки, в полном отрыве от общества, когда просто смешно говорить о своем внешнем виде, сильные, опытные люди ежедневно до синевы скребли свои подбородки затупившимися бритвами и делали гимнастику.

Они просто боялись начать путь отступлений. Ведь, уступив себе в мелочи, доказав себе, что сегодня бессмысленно бриться, через несколько суток можно перестать мыться.

Действительно, столько забот (нарезать снег, принести, растопить) из-за такой-то мелочи! Довольно бани и раз в две недели. Или, может, в три... Ладно, там видно будет... Компромиссы растут, словно снежный ком, пущенный под гору. И чем больше, тем сложнее не идти на новые.

Человек встает, когда ему заблагорассудится... Перестает следить за собой... Он умирает вначале как личность, как существо мыслящее и сознательно действующее. Потом — как живой организм.

Я не пугаю слабонервных мрачными картинами человеческого самоуничтожения, не преувеличиваю — бывали такие случаи. К сожалению, бывали. Трудно бороться человеку со своим телом, которое постоянно требует послаблений! Трудно не пойти на уступки: свое ведь, не чужое! Трудно, но можно. А в экстремальных условиях — необходимо. Ибо от этого часто зависит даже не благополучие, а сама жизнь.

Волок и шторм

То утро ничего не исправило. Холодный северный ветер гнал мелкую злую волну. Частые гребешки остервенело долбили в борт плота, выстреливая фонтанчики брызг. Ночью растрепался стаксель-парус, и, несмотря на якорь, плот подтащило почти к самому берегу. Даже на глаз было видно, что сели капитально, по самые баллоны. Значит — волок. А ведь нас только трое... Черт дернул «добивать» маршрут!

Что же теперь делать? На попутный или хотя бы боковой ветер рассчитывать не приходилось. Старый рыбак, набредший на нас вчера к вечеру, долго качал головой, бормотал что-то невразумительное, но на вопрос, долго ли еще продлится такой ветер, отвечал вполне определенно: "Так ить суток трое, а может, побо-ле. — И, всматриваясь слезящимися глазами в морской горизонт, добавил уважительно: — Известное дело — моряна!"

Первым сошел в воду Женька. Мы присвистнули. Мутная, насыщенная песком и илом вода едва прикрывала ему щиколотки.

— Теперь вам ясно, мальчики, почему моряки говорят, что по морю ходят, а не плавают? — саркастически заметил он, прохаживаясь вдоль плота.

Насладившись видом наших поскучевших физиономий, Женька короткими шажками, стараясь не поднимать брызг, двинулся выбирать якорь.

Вернулся он уже мокрый.

— Ну что, будем дергать?

Вместо ответа мы прыгнули в воду. Дергали 30 минут. Берег держал цепко. Каждый сантиметр давался трудом и потом. "И-и-и... раз!" — рывок вверх, толчок вперед. "И-и-и... два!" — рывок вверх, толчок вперед.

Сантиметры складываются в метры, а глубины все не увеличиваются. Остановиться нельзя. Каждая новая волна сбивает плот обратно, сводя на нет наши усилия.

"И-и-и... раз!"

Когда вода доползла нам до пояса и киль перестал скрести дно, мы уже порядком устали. А против преодоленных десятков метров стояло 17 тысяч метров, оставшихся впереди. Более 12 часов нам резал ноги острый придонный ракушечник. Через каждые 30–40 минут один из нас влезал на плот и мелкими глотками пил горячий чай, обхватив нагретую алюминиевую кружку стылými, разбухшими в морской воде ладонями.

А гребни волн хлестали и хлестали в борт. Чтобы удержать плот на месте, приходилось зарываться ступнями в дно и, оперевшись сгоревшими на солнце плечами в матово-поблескивающие баллоны, принимать на себя падающую тяжесть вздыбленного волной плота. Потом, сплевывая горько-соленую воду перекатившегося гребня, снова безостановочно двигаться на восток.

Когда к вечеру мы достигли "большой воды", сил хватило только на то, чтобы влезть на плот и, поставив на полную вытяжку паруса, рухнуть на спальные.

Но в эти сутки нам не суждено было отдохнуть. Наверное, море задалось целью

испытать нас на прочность.

На этот раз ночь пришла с запада. Чернильным пятном грозовой тучи она разлилась по горизонту. Даже заката не было в тот вечер! Солнце рухнуло вниз и исчезло сразу, словно за ним захлопнули дверь.

Скоро спал и ветер. Воцарилась тишина, которую обычно называют мертвой. Немо, в полном безветрии, напознала туча на небесную сферу. Огненные ленты то и дело рвали ее на куски, белыми сполохами высвечивая спокойное пока море. В полном молчании мы спешно крепили по-штормовому паруса. Прятали немногие оставшиеся на «палубе» вещи. На душе было тревожно...

Еще дома мы предполагали "влезть в хорошую передрягу". С первого дня плавания шли непрерывные разговоры о девятибалльных волнах, шквалах, ураганах. С одной стороны, нас разбирало любопытство, хотелось испытать действие стихии. С другой — чисто человечески — мы боялись наступления этого момента. Два чувства постоянно боролись в нас.

Правда, нам уже пришлось пережить несколько мелких штормов, но то были, так сказать, «аквариумные» шторма. Ведь происходили они на глубинах, не превышающих 10 метров. Тянуло к чему-нибудь более "существенному"...

И вот теперь, когда это "более существенное", сверкая молниями, приближалось к нам, мы вдруг поняли: нет, на приключения нас не тянет. Ни к чему! По крайней мере, сегодня. Оказывается, мы были готовы к абстрактному шторму, к шторму вообще, а этот идет конкретный, со всеми вытекающими последствиями. Конечно, при других обстоятельствах было бы даже интересно. Но сегодня, после 12-часового изматывающего волока...

Шквал пришел неожиданно, оборвав сомнения и страхи. Шелковый грот-парус, висевший до того безвольными складками, вдруг трепыхнулся раз, другой, хлопнул, навалился своим оранжево-белым телом на треугольную мачту, облепил ее. Вздогнул стаксель, сгреб ветер, рванулся, выгибаясь крутым полукружьем. Сильнее, еще сильнее...

С хрустом лопнул фал, защелкал, заполоскал освободившимся концом стаксель, сотрясая корпус. И уже новый, более мощный шквал навалился на плот. Бешено закрутилась, запенилась вода у баллонов. Ветер, навалившийся на паруса, неудержимо тащил плот вперед.

— Грот! Грот! — кричал Сергей, двумя руками выворачивая ставший вдруг таким непослушным руль. — Сбросьте гро-о-от!

Женька, стоя на коленях, зубами рвал фиксирующий узел на грот-фале. Я, оседлав передний баллон, опустив ноги в воду, пытался схлопнуть полотнище стакселя. Но он вырвался, в кровь разбивая мне руки и плечи угловой металлической пластиной.

Неожиданно ветер отпустил на секунду. И я вдруг ясно представил — словно на картине увидел, — как на моей улице налетающий порывами ветер сгребает мусор, сухие листья, закручивает их пыльными воронками, тащит по мостовой... Как рвет зонты, треплет женские юбки, хлопает форточками...

Третий — последний — шквал обрушился на нас. Стаксель рванулся вверх. Неодолимая сила приподняла, встряхнула, отбросила в сторону мои 70 килограммов, вцепившихся в парус. Я ничего не успел понять, только почувствовал боль в ушибленном бедре. Угрожающе, до хруста в швах, выдулся грот. С невероятной быстротой промелькнул мимо сорванный с кормы брезент. И...

Все кончилось. Не более четырех секунд длился этот шквал. Ветер сразу ослаб, задув, хотя и сильно, но ровно.

— Послушай, дорогой, ты всегда так высоко прыгаешь? — обращаясь ко мне, заинтересованно спрашивает быстро пришедший в себя Сергей.

Главное дело, гляжу, летит кто-то, а крыльями не машет! — вступает торопливо Матвеев.

— А я-то сам... Я-то... — перебивая друг друга, спеша выплеснуть скопившееся напряжение, мы говорим, смеемся, острим...

А потом был дождь. Он рухнул с неба разом, словно перевернули гигантское ведро. Уже через пару минут двойные брезентовые штормовки были мокры до последней нитки, а минут через пять холодные струйки, просочившиеся сквозь свитеры, поползли по телу.

Первые гребни начинающегося шторма застучали в корму, борта, доставая мелкими брызгами до самой мачты. Скоро от холода зуб на зуб не попадал. Если мы пытались разговаривать, то на слух это напоминало работу телеграфных аппаратов. "А от пал-л-лагочки мы зря от-казались!" — выстучал Сергей. "Еще бы", — застрекотал свой ответ Женька, попытался еще что-то добавить, но что, понять было уже невозможно.

Спустя час мы сообразили, что если ничего не предпринять, то весь широчайший диапазон простудных заболеваний, начиная с ОРЗ и кончая воспалением легких, нам гарантирован.

После короткого совещания, на повестке дня которого фигурировал только один вопрос: "Холод и методы борьбы с ним", — пришли к единственно приемлемому в этих условиях решению. Поставили на автопилот, то есть выставили курс, закрепили руль и паруса. Теперь, до перемены ветра, плот мог идти практически без нашего вмешательства. И, раздевшись до пояса, тело к телу, мы легли на мгновенно промокшие спальные, завернувшись в два слоя полиэтиленовой пленкой.

Всю эту бесконечную ночь делились в буквальном; смысле друг с другом теплом. Дождь лил без перерыва почти до самого утра, тупо барабанил в натянутый полиэтилен. Через каждые 30–40 минут особо «вредная» волна перехлестывалась гребнем через сооруженный из рюкзаков волнолом, скапливалась на пленке и, рано или поздно найдя в ней трещинку, стекала на нас тонкими струйками.

Спокойная вахта

Минута тянется бесконечно: словно капля воды — набухает неспешно секундами, копится, тяжелеет, срывается в небытие... И вновь заходит на очередной обо рот. Я лежу, уютно свернувшись на полуспущенной камере. О чем-то многоязычно бормочет приемник. Темнота такая, что можно, кажется, резать ее на куски и складывать штабелями.

Плот слился с морем, море — с небом. Над головой немо мерцают мириады звезд. Млечный Путь стеклярусной россыпью перерезает небосвод. Плот тихо покачивается, и, если поднять глаза, создается полная иллюзия невесомости. Такое понятие, как «горизонт», кажется забавным заблуждением человечества.

Внешний мир сузился до размеров меня самого. Я еще могу рассмотреть свое плечо, руку. Я чувствую тело: покалывание в онемевших пальцах, пульсирование крови в неудобно положенной ноге. Но почти совершенно утерять ощущение местоположения этого тела в пространстве. Во Вселенной нет ничего, только ты, чернильная темнота, звезды и «космическая» тишина.

Я лежу и думаю о том, как через три часа погружусь в нагретый спальник, как пригреюсь и как буду спать аж до полудня. И когда меня разбудят, уже будет кипеть на примусе вермишель...

Неожиданно звезды начинают куда-то скользить, падать, и я с готовностью погружаюсь в ватную подушку дремоты. Будит меня холод. Ознобом он поднимается с занемевших ног. Мокрой холодной улиткой противно ползет по спине. Я плотнее затягиваю выдавшую виды штормовку, пытаюсь выдавить из тела липкий озноб. Но это приводит только к тому, что

меня начинает сотрясать мелкая дрожь.

Открываю глаза. Оказывается, уже рассвело. Сквозь серую муть утреннего тумана просматриваются паруса. Сколько же я спал? Выпрастываю из-за пазухи руку и долго смотрю на часы. Прошло 35 минут. Только 35! Впереди еще почти два часа вахты...

Дербентская впадина

Двухмиллиметровый капроновый шнур, испарывая воду, уходит в глубину. Вниз его утягивает массивная свинцовая гирька, стремящаяся согласно закону всемирного тяготения к центру земли. Но рано или поздно путь ей преградит дно. Через сколько это произойдет — вот вопрос, который интересует нас в данный момент.

— Если б моряки видели, как мы замеряем глубины, они б полопались со смеху, — замечает Матвеев.

Сошло уже метров 200. В моих руках, наколотая на металлический прут, бьется большая белая катушка.

— Придержи, — просит меня Сергей.

Я сбавляю обороты, но ослабнувший было шнур вновь натягивается. Значит, гирька еще болтается на весу...

— Стоп! — командует Кромаренко. Кажется, он почувствовал рывок. — Начинаем подсчет метров.

— Вытяжка шнура минус угол сноса, итого где-то 480 метров, — Женька растягивает улыбку до самых ушей. — Это вам не цыплячьи глубины первой десяти дневки! Если верить карте, мы входим в район Дербентской впадины.

И голосом торопящегося экскурсовода извещает:

— Вы находитесь в самом опасном месте Каспийского моря. В среднем за год здесь происходит штормов больше, чем в любой другой точке моря. Тут зарегистрированы максимальные высоты волн, достигающие) 13–14 метров. До ближайшего берега... — Женька быстро пробегает по расстеленной карте циркулем, — 75 миль, то бишь 138 километров...

В это время — 27 июля — по Центральному и Юго-Западному Каспию было дано штормовое предупреждение. 30 июля размеры надвигающегося шторма уточнены. Были поставлены в известность Каспийское пароходство, рыболовецкие совхозы и колхозы, штабы Военно-Морского Флота, бригады нефтяников, работающих на буровых, расположенных в море. В боевую готовность приведены спасательные силы.

К 31 июля в опасных зонах моря не осталось ни одного судна. Ни одного. Кроме нашего плота размером! 6 на 3 метра и экипажа из трех человек.

Шторм

В ту ночь решили все-таки спать: ощутимой угрозы не было, а придется ли в ближайшие сутки сомкнуть глаза — неизвестно. Встретить в этих местах судно практически невозможно: все морские трассы Проходят ближе к берегам, в пределах видимости буев и маяков

Поэтому решили не ставить даже вахтенного. Ограничились тем, что установили на борту добавочный сигнальный огонь, уменьшили до минимума парусность В кормовой штурманский «столлик» положили дополнительные ракеты, привязали к настилу мешки с

вещами

Хотелось предпринять что-нибудь еще, но все возможное было уже сделано.

Спать легли в спасжилетах, не снимая одежды и обуви. Затылком я уперся в приспущенный до настила гик грот-паруса. Теперь в случае смены направления ветра или курса плота непременно бы проснулся. Способ этот не раз был проверен и осечки не давал. Засыпал я, чувствуя мелкое подрагивание паруса.

Проснулся я разом. Интересно, кто бы умудрился не проснуться, если б ему по затылку стукнули трехсантиметровой металлической трубкой? Правда, я и не понял вначале, что происходит, только голову руками прикрыл. Тут-то мне второй раз по пальцам гиком сыграло. На третий я поймал его, потянул на себя.

Какое там! Не идет, даже не шевелится. С таким же успехом можно пытаться сдвинуть грузный самосвал. Теоретически это, конечно, возможно, но поди, попробуй...

Стали у меня потихоньку пробуждаться остальные чувства. Осязание, как вы понимаете, уже функционировало. Только нам привычней, что оно идет через пальцы, а тут — через затылок! Следом — слух прорезался: слышу, ветер в растяжках не свистит даже, а воет, как метель в трубе. И плот вниз падает — чисто скоростной лифт, аж внутри все холодком наполняется.

Темень — кромешная. Только фонари керосиновые на мачте из стороны в сторону мотаются, гоняют пятна света по плоту. А в мешке тепло: от Сергея, как от печки, пышет. Можно, думаю, пяток минуток полежать, пока в себя приду. Ведь если что и могло — давно б случилось!

Но по-настоящему я оценил, ситуацию, только когда поднялся. К ветру повернулся — меня сразу из капюшона штормовки вынуло. Такое впечатление, что сейчас волосы мои, как пух из одуванчика, повыдергает...

Внезапно я услышал быстро приближающийся гул: очень это напоминало рев двигателей стартующего реактивного самолета. "Вот те раз, — думаю. — Откуда здесь самолету взяться?" Но тут корму плота рвануло вверх и из темноты выступил пенный клокочущий гребень. Навис сверху, будто замер на мгновение перед прыжком.

Это страшно и неожиданно: вдруг из темноты выдвигается полтораметровый водяной вал! Кажется, я закричал, потому что, резко откинув спальник, приподнялся Сергей, зашарил рукой, разыскивая свои очки. Затем меня упруго ударило, потащило по настилу, припечатало головой к мачте. "Опять затылком!" — успел расстроиться я.

Гребень схлынул. Что потом было — убей, не помню. Две, а может, три минуты у меня в памяти напрочь стерлись. Зато, как на фотографии, вижу: Сергей с Женькой, в настил коленями упираясь, пытаются втянуть на плот свесившийся наполовину в воду мешок с вещами. А эта кишка с барахлом весит не меньше их, да еще с дальнего конца водой заполнилась. Скорее она их в воду утянет, чем они ее на плот вернут...

Женька орет:

— Андрей! Сюда! Вещи уходят!

А я вдруг вижу, что руль из стороны в сторону свободно ходит и канат, фиксировавший его в положении автопилота, болтается на румпеле, разорванный в двух] местах. А волна идет — сумасшедшая! И если нас к ней бортом развернет, то поминай, как звали...

Рванулся к рулю, а самому кажется, что ползу по плоту, улитка преклонного возраста, страдающая одышкой. Будто за ноги меня кто держит. «Ползу» я так, а в: голове мысль лихорадочно бьется: успею или не успею, кто первым — я или волна?

К рулю я все же успел. Вцепился в румпель что было сил, ногами в настил уперся, а сам — как загипнотизированный: на волну гляжу. И таким в сравнении с ней наш плот показался

мне хрупким, таким невозможно маленьким... Но тут же ударило, сорвало очки, хлынуло в глаза, рот, нос, сбило ноги с настила. Так я и повис на руле, дрыгая ногами, словно флажок под ветром...

Штормит уже почти 10 часов. Волны приходят через каждые 15–20 секунд. Под плотом разверзается пропасть. Он кренится, скользит вниз. Быстрее, еще быстрее. Потом падает неудержимо и вдруг замирает между двумя волнами — той, которая ушла, и той, которая приближается.

Представьте себе, что вы стоите в 60–70 метрах от] четырехэтажного здания. Вы — со своими 180 сантиметрами — перед отвесной десятиметровой стеной: чтобы увидеть ее верх, вам надо запрокидывать голову.

А теперь представьте, что эта стена несется на вас со скоростью 60 километров в час. Только вместо перил ограждения ее венчает полутораметровый гребень.

Плот стремительно взлетает вверх, кренясь, словно вагончик на американских горках. Спасает его только то, что он легок как пробка, и весь тот страшный удар, который обрушивается на низкосидящие в воде судна, здесь пропадает впустую. Плот не противостоит удару, а уклоняется от него, получая только легкие соскальзывающие толчки.

Ветер, скорость которого к этому времени достигала в порывах 130 километров в час, разбойно воет в такелаже, треплет капюшон штормовки. Мелкая водяная пыль, срываема с гребней, стелется над водой, хлещет по глазам, лицу, рукам.

Уже через несколько минут меня начинает пробирать холод. Я сильнее затягиваю ремешки спасжилета, обматываю ноги куском полиэтилена. Не помогает. Я вытягиваю из ножен пристегнутый к бедру нож, пробиваю в жестяной банке два отверстия, слизываю выползшую сладкую массу.

Сгущенки мне не хочется совершенно — от одного ее вида подташнивает, но сахар организму необходим. Сахар — это энергия, а энергия — это тепло.

Плот идет пока на автопилоте. Вмешательство требуется только тогда, когда надвигается особо опасная волна. Такие приходят раз в 10–15 минут. Я уже научился распознавать их...

Вон та, с огромным буруном — на нее даже смотреть жутко, но я знаю: она не причинит вреда. Гребень опадет раньше, чем волна достигнет нас. Следующая опасней. Но от нее можно попытаться увернуться.

Я сильно наваливаюсь на румпель и с удовлетворением чувствую, что плот слушается руля: круто развернувшись, он быстро скользит вбок. У меня есть еще несколько секунд. Теперь пора! Я выравниваю плот, ставлю его кормой к волне. С ревом гребень обрушивается в пяти метрах левее.

Можно продолжать «обед». Я запрокидываю голову и, кося глазом на море, сосу сгущенку. И тут вижу такую волну... Внимание — я быстро сую банку в карман.

Она еще пока голая, «наша» волна. Но ветер уже нагоняет ей гребень, взбивает холку, и именно в этот момент нас подводит под ее основание. Отвести плот в сторону не успеваю — волна растянулась на добрых 80 метров.

— Берегись! — кричу я, чтобы Женька и Сергей успели приготовиться к удару. А сам упираюсь плечом в румпель, хватаюсь руками за кормовые трубы. Если этого не сделать, может порвать канат автопилота и даже сломать руль. В данном случае я сыграю роль амортизатора.

Вершина волны рядом. Я закрываю глаза. Корму дергает вверх. Вдавливается в плечо румпель. До боли вытягивает руки.

Схлынуло! Словно потягивающийся кот, волна скидывает плот со своего хребта.

Я перевожу дух. Сквозь дыры карманов штормовки хлещет вода. Сапоги также полнехоньки. Вот теперь будет по-настоящему холодно... Ветер пробивает двойной брезент штормовки, добирается до мокрого тела. Меня начинает сотрясать дрожь.

Я энергично двигаю плечами, шевелю пальцами ног. Минут через 10 согреваюсь и с удивлением обнаруживаю, что капюшон и плечи уже высохли. Вот это ветер!

Когда плот вскидывает на очередную волну, далеко вижу то, что принято называть девятым валом. Ого... Я инстинктивно бросаю взгляд в сторону восьмилитровой канистры, гигантским поплавром прыгающей в 30 метрах за кормой. К ней тянется толстый шнур, привязанный для предосторожности на случай, если кого-то смочет за борт. Ведь вернуться назад, а тем более догнать плот вплавь при таком ветре невозможно. Одна надежда — уцепиться за страховочный фал, тянущийся за плотом.

Волна подошла совсем близко. Господи, какая она огромная! Такой, пожалуй, еще не было: нависла, словно Исаакиевский собор.

— Береги-и-ись! — кричу я и вместе с плотом буквально погружаюсь в воду. Рвануло так, аж хрустнули суставы.

Но вот плот выталкивает на поверхность. Удар был сильнейший. Я быстро осматриваюсь. Сергея протащило до мачты. Женька, понося последними словами море, выпутывается, отплевываясь, из полиэтилена. Тут все нормально. Перевожу взгляд на вещи. По правому борту не хватает одного рюкзака и трех канистр с крупами.

Остальное — не в счет, так, мелочи! Пронесло на этот раз...

Потом таких волн было много. Я уже устал бояться их. Я уже устал восхищаться ими. Чувства притупились. Через каждые 80 минут заступал на вахту, сменяя Женьку. Я ворочал рулем, кричал: "Берегись!" Я почти без перерыва пил вязкое сгущенное молоко.

А потом лежал в ворохе полиэтилена и сжимался в ожидании удара каждый раз, когда очередной гребень проходил мимо. В ответ на крик вахтенного — "Держись!" — я привычно цеплялся за металлическую сетку настила. Ловил и привязывал негнуцимися пальцами сорванные вещи. Короче, делал все, что нужно было делать. А может, немного больше...

К ночи шторм пошел на убыль. И хотя ветер все так же противно завывал в мачтовых растяжках, волны заметно сгладили свои очертания.

— Мелюзга пошла, — пренебрежительно оценил их Матвеев. — Детский сад: 7–8 метров. Говорить не о чем!

— А ведь, кажется, проскочили, мужики... — серьезно сказал Сергей. — Какой разговор! Считайте, это море уже сделано. Если в ближайшие два дня мы не будем гулять по набережным Баку, я съем собственную шляпу...

К сожалению, мы ошибались и на этот раз.

Море — «живой» противник. Никогда не знаешь, что оно выкинет в следующий момент. К чему готовиться? К изматывающему штилю или урагану? Можно пройти огромный маршрут легко, в курортном режиме, с шутками, загаром и хроническим ничегонеделанием. И тот же маршрут в то же самое время может стоить огромных усилий и жертв.

Можно, как это однажды случилось с нами, под полными парусами идти по курсу, радостно подсчитывая пройденные километры, и через сутки убедиться, что вернулись на 20 километров назад. А откуда взялось это, не обозначенное на карте течение такой силы и куда оно потом делось, можно только гадать до конца своих дней.

Конечно, любить или не любить море — личное дело каждого. Но с ним нельзя не считаться. Благодушное море карает самым жестоким образом.

Случалось, суда благополучно обходили вокруг света, намотав на винты десятки тысяч

милль, и гибли в нескольких сотнях метров от родного пирса на глазах оцепеневших от ужаса встречающих. Мы, к сожалению, забыли об этой истине, уверовав в собственную неуязвимость. Мы решили, что самое страшное осталось позади.

...17 часов 15 минут по судовому времени. Я добиваю свою очередную сорокаминутку. Осталось минут десять, не больше. Часов у меня нет по причине "мокрой специфики работы рулевого". Все водобоящиеся предметы я сдал перед заступлением на вахту. За моим временем следит Сергей Кромаренко.

Удивительно, что за столь короткое время мы привыкли к происходящему. И ветер, и волны, и даже страх стали для нас нормой. Мы притерпелись к ним, как дома — к прохудившемуся крану. Конечно, неприятно, но жить можно. Когда не имеешь возможности что-либо изменить — ведь не прикажешь стихии: "Ну-ка, прекратить безобразие!" Остается одно — приспособливаться.

Мы научились удобнее сидеть на вахте, экономнее расходовать силы, работая рулем, увертываться от опасных гребней. Произошел своеобразный естественный отбор. Вредные и ненужные в данный момент привычки отсеялись, заменились вновь выработанными, необходимыми в данной ситуации.

— Смена! — коротко оповещает Сергей. В то же мое время на корму с ревом обрушивается очередная волна, по ногам упруго хлещет холодом.

— Береги-и-ись! — каким-то не своим, сорванным голосом вопит Женька. Рев достигает высшей точки, глушит все звуки вокруг.

Я физически ощущаю до предела распахнувшуюся! над собой пасть волны. Я распластываюсь на полиэтилене, продавливаю его ногтями, пытаюсь углубить фаланги пальцев внутрь металлических ячеек настила. Мне необходимо зацепиться!

Волна уже рядом, я чувствую сотни килограммов воды, медленно падающих на меня. Или ощущаю воздушную подушку, которую гонит она впереди себя? Но знаю наверняка: через неуловимо малую долю секунды последует удар, и меня вместе с этим ворохом полиэтилена смоем за борт. Удержаться не смогу...

Я цепенею, мне кажется, даже сердце останавливается. Но в эту сотую долю секунды, оставшуюся мне, успевает вклиниться Сергей. Он падает на меня почти одновременно с волной, но все же чуть-чуть раньше. Он вжимает меня в настил, подставляя под удар свое тело. Я чувствую, как с хрустом вытягиваются сухожилия его рук, выдерживающие двойную нагрузку. И все же нас срывает, закручивает, тащит и вдруг сильно притискивает к сетке. Со всех сторон хлещет вода.

Я не понимаю, что происходит. Почему Сергей не слезает с меня? Мне же тяжело! Давит на грудь, я даже не могу свободно вздохнуть. И не понимаю, что нахожусь под плотом. Что не Серега давит на меня, а вода облепила полиэтиленом, словно пластырем, и сильно толкает вверх. Только выбраться я не могу потому, что путь преграждает туго натянутая сетка, сплетенная из толстой металлической проволоки.

Пальцами я пытаюсь рвать полиэтилен, скребу ногтями. Но прижатые, расплющенные руки не подчиняются мне. Инстинктивно собираю губами скопившиеся на пленке, серебристо поблескивающие пузырьки воздуха и глотаю их. Но они не могут насытить мои задыхающиеся легкие.

Я уже не думаю ни о чем. Животный ужас последней секунды охватывает меня. Кажется, кто-то, схватив руками мои легкие, безжалостно сжимает пальцы. Все туже и туже.

Розовая пелена встает в закрытых глазах. Делаю последнюю отчаянную попытку глотнуть воздух, судорожно дергаюсь и... проваливаюсь в темноту.

Я не помню, когда и как меня ребята спасли.

Позже, в Баку и Сумгаите, нам показывали следы той бури — засыпанные песком полутораметровые заборы, оборванные электрические провода, сломанные деревья. Нам рассказывали о том, как это происходило. А мы слушали и не верили, что были в это время в море.

Волна лениво набегаёт на песок, дотягивается до нас, лижет теплым, пенным языком, словно пес, заглаживающий вину перед хозяином. Мы сидим на берегу, приятно ощущая твердую, не качающуюся поверхность.

Через 10 минут нам уезжать.

— А вы знаете, мужики, не могли мы утонуть в этот раз, — неожиданно заявляет Сергей.

— Почему? — одновременно удивляемся мы. — Дело случая!

— Случай, это когда кирпич с крыши, — говорит Сергей. — А в море случайностей не бывает. Мы сто раз могли погибнуть, но выжили. Нельзя нам было утонуть, несправедливо это было бы!

С минуте мы молчим. Может, он и прав...

— А помните, как нас второй раз накрыло? — вспоминает Женька.

И вдруг я отчетливо понимаю: мне жалко этих, навсегда уходящих в прошлое минут. Будет ли у меня в жизни что-то равное им?

— Помню, — говорю я и вижу как наяву.

...Огромная волна, разворачиваясь пенным валом, надвигается на плот, вырастает, словно привстает для прыжка. И ветер рвет паруса. И сводит от холода руки и ноги. И, кажется, этому не будет конца.

Но каждые 40 минут маленькая фигурка на затерянном в море плоту встает и, ту же перетянув ремешки спасжилета, принимает вахту.

Так было и так будет. Пока один человек сменяет другого, пока делит с ним тяжесть невероятного труда; и пока цепочка эта не прервется, любая стихия — бессильна!

2. Трое на необитаемом острове (Леонид Репин)

Мы стояли на берегу маленькой, уютной бухты возле самой линии прибоя и, по правде сказать, несколько растерянно смотрели друг на друга. Во-первых, не верилось, что волей providения оказались заброшенными на пустынный, безлюдный остров, лежащий чуть ли не посередине моря. Казалось нереальным, невозможным даже: мы — на необитаемом острове... И, во-вторых, не могли поверить, что мы, именно мы, очутились в роле потерпевших кораблекрушение.

Толя Коваленко неловко переступал с ноги на и зачем-то поправлял и без того надежно сидевшую шляпу. Володя Пищулин рассеянным жестом приглаживал волосы и смотрел в открытое море, пустое до самого горизонта. Я поймал себя на том, что рука моя тянется к галстуку, чтобы поправить его. Нелепость какая-то: на: необитаемом острове, тишину которого нарушают лишь крики бакланов, чаек да слабый шорох прибоя, я стою в пиджаке и в белой рубашке с галстуком...

Коваленко посмотрел на нас и спросил;

— Ну что будем делать?

Я внимательно обследовал свои карманы. Ничего полезного, что могло бы сейчас пригодиться. Записная книжка, ручка, носовой платок. Все. Нет даже перочинного ножа, который обычно бывает со мной. У Володи — буквально то же самое: ручка, блокнот. Коваленко оказался богаче: у него в кармане лежала расческа. И — ни спички, ни зажигалки...

Оглядывая все наше имущество, я подумал, что к Робинзону Крузо судьба отнеслась много щедрее: несколько ружей с хорошим запасом свинца и пороха, несколько сабель, ножей, полный набор столярных и плотницких инструментов, несколько сундуков с матросской одеждой. Да и пищи он перевез со своего корабля предостаточно... У нас же было только то, что надето, а в наших карманах не завалилось даже крошек от бутербродов.

— Так что будем делать? — снова спросил Коваленко.

Искать пресную воду и рядом с ней строить дом, так решили. Наверное, это было единственно верное решение в такой ситуации.

Мы поднялись по отлогому берегу и, оставляя за собой узкий проход в сочной, высокой, в наш рост, траве, двинулись вдоль лоцинки, лежащей у подножия двух сросшихся сопки.

Было тихо, и мы отчетливо слышали шорох трав, трущихся о нашу одежду, и сочный хруст ломающихся под ногами стеблей. Плотный туман ватным покрывалом окутывал сопки, и солнце сквозь него казалось белым матовым шаром, катящимся откуда-то сверху — к подножию, к нам.

Странно, но мы ощущали это движение: как будто с каждым шагом приближались к раскаленной печи. Солнце оказалось очень жгучим, несмотря на пелену облаков и тумана. Хотелось раздеться, чтобы хоть немного остынуть, но мы не могли этого сделать: нужно было спешить, иначе ночь застанет нас без крова, без воды.

Мы шли молча, и, наверное, каждый думал о чем-то своем, хотя с этих, первых минут все свое стало для нас уже общим.

И все же я не мог отделаться от мысли, что вот-вот откуда-то сверху, из затуманенной чащи или откуда-то сбоку, из пахучих джунглей травы, раздастся чей-нибудь нетерпеливый крик: "Идите сюда! Ну где же вы ходите? Пора возвращаться на судно!"

Но никто нас не звал. Судна нашего давно уже не было. И, кроме нас, никого на острове не было.

Толя — самый высокий из нас, к тому же он шел: впереди — первый увидел блеснувшую

поверхность воды, окруженную частоколом шелестящей на легком ветру осоки. Это было небольшое озерцо, отгороженное от моря естественной дамбой.

Мы обошли вокруг озерцо и возле основания сопки, нашли первый родник. Он тихо струился меж стеблей высокой травы и казался нам прозрачным и чистым, как } утренний воздух в ясный, солнечный день.

Припав к нему, мы долго пили воду, впитавшую себя запах трав, омытых росой, и прохладу древних гладких камней. Нам казалось, что не было на свет? напитка вкуснее этой воды...

Дом решили строить как можно ближе к пресной воде, как можно ближе к лесу, что покрывал склоны сопки. Мы разошлись по берегу моря в разные стороны надо было обследовать его и собрать то, что могло бы пригодиться при строительстве дома.

Сгребли в кучу все, что нашли на прибрежных камнях, что на первый взгляд не имело решительно никакой ценности: например, обрывки рыбачьих сетей с большой ячейкой — нам они ни к чему, на тунцов мы не собирались охотиться. Потом собрали доски, выброшенные на берег волной, жерди, похожие на чистые кости, окатанные морем и высоленные добела. Они были очень прочны так, по крайней мере, казалось, — и мы решили сделать из них каркас дома. Как знать, сколько стоять ему... Как знать, сколько бурь ему предстоит выдержать...

Теперь пришло время разделить наши силы. Толя пошел искать дерево, подходящее для добычи огня, а мы с Володей поднялись в лес — за ветвями для строительства дома.

Наверное, с таким же волнением входили в лес колонисты во главе с Сайресом Смитом, бежавшие на воздушном шаре из плена южан. Мы входили в этот лес, ничего не зная о нем, надеясь втайне, что он даст нам: грибы, ягоды, возможно, орехи, что сумеет обеспечить, нам пропитание.

Под сенью невысоких деревьев, из которых мы узнали один только дуб, было свежо, прохладное дыхание, травы и листья овеяло наши тела. И почти невозможным казалось, что рядом, укутанный в облака и туман, пышет жаром матовый солнечный шар.

— Мы не увидели ни грибов, ни ягод, да и трудно ждать о что сразу, едва войдя в лес, найдем их. А искать времени не оставалось: главная наша забота — Жилище.

. -Около двух часов мы с Пищулиным ломали ветви Деревьев, потом нашли острые камни и, действуя ими, словно топором или рубилом — по примеру людей, живших в каменном веке, — вырубили несколько стволов молодых деревьев.

Всю лесную добычу обвязали ремнями из брюк и поволокли вниз, к площадке, вытопанной в высокой траве. Здесь будет наш дом. Мы не знали, сколько времени придется жить в нем. Зато знали, что дом — единственная защита от непогоды — должен быть надежным.

Каждую стойку, каждую ветвь мы укрепляли так заботливо и тщательно, словно жить тут предстояло до конца нашей жизни. Одна только мысль, что ночью, во время ливня, и под атакой шквального ветра, дом может рухнуть, удесятряла наше старание.

Толя вернулся, неся несколько сухих гладких досок, видимо, от ящика. Мы просверлили в одной из досок обломком раковины морского гребешка небольшое углубление, вставили в него круглую палку и, обернув вокруг нее спиралью ремень, без особой надежды на успех попытались добыть огонь.

Никто из нас никогда прежде этого не пробовал делать- просто о таком способе где-то читали, кажется, еще в детстве, — и потому удивились несказанно, обрадовались, когда из-под палки вдруг повалил довольно густой сизый дым.

В одно из мгновений мне показалось, что полыхнул даже крошечный язычок алого

пламени, и я вскрикнул от радости, но ребята его не видели, и вскоре я сам уже сомневался, был огонь в тот самый первый наш день, или мне показалось...

Два часа бесплодных попыток почти вконец обессилели нас. Мы стали думать о пище.

В густой траве, неподалеку от зеленого дома, Толя нашел несколько стрел дикого лука. Съели по одному стеблю — больше не смогли. Потом много пили. Этот жесткий, невкусный лук и вода были пашей единственной пищей за день. Впрочем, если говорить откровенно, есть в тот день особенно не хотелось: наверное, потому, что мы очень устали.

Володя первым полез укладываться. В доме лежали вещи, которые мы сбросили с себя, пока добывали огонь, и он долго копался, отыскивая в темноте свою рубашку, И вдруг вскрикнул: "Ах, черт! Мышь! Спряталась у меня в рубашке!"

Мышей здесь видимо-невидимо: настоящее мышиное царство. Они совсем не боятся нас и постоянно снуют под ногами. Впрочем, и мы и они стараемся вести себя дружелюбно. Как-никак, они здесь хозяева.

Лежали мы в темноте долго, невольно вслушиваясь в шорох ветвей над головой, в шорох вокруг — мышиное племя занималось своими делами. А рядом всего метрах в 50–60 от зеленого дома — тихая бухта, соленые воды...

Качались в прозрачной воде синие и красные звезды, топорщат темные иглы морские ежи... Тихо, лениво плещет волна, пришедшая невесть откуда — из бесконечной дали океана, — иссякшая и усталая от дальней дороги... Мы одни здесь. Кажется, эта тишина царит не только над нами, над островом. Она царит над всей Землей.

НАДО ЧТО-ТО ДЕЛАТЬ...

Если мы успели этой ночью поспать хоть один час, хорошо. Было жутко холодно: в зеленом доме, помимо нас, хотел найти пристанище и влажный, холодный ветер, дующий с моря.

Я безуспешно растягивал свой пиджачок, пытаюсь прикрыть им ноги и голову одновременно. А больше было нечем накрыться. Тогда, потеряв терпение, я сунул ноги в рукава и застегнул пиджак на все пуговицы. Если бы у нас был фонарь, я бы показал своим товарищам новый вариант Рассеянного с улицы Бассейной.

На завтрак — несколько глотков родниковой воды. Странно, но есть по-прежнему не хотелось. Впрочем, наверное, мы убедили в этом себя: какой смысл в том, чтобы желать невозможного?

Мы часто смотрели на море и изредка видели идущие мима суда — в день один или два корабля появлялись на горизонте. Они были чуть больше точки и так же, оставшись точкой, исчезали за гранью небес и моря. Маленькие острова всегда лежат в стороне от пути больших кораблей...

Мы решили предпринять экспедицию вдоль побережья и забраться, если получится, немного в глубь нашего острова. Сидя на месте, вряд ли добудешь еду.

Мы шли уже час или более по пустому раскаленному берегу, когда Пищулин остановился и удивленно сказал:

— Смотрите, собака плывет...

Я посмотрел в ту сторону, куда он указывал, и увидел: действительно прямо к нам по морю плыла собака. Но мне показалось, что это труп, гонимый ветром и волной — так неподвижно лежала она на воде. Поэтому я сказал:

-. По-моему, это дохлая собака.

Коваленко пригляделся и заявил убежденно: — Нет, это живая собака. Она здесь живет.

Я посмотрел внимательнее, увидел плотно сжатые ноздри собаки и пристально смотрящие на нас глаза. Потом ноздри вдруг округлились, глаза раскрылись еще шире,

наполнившись темным сиянием агата, и я узнал нерпу. Мы никогда прежде ее не видели.

Она оказалась премилым и прелюбопытнейшим существом: ныряла возле нас более часа, медленно приближалась, словно ее влекло неодолимое любопытство узнать, кто мы такие и как здесь появились. Ныряла Катька (так мы ее тут же назвали), как дельфин, а плыла под водой, извиваясь всем телом, подобно змее. Мы хорошо видели в абсолютно прозрачной воде ее гладкое тело с пятнистой спиной.

Однажды нерпа подплыла так близко к берегу, что нас разделяло всего метра 3–4, не более. Мне казалось иногда, что вот-вот она вылезет и уляжется на песке рядом с нами. Но Катька оказалась существом более строгих нравов.

Вскоре со стороны моря раздался низкий приглушенный глас, похожий на звук трубы, нерпа откликнулась — видно, звал ее друг — и сразу исчезла так же неожиданно; как появилась. Мы снова остались одни.

Эта экспедиция нам ничего не дала: мы ничего не нашли из съестного. И я не мог не вспомнить все того же, более удачливого Робинзона. Он рассказывал: "Я всегда мог иметь любой из трех сортов мяса: козлятину, голубей или черепаху, а с прибавкой изюма получался совсем роскошный стол, какого, пожалуй, не доставляет и Лиденгольский рынок".

Мы нашли две дикие яблони, но яблочки на них были бог знает что — кисло-горькие, маленькие, величиной с ягоду черной смородины. К тому же на дереве их росло Всего несколько штук. Лес был пуст: без грибов, без ягод, без всяких следов какой-либо живности. Да и что могло расти на этих голых камнях, меж которых поднималась высокая густая трава?

А потом, вернувшись, мы снова добывали огонь. Снова почти до полного изнеможения дергали мы с Володей ремень, обмотанный вокруг стержня, который направлял Коваленко. Мы вырабатывали в эти часы столько энергии, что ею, наверное, можно было осветить целый город. Но нам самим не удалось увидеть ни искры.

Из-под стержня валил густой дым, и мы уже предвкушали радость, когда блеснет краешек пламени. Ведь дыма нет без огня! А дыма у нас — сколько угодно.

Один раз, когда Толя убрал веретено, я быстро склонился над доской и стал дуть на почерневшую от трения труху. Из лунки, проделанной раковинкой в доске, выкатился крохотный тлеющий уголек. Мы смотрели на него, не веря себе, — это был настоящий живой огонек! Мы поднесли к нему листок, вырванный из блокнота, и стали раздувать уголек. Мы дули осторожно, нежно, потом с отчаянием: край бумаги тлел, тлел... И погас.

Разочарованные, мы выпрямились, тупо глядя на почерневший обрывок бумаги. Казалось, все, огонь в наших руках. Но мы не сумели его удержать. Все равно что удержать ветер в ладонях...

Мы бродили по берегу, подбирая разные камни, пытаясь высечь искру. Но не было камней, хотя бы отдаленно похожих на кремень. Ни единой искры так и не удалось нам выбить, и мы оставили эти попытки.

Потом Пищулин изобрел что-то новое. Мы с Коваленко со снисходительной улыбкой наблюдали, как он сдирал со старого ящика ржавую проволоку, затем рубил ее камнем на равные части, примеривался, скреб в раздумье свою корсарскую бороду. Мы привыкли уже, что Пищулин изобретает всегда неожиданное.

На этот раз, однако, получалось нечто более странное и к тому же совершенно непонятного назначения. Снисходительность переродилась у нас с Ковалем в откровенное любопытство.

Пищулин же не обращал ни на кого внимания — продолжал поскребывать бороду, насвистывать и через некоторое время поставил на самодельный стол аккуратный четырехножник из проволоки.

Ножки его отходили от ровного кольца небольшого диаметра. На это кольцо он приладил вогнутое дно разбитой белой бутылки (бутылку долго искать не пришлось), налил в него немного воды, и мы сразу увидели на столе четкий и яркий солнечный зайчик.

Он сделал лупу! Причем рассчитал так, что длина ножек подставки в точности равнялась фокусному расстоянию полученной линзы.

Мы с Коваленко переглянулись: быть может, Пищулину одному удастся сделать то, что мы не могли сделать втроем? Он подложил к зайчику обрывок пеньковой веревки, кусок обгорелой бумаги и, склонившись над устройством, напомиравшим прибор алхимика, приготовился ждать.

Через минуту бумага задымилась, черное пятно вокруг солнечных лучей, собранных в фокус, расширилось, по краям задымил, но огонь всякий раз ускользал, едва мы пытались раздуть его. Он вел себя, как пугливая птица, которая на собственном опыте познала, что человека лучше всего избегать.

...Как-то, еще в Москве, когда и думать не мог, что мне придется жить на необитаемом острове, я прочитал: специалисты из одного научно-исследовательского института, занимавшиеся изучением орудий труда и жизни древних людей, добыли огонь трением на четвертый день после множества бесплодных попыток. Потом, освоив технологию, специалисты добывали огонь с помощью трения за 50 секунд.

Не знаю, в каких точно условиях они это делали, но, вероятно, не в таких, как на нашем острове. Во-первых, у нас был главный враг — исключительно влажный воздух: он пропитывал влагой все — дерево, землю, нашу одежду. Только в недолгие два-три часа, да и то лишь в солнечный день, мы могли подсушить деревянные доски и веретено, разложить на солнце одежду.

И второй враг — наша слабость. У нас не было нужного опыта, и каждая новая попытка добыть огонь стоила очень многих усилий. А их буквально с каждым часом становилось все меньше и меньше. После каждой новой попытки приходилось отдыхать все дольше и дольше. Тому в немалой степени способствовали бессонные ночи. Огонь изматывал нас и все равно ускользал.

На ужин съели кожуру от двух-трех ягод шиповника, которые я собрал во время экспедиции по острову. Ягоды безвкусны, как сухая трава. Коваленко съел свою долю, посидел молча, потом произнес: "После этих ягод есть еще больше хочется..."

Из моря мы пока ничего не пытались добыть. Утром — холодно, даже от мысли о том, что надо лезть в воду, бросает в озноб. А днем много других дел. И, честно говоря, есть почему-то не хочется. О еде думаем, как о чем-то таком, что должно поддержать силы. И только. Нам кажется, что еще очень долго мы вполне могли бы обойтись без еды.

Но это только казалось. И скоро мы в том убедились.

Обрывок сети и кусок лианы

Утром мне долго не хотелось вставать: очень сильная слабость, как после долгой болезни. Кажется, нет сил подняться и немного пройти. Голод и несколько бессонных ночей сделали свое дело. Впрочем, ничего другого, наверное, и нельзя было ждать...

Странно, но только сейчас, спустя несколько дней после того, как оказались на острове, почувствовали мы необходимость создать хоть какие-нибудь орудия труда. До сих пор все мысли занимал лишь огонь.

Теперь же, когда мы поняли, что совершенно свободно можем остаться вообще без огня

— и это можно еще как-то принять, — то не есть бесконечно долго мы вряд ли сможем. А еду на острове, где нет деревьев с растущими на них бутербродами, голыми руками вряд ли добудешь.

Мы вспомнили о бочке, которую видели во время экспедиции неподалеку от дома, притащили ее поближе к нашему логову, выбили камнем дно и получили четыре железных обруча и несколько отличных досок. Коваленко покрутил в руках обруч и опрометчиво пообещал: "Сейчас сделаю нож". Я с сомнением на него посмотрел — нож так нож. Хорошо. Но, может быть, заодно с ним и вилку?

Толя, однако, принялся за дело. Сначала согнул; обруч, побил на сгибах железо камнем. Обруч лопнул, и в руках Коваленко оказались две узкие и длинные железные полоски. Он повертел их, внимательно разглядывая со всех сторон, потом выбрал одну и, положив на широкий ровный камень, принялся стучать другим камнем по краю железки.

Через сорок минут он показал нам с Пищулиным нож. Это был не просто нож, совершенно необходимое нам орудие. Это был очень красивый нож! Лезвие блестело, словно отшлифованное на мягком точильном камне, и на поверку оказалось отлично заточенным.

Одно плохо: из-за того, что железо мягкое, рубить ножом его автор нам не советовал, а только резать.

Нож мы насадили на длинное древко, примотав накрепко нейлоновой нитью, вытянутой из обрывка сети, найденной на берегу, и получили великолепный гарпун, или острогу — кто как захочет использовать.

Коваленко поднял свой гарпун над головой, испустил воинственный клич, сделал несколько резких движений, словно поражая невидимого врага, и, внезапно опустив оружие, сел на траву. Оружие получилось отличным, только добычи для него мы никак не могли подыскать.

Подцепить ежа и выволочь его на берег — дело несложное. Разрезали ежа пополам, достали икру. Осторожно попробовали. Станный вкус: напоминает какой-то экзотический плод. А есть без соли мы не решились. Даже голод нас не заставил...

Пошли дальше. Нашли единственную раковину морского гребешка. Говорят, тоже деликатес. Только больно уж он маленький! Ребята пробовать его отказались, и я, поддев большим пальцем мускул гребешка, выковырнул его, прополоскал в морской воде, съел.

Пищулин и Коваленко с нескрываемым интересом вслушивались в хруст у меня на зубах и испытующе следили за мимикой на лице, сопровождающей довольно отважную дегустацию: мы ведь толком не знали, можно ли эти гребешки есть сырыми!

Оказалось — ничего. Даже довольно вкусно: этакое остро-соленое блюдо. Поняв, что есть можно, и поверив мне, что это значительно лучше пресной ежовой икры, мы принялись нырять, пытаясь найти гребешки. Но ни одного не нашли. Пищулин вылез из воды синий от холода и злой от постигнувшей неудачи.

Опять пошли дальше. Сорвали несколько стеблей морской капусты — попробовали. Через силу, преодолевая отвращение, по одному глотку проглотили. Без соли есть невозможно.

Пошли обратно. Толя нашел в прибрежной траве несколько стеблей дикого лука. Я съел полстебля — жесткий, бессочный — больше не хотелось..

Из обрывка сети и из куска гибкой лианы мы сделали сачок, насадили его на длинную палку и вновь с надеждой вернулись к морю: может, удастся наловить хотя бы мальков? Но они в страхе бегут от сачка.

Удочки, разумеется, мы не забыли соорудить: просто ждали случая или какой-либо

находки, которые бы дали возможность сделать крючки. Удилище — не проблема. Леску мы тоже могли иметь практически любой нужной длины. А вот крючки...

Все решил найденный у линии отлива ящик. Как и большинство деревянных ящичков, он был обмотан для крепости проволокой. Толя осторожно отмотал эту проволоку, обрубил камнем два небольших кусочка, повозился с ними и вскоре положил мне на ладонь два маленьких изящных крючка. Они были остры, с зазубринкой, и, глядя на них, с трудом верилось, что появились

не из магазина.

Из гвоздей, добытых из ящика, Коваленко соорудил еще два крючка — для рыбы побольше. Распланировали мы все хорошо. Осталось только поймать эту рыбу...

В тот день мы успели еще многое сделать. Собрали валявшиеся по берегу бревна и связали большой, довольно объемистый, плот. Его мы предполагали использовать в бухте для поисков колоний устриц и гребешка. Стоя на плоту, хорошо видишь дно — толща воды, метров в пять или шесть, просматривается словно через стекло. Если, конечно, море спокойно.

Малейшая рябь, и дно, будто волшебное видение, исчезает, и мы уже не можем отличить камни от устриц. Пробовали нырять — безуспешно: камни, устрицы и морской гребешок превращаются в неясные, размытые пятна.

Меж камней, у самого берега, мы видели несколько маленьких крабиков — еды в каждом не бог весть как много: если граммов пять будет, и то хорошо. Короче, решили поймать их.

Неожиданно для нас крабики оказались ребятами не промах: на удивление бдительны. По вполне понятным причинам, они не хотели даваться, проворно спасаясь в щелях меж камней. Не помог и "крабобой"- длинная палка с насеченным на нее острым гвоздем. Пришлось отказаться от затеи.

Только в эти дни мы поняли, как мало умеем и как мало можем. Не умеем добыть огонь, не умеем охотиться. Современная жизнь давно уже отучила человека, живущего в городе, добывать пищу вне стен магазина. Это наши далекие, безвестные предки могли быстро извлечь огонь из двух сухих кусков дерева, могли часами преследовать добычу.

Мы же потеряли все это. И, в общем, совершенно неожиданный вариант для человека: цивилизация сделала его почти беспомощным на лоне природы.

Мы это чувствовали особенно остро. Верно: многое знали. Но не умели использовать знания. Мы растеряли весь жизненный, практический опыт, который человечество копило многие тысячелетия. И вот сейчас здесь, на безлюдном заброшенном острове, судьба заставила нас вновь обратиться к этому опыту.

Постепенно, шаг за шагом, неудача за неудачей, мы постигали его. Нам неоткуда было ждать помощи, и никто не мог дать нам совета. Все предстояло сделать самим.

Пищулин соорудил давно обещанный лук. Стаи бакланов и чаек — как не попробовать! Увы, лук слаб и беспомощен: стрела летит еле-еле метров на 25. Птицы же ближе, чем метров на сто, не подпускают.

Дикие утки еще осторожнее. Долго мы следили за ними, спрятавшись в прибрежных кустах, не спуская голодных глаз с птиц. Но нет, тут нужно ружье.

Поднявшись, Пищулин швыряет лук в высокие травы. Чайки, бакланы и утки с торжествующим криком поднимаются в воздух...

По-прежнему мы выкладывались до конца, в солнечные часы добывая огонь. Нам казалось, что все-таки потихоньку продвигаемся вперед. Последний раз от трута, когда я его раздувал, летели во все стороны искры: одна из них обожгла мне щеку, другая едва не попала в глаз, у Володи весь нос оказался таинственным образом измазанным в копоти.

Но бумага, когда ее подносили к труту, всего-навсего тлела. Быть может, виной всему исключительно влажный воздух?

Нам очень хотелось верить, что мы все делали правильно и что виновата лишь вездесущая влага. И еще верили: в первый солнечный день, когда солнце пробьет тучи с утра (такого дня у нас еще не было), добудем огонь.

А еду?

Вообще же, если не думать о хлебе насущном и если иметь время и силы, чтобы спокойно и ясно оглядеться вокруг, наверное, можно увидеть, что живем мы в изумительном месте, на берегу безбрежного моря, на изумрудной поляне, где трава то по пояс, а то почти в человеческий рост. И россыпь цветов! Кажется, все краски они вобрали в себя.

А на горизонте — цепь островов, открытых, мы знали, всего сто лет назад. Пустынны, безлюдны они... Как тогда. Громады причудливых очертаний... Оттуда, от этих островов, до нас доносятся крики зовущей нерпы. Трубный глас, одинокий голос в пустынном море.

Кто ищет кого? Друг свою потерянную подругу или это она тоскует о нем?

Сыроежка. На всех

Вчера на ужин съели одну маленькую сыроежку на троих. Очень вкусно! Съели бы больше — не нашли. Странно, но есть, в общем, не так уж и хочется... С удивлением заметил, что каждый шаг дается с трудом. Хорошо бы лечь и не вставать.

Вкрадывается иногда предательская мыслишка: "А зачем? Зачем эта бессмысленная беготня в поисках пищи? Зачем эти изнурительные, до четвертого пота, попытки добыть огонь? Вполне можно не есть — вот так неподвижно лежать, и все..."

Когда встаю, сильно кружится голова, в глазах все плывет. Приходится некоторое время стоять на месте, держась за что-нибудь, пока не придешь в себя.

Сегодняшний день — день важных событий. Утром, еще не было семи, пошли проверить мордуху, поставленную с вечера неподалеку от берега. Вдруг там что-нибудь есть?

К великому нашему изумлению, мы нашли в ней шестнадцать рыб величиной в полладони и даже больше. Какая добыча! Мы и не мечтали о ней. И следующая мысль: нужен сейчас, сию минуту огонь.

Остервенело кинулись его добывать. Крутили веретено так яростно, как никогда еще. Угли получались хорошие: я даже обжег себе пальцы, удерживая и раздувая их. Но пламя не занялось...

Именно эта попытка разочаровала нас больше всего. Сейчас, когда есть еда, огонь казался лишь небольшим дополнением, которое должно было бы облегчить нашу жизнь. И потом мы считали, что в принципе своим трудом и упорством заслужили огонь. Если только такое

право дается.

У героев Жюль Верна на Таинственном острове, помните, нашлась спичка — завалилась у кого-то в кармане. Харберт сумел зажечь ее. Кроме того, у колонистов оставался в запасе еще способ Сайреса Смита: они вынули выпуклые стекла из своих часов, сложили их, заполнив промежутки водой и обмазав края глиной. Так получили универсальную лупу.

Мы же способу Сайреса Смита могли противопоставить лишь способ Пищулина (четырёхножник с дном от бутылки), поскольку стекла в наших часах оказались плоскими.

Пищулин, однако, не унимается. В патентное бюро нашего острова он принес новую заявку. Собственно, провозившись часа два или три, он выложил перед нами с Толей готовое изобретение. У него уже было и вполне подходящее научное название: "Устройство для

захвата морских гребешков со дна, не прыгая в воду".

Сделано очередное достижение науки и техники было из длинной палки, на конце которой красовалось затейливое сооружение из смятого обруча бочки. Больше всего это походило на хорошо известное приспособление для выхватывания горячих горшков из печи.

Одержимый жгучим желанием немедленно опробовать свое «детище», Володя забрался на плот и с час разъезжал на нем по бухте. Временами он останавливался, опускался на колени, даже ложился на плот и, шуруя своим "устройством для захвата..." где-то у дна, пытался ухватить плоские раковины. Но ни одного гребешка не поднял!

Уныние изобретателя, потерпевшего крах, ему незнакомо, он по-прежнему полон оптимизма. "Я сделаю «палтусоловку», заявил Пищулин на пресс-конференции, состоявшейся сразу после испытаний.

— Что, что?! — спросили мы хором.

— Ну тогда "камбалоловку", — неохотно пояснил нам Володя.

Мы с Коваленко с отчаянием переглянулись.

Когда я читал книгу Бомбара, то обратил внимание, как долго он готовился к своей экспедиции, как приучал себя есть сырую рыбу, — процесс длительный и небезболезненный.

Нельзя было не вспомнить об этом, глядя на рыбу, которую удалось поймать. Никто из нас никогда в жизни не собирался полакомиться подобным деликатесом, как, кстати, и теми, которыми полно море. И все-таки час дегустации пробил: ведь уже много дней мы живем без еды.

Деваться некуда — решил показать, как едят сырую рыбу. Решительно очистил чешую (Пищулин и Коваленко внимательно смотрят), отсек голову (у Пищулина и Коваленко — каменные лица), содрал с трепещущей рыбы кожу — она снялась как чулок (Пищулин и Коваленко не дрогнули) и мужественно откусил от хребта (Пищулин и Коваленко шевельнули разом бровями).

— Ну, как? — спросили они.

— Вкусно, — говорю. — Есть можно.

Коваленко сразу же откусил, покачал в удивлении головой и даже воскликнул: "Надо же! Никогда не думал, что это так вкусно!"

Потом мы оба признались, что сделали лишь вид, что рыба понравилась, дабы подбодрить друг друга и Пищулина, который все еще медлил, колебался. Ему не хотелось даже пробовать...

Однако, когда и Толя съел свою рыбу, Пищулину было некуда деваться. С пресным (это можно понять) выражением лица и явно мучаясь, тоже съел. Он оказался самым честным из нас и не стал уверять, что блюдо ему понравилось.

Мы еще очень плохо знали свой остров и, посоветовавшись, решили обследовать его.

Почти сразу за мысом открыли удивительно красивые места, напоминающие кусочки необжитого Крыма. Грубые живописные скалы с пещерами, гротами, арками, промытыми неустанной водой, скалы всюду — на берегу, в море... И вокруг — прозрачные до самого дна лазурные воды, лагуны и заводи... Живое, пенящееся у берега море...

Долго ныряли и плавали, забыв о том, где мы, забыв о том, что вот уже столько дней мучило нас: о голоде. Какая мелочь — еда, когда вокруг — прекрасный, прозрачный, солнечный мир, в котором, кроме нас, — никого, и мы ни с кем не делим его! Как хорошо, что есть еще на земле места, не тронутые дыханием времени, оставшиеся точно такими, если не говорить о деталях, какими были тысячу лет назад. Мы испытывали острое чувство радости и благодарности к нашему острову именно за это.

— Вижу большую рыбу, — сказал Коваленко. Я думал, что речь идет о камбале или об

окуне, но Коваленко внес уточнение: "Это кит". Действительно, чье-то огромное черное тело с острым плавником выкатывалось плавно из воды в полукилометре от нас и так же плавно, словно в замедленном фильме, скрывалось. Так ныряет дельфин, но это было животное во много раз больше дельфина. Возможно, касатка...

И все-таки цивилизация дает о себе знать. Море потихоньку становится всемирной мусорной свалкой. Часть отходов со своих производств человек сразу отправляет на дно, часть их в море выносят реки. Многие мелочи человек, не задумываясь — море такое большое! — бросает за борт.

Обломки старых деревьев, могучие стволы лесных исполинов, горы водорослей, скопившиеся на берегу, россыпи раковин, оставленных волнами, это не мусор. Это как бы часть жизни моря, часть его самого. По вот эти обрывки сетей, ящики, бутылки, банки, сделанные в разных странах мира и вынесенные волнами на пустынный берег нашего острова, — это уже мусор.

Брошенная, возможно, унесенная волнами, обувь всевозможных фасонов — се столько здесь, что невольно думаешь: сколько же растерях живет на земле! Куски полиэтилена, пакеты, пластмассовые сосуды всяких форм и размеров — все это мог создать лишь человек. И лишь человек мог это выбросить в море. "В нем не видно, оно стерпит все"...

Во время этой экспедиции Пищулин нашел в камнях у воды фломастер. Попробовали — пишет отлично. Бог знает, сколько времени носился он в волнах, а пишет! После этой находки Пищулин бегаёт по берегу, надеясь отыскать пишущую машинку. Если есть фломастер, почему не быть и машинке?

Открытие, которое не могло нас обрадовать: родник иссох. За один полный солнечный день! На дне — грязь, слизь...

Теперь мы ходим в густой траве осторожнее: на острове много змей. Возвращаясь из очередной экспедиции, шли великолепным, усеянным цветами лугом. Вдруг Толя вскрикнул: из-под наших ног влачила свое жирное тело большая гадюка. Не прошли и пяти метров, как Володя и я увидели еще змей. Тут же прелестный луг получил название Змеиного.

А на море, лежащем вокруг нашего острова, полный штиль. Недвижны листья деревьев. Туман неслышно стекает в ложбину меж сопок. До моря он еще не дошел, и мы могли видеть зеркально гладкую воду.

Вдруг из-за туч, текущих за горизонт, в сгустившейся тьме прорвался неведомо как сохранившийся луч зашедшего солнца. Багряный блеск выкрасил море и контуры островов.

Какое все-таки чудо, эти острова! Прекрасные, не подвластные времени...

"письмо"

Сначала мы жили на острове в каменном веке. Нашими орудиями были каменные топоры и рубила. Мы научились ими довольно ловко пользоваться. Потом, после найденных бочек, перебрались в железный век. У нас появились ножи и всевозможные снасти, которые мы смогли сделать с их помощью.

Одно плохо: по-прежнему почти не едим. Вот наше меню в самый обильный, в смысле еды, день. Завтрак: две небольшие сырые рыбки, кусочек сыроежки, одна зеленая ягода шиповника и вода из родника. Обед: одна сырая рыбешка и одна ягода. (В ягоде, кстати, едим только кожуру.)

День выдался туманный, промозглый. Видимость — метров сто, вряд ли более. Сразу стало тоскливо и сумрачно... Наша прежняя жизнь кажется теперь нереальной, далекой...

В этот же день я впервые грохнулся в обморок. Типичный голодный обморок. Случай вполне тривиальный. Лежал, спокойно поднялся, в голове, как обычно, все поплыло. Сделал два-три шага и на какую-то долю секунды потерял сознание: почувствовал, что падаю и

ничего не могу с этим поделать.

Коваленко тоже отличился. Сел писать свой дневник, посмотрел на последнюю страницу, увидел число — 31 июля. На новой странице уверенно написал: "32 июля".

Второй день подряд сыплет дождь: мелкий, частый, занудливый. Идешь к роднику — вымокаешь выше колен; трава мокрая, блестит. Ложимся спать тоже во всем влажном. В общем, чувствуем себя неудобно.

До чего же коварна и неустойчива погода на нашем маленьком острове! Только что падали крупные капли дождя, и вдруг — яркое, даже жаркое, солнце. Через пять минут — пасмурно, сильный ветер, туман. И — снова солнце. Жаль, что снова — только на пять минут.

Промокли и простыли мы, кажется, насквозь. Сыплет по-прежнему дождь. Сыплет, будто сквозь сито.

Каждый день ходим в лес, пытаюсь там что-то найти. Он необычен, этот лес: совсем не похож на наш, подмосковный. В нем много камней — грубых, с острыми краями. Легче идти, шагая прямо по камням, чем выбирать место меж них.

Диковинные цветы, деревья с короткими, мощными стволами. Блики солнца теряются в высокой траве. Тихо. Лишь изредка прокричит где-то птица.

Лес очень красив. Но для нас он почти мертв: в нем совершенно нет ягод, грибов. За первую неделю жизни на острове мы нашли всего три сыроежки. Да и плодовых деревьев нет тоже. Остров наш — не такое уж райское место, как показалось вначале. Особенно, если жить здесь без огня и без пищи... Впрочем, пища есть. Но без огня ее как будто бы и нет.

Иногда, размышляя о своей нынешней жизни, думаю: самое скверное здесь — не голод, нет. Холодные ночи без сна — вот что хуже всего. И влажная одежда, под которой снуют муравьи. Да еще поедом едят комары. Так что с домом у нас связаны довольно-таки неприятные впечатления.

Но, с другой стороны, дом — единственное наше убежище. В жару в нем прохладно, а в дождь... От небольшого дождя он укрывает вполне надежно, но от ливня нам в нем не спастись.

Так мы пришли к мысли, что наш зеленый дом необходимо срочно реконструировать. Собрали по берегу вес куски полиэтилена, которые только смогли найти, и, насколько это было возможно, обложили дом сверху и по бокам.

Я боялся, что сильный ветер может сорвать всю защиту, поэтому придавили пленку ветвями — так будет надежнее. Теперь мы сделали все, что только было возможно в наших условиях, чтобы защитить себя от ДОЖДЯ.

В этот день случилось ЧП: исчез Пищулин. Мы легли в доме, чтобы хоть немного соснуть. Проснулись — его нет. Огляделись, покричали — лишь крики чаек в ответ. Прошло полчаса, час... Мы с Толей начали волноваться. У нас была договоренность: ни в коем случае не уходить в одиночку. И вот его нет...

Проходит еще полчаса, и снова час. Появляется. Вижу, идет вдаль по камням. Усталый, измученный, еле ноги волочит. Мы с Толей на него напустились, а он, Упрямец, отбрыкивается: "Мужики, вы не правы — я же не для себя за этими устрицами ходил! Потом — я же записку оставил вам!"

— Какую записку, где? — набросились мы.

— А вот, — и подает нам женскую босоножку с левой ноги, на которой ярким фломастером начертано: "Я пошел искать устриц за второй мыс".

Записка... Этот опорок давно валяется здесь. Мы равнодушно отфутболивали его ударом ноги подальше, чтобы не путался, а Пищулин — вместо бумаги использовал. И еще возмущается, что мы не поняли!

Страсти горели, наверное, с час, но каждый остался при своем мнении. Никто никого не смог убедить.

Ночью сквозь Дрему слышу все нарастающей силы дробь дождя по кровле дома. Сразу отлетела дремота: первый ливень! До этого нас поливали просто дожди, теперь же дому предстояло выдержать серьезное испытание. Ливень шел часа три, и все это время я лежал, напряженно прислушиваясь, ожидая, что вот-вот откуда-то прорвется вода и от нее уже ничто не спасет.

Высунул голову из-под пиджака, и сразу же точно рот попала большая пресная капля. Слышу, как и в других местах в доме падают одиночные капли. Но это все! Дом выдержал ливень. Подмок только мой блокнот, лежащий с самого края, а мы сами остались сухими.

А утром — еще большая слабость. В первой половине дня я был четыре раза в состоянии, близком к обморочному. Весь день — яркое, слепящее солнце, жара, которой здесь еще не было, на небе — ни облачка. Единственное спасение — морс. Плавать не хочется, только: неподвижно лежать в воде.

Но и этого удовольствия, к сожалению, мы не можем позволить себе столько, сколько нужно, сколько хочется: у нас много дел. И главное из них — добыча огня. Эта работа — самая неприятная и изнурительная — уж очень выматывает.

Иногда, после новой попытки, приходится неподвижно лежать на земле, раскинув в стороны руки, медленно, собирая силы. От одной мысик, что надо добывать огонь, паршиво становится. А тут такая жара — мы еще больше размякли, завяли...

Сделали три дырки в доске — Толя держал ее отдельно, берег, словно фамильную драгоценность. Прокрутили эти дырки. Как всегда — ничего. Даже угля не видели! Наверно, по структуре плохая доска.

Хотели отложить, но Толя сказал: "Давайте еще пару попробуем". Согласились. Когда есть такая определенность, когда знаешь, что вот эти — две последние дырки, а потом доску можно забросить ко всем чертям, тогда все-таки легче.

И вот мы снова сели крутить. На этот раз дым был хороший — густой, плотный. Уголь тоже получился отличным. Мы его положили на трут из расщепленной пеньковой веревки, обмотанной сухим кусочком бумаги: получилось внешне некоторое подобие сигареты или скорее самокрутки, "козлиной ноги".

Уголек вопреки обыкновению не гас, а тлел на труте. Мы перенесли его в давным-давно приготовленный очаг, где лежали очень тонко нарезанные стружки, бумага. Одна из стружек затлела, мы поднесли к ней бумагу, и вдруг — я не верил себе! — она, словно нехотя, загорелась.

— Огонь... — сказал кто-то из ребят, а может, я сам, сдавленным голосом.

— Тише, — цыкнул Коваленко.

Но ведь это огонь! Он разгорелся и обдавал нас теплом. Теплом, которое мы сделали, выжали из дерева сами!

Огонь...

Мы сидели и молча, заморожено глядели па это прекрасное пламя. Неужели оно теперь всегда будет с нами?

Володя сбегал за мордухой, в которой нетерпеливо ждали решения своей участи штук пятнадцать рыбешек, и через десяток минут мы их с неопишуемым удовольствием ели. Как же вкусны они были — с аппетитно зажаренными бочками... И так изумительно пахли!

Огонь неожиданно очень остро поставил перед нами проблему: где взять достаточное количество дров? Когда смотришь па берег, их кажется много, а когда надо дрова собирать — все почти не годится по разным причинам. Запаса мы никакого не сделали: не хотелось

трагитъ силы, не зная, сумеет или не сумеет добыть огонь.

Мы еще не привыкли к мысли, что теперь у нас есть огонь, уж очень долго мы ждали его, потратили столько сил и испытали столько разочарований из-за него!

Теперь все хорошо. Казалось бы... Но теперь нас заботит будущее огня. Как подумаешь, что придется начинать все сначала, страшно становится...

Будущее огня. Как покормить его, как укрыть от дождя?

Наконец, огонь...

Толя всю ночь сидел на вахте, оберегая огонь. Иногда, переворачиваясь с боку на бок, я видел его силуэта фоне алых тлеющих углей. А в небе сияла луна. Впервые мы видели здесь ее такой яркой. Быть может, свет ее сулит завтра хороший день?

Так и случилось. Но день был слишком хорош. С раннего утра солнце жарило так, словно спешило прогреть море до самого дна. Над землей сразу появился легкий парок, а туман, лежащий в бухте, быстро стал таять. Он растворялся в воздухе, как тень, исчезая в солнечном свете.

Это очень красиво! Но чувствуешь себя в такой день крайне неважно. С утра, едва встал — полубморочное состояние: я заметил, что в жаркий, солнечный день самочувствие значительно ухудшается. Все приходится делать с большой затратой сил, через нежелание. Мы уже давно привыкли к тому, что все, или почти все здесь приходится делать против желания.

Подле первого мыса — около километра от нашей резиденции — Володя нашел большой деревянный я видимо, смытый с какого-то судна, набил его досками и обломками деревьев, валявшимися на берегу, положил сверху с десяток устриц, спустил ящик в море и подтолкнул в направлении к нашей бухте. Дальше его понесли течение и легкий попутный ветер.

Через два часа мы полезли в воду — встречать точно пришедшую посылку. Несколько досок из ящика выплыли и заканчивали свой путь самостоятельно, но ни одна не пропала: мы все выловили. Теперь до конца дня на ночь дров, пожалуй, хватит...

Вот что оказалось для меня неожиданным: мы столько дней боролись за огонь, мечтая о нем, как, наверное мечтают о счастье, а он, едва появившись, сразу же нас разъединил: мы реже стали собираться все вместе.

Теперь кто-то один вынужден сидеть возле него, двое других должны заниматься делами. Естественно! что дел теперь на одну треть прибавилось.

Толя отдежурил ночь, поел с нами печеной рыбы лег СПЕТЬ. Я несколько часов поддерживал огонь, а Володя вновь отправился на поиски дров.

Теперь мы знаем, что такое настоящий голод. Это такое состояние, когда не хочется есть. Полная апатия! слабость, одышка. Едва встаешь, кружится голова, и иногда кажется: вот-вот упадешь. Ноги ходят с трудом, неохотно.

А пока... Пока мы стараемся сделать все, чтобы хоть как-то разнообразить, облегчить нашу жизнь.

На берегу долгое время валялся большой кусок японской сети. Мы все никак не могли найти ей применение. Пищулин взял ее и соорудил в кустах великолепный гамак. Лежать в нем неопишимо приятно-мягко. Мыто привыкли, что под боком у пас обязательно должен торчать какой-нибудь камень!

На берегу бухты Толя вбил столб и стал на нем делать зарубки, отмечая счет прожитым дням. Невольно у нас получается жизнь по Крузо: Володин гамак, Толин столб. Правда, в нашей с ним жизни больше различия, чем сходства. У него под рукой было практически все, что он мог пожелать. Зато он был один... Хотя судьба постоянно и щедро вознаграждала его

за одиночество.

Все заботы сейчас — возле огня. Я заметил, что каждый из нас обращается с костром по-своему. И характер в этом проявляется тоже.

Володя выбирает полено побольше, потяжелее, и, почти не глядя, бросает его в огонь, разрушая сложившийся в углях порядок. Кажется, он делает это небрежно, но огонь ни разу еще не задохнулся от столь вольного с ним обращения.

Толя крупные полешки никогда не кладет — экономит хорошие дрова до того времени, когда без них обойтись будет нельзя. Он подбрасывает сухонькие веточки, ломкие ветви из леса. Кладет их в огонь всегда осторожно, иногда втыкая ветки в виднеющийся красный просвет — поближе к огню. Делает это очень аккуратно и тщательно.

А я обращаюсь с огнем почти как с живым существом: боюсь его запугать, боюсь закормить. Но и приручить его совсем мне не удастся. Я кладу то поленья побольше, то Толины ветки, стараясь, чтобы пламя не пряталось в углях, но и слишком мощным тоже не делалось. Крупное животное трудно прокормить: ему нужно больше еды.

С берега до меня доносятся глухие удары: это Коваленко с Пищулиным «демонтируют» плот, разбивая доски бревна камнями. Запас дров уже кончился, в ближайшее время взять их неоткуда, поэтому и пришлось пожертвовать плотом.

Что бы такое поесть, когда мы вернемся домой? Наверное, сначала придется вкушать что-нибудь жиденькое. Самая обыкновенная еда теперь кажется недосягаемым лакомством. Подумал: не ценим мы в нашей обычной жизни нашу обычную жизнь!

А дождь не кончается. Какой-то неопределенный, уклончивый по характеру дождь: то вроде бы затихающий и дающий надежду на скорый конец — когда-то должна же иссякнуть эта промозглая влага? А то вдруг — вскипающий на кровле нашего дома, льющий с возрастающей силой и смывающий без следа только что дарованную надежду. Ненавижу такие дожди...

Воздух в зеленом доме влажный, и от него одежда вся влажная. Надеваю рубашку. Руки в рукава неохотно влезают — как если бы я надевал ее на мокрое тело.

Мы ничего почти не знали о том, как добывают огонь, и ко всему пришли сами. Человечество шло к огню тысячелетиями, а мы наивно верили, что сумеем добыть его за первые несколько дней. Теперь, вспоминая, с каким трудом мы добыли огонь, думаю: неужели это действительно сделали?

А ночью я дежурил подле огня. Моросил липкий, нескончаемый дождь, но пламя костра грело меня. Дождь начался еще под вечер, когда стало темнеть и небо сплошь затянулось серыми тучами.

Потом, уже к середине ночи, сквозь их плотное сукно пробился первый отблеск — первый неровный свет. Это показалась луна. Очень похоже стало на далекий выход из длинного подземного туннеля.

Тучи вскоре раздвинулись, подобно шторам в бесконечно широком окне, обнажив яркие звезды, и сразу стало далеко и отчетливо видно вокруг.

Иногда, незаметно для себя самого, я погружался в сон, а потом резко вскакивал, опасаясь, не погас ли огонь. Мы не умели сначала сделать даже такой простой вещи — сохранить угли на всю ночь, до утра. Но, честно говоря, и не хотели учиться этому: даже ничтожная доля риска потерять огонь оставалась, а мы теперь рисковать не могли. Не хотели даже думать об этом!

Утром меня ждал царский завтрак: ребята встали рано и запекли на углях по девять рыбешек на нос. Такого здесь еще не бывало. Это стало похоже на пиршество. Вот только бы соли, хотя бы щепотку...

Я лег спать в зеленом доме и, хотя насекомые почему-то на сей раз не допекали, долго не мог уснуть. Лежал и слушал треск углей в костре и тихий говор Толп с Володей.

Потом Толя сказал: "Тише, дай Лене поспать..." — и они замолчали. Мне стало так хорошо от этих негромко сказанных слов... Что-то внутри вдруг расслабилось, и я незаметно уснул.

Не знаю, как сам в эти дни выгляжу со стороны, но мужики мои здорово осунулись. Володя очень похудел — ввалились глаза, щеки, скулы резко выступили, туго обтянутые загорелой, до бронзы, кожей. Толя сегодня, по-моему, не в себе: сильно побледнел, лицо — видно даже Через загар — стало землистого цвета. Под глазами — сине-желтые круги. Как я его ни расспрашивал, твердит, что все в полном порядке.

Очень много говорим о еде. Голод это не обостряет, а жить, как нам кажется, помогает.

Сегодня у пас был лишь завтрак: рассчитывали на новый улов, а его нет. Довольно нелогично рыба ведет себя! По-моему, она вовсе не спешит, чтобы мы ее съели... В животе весь день — резкие боли. Видно, привык уже желудок принимать печеную рыбу.

Наутро другого дня — та же картина: всего две рыбешки меньше ладони. Володя расщепил каждую на равные части, а Толя, лежа в доме, говорил, после того как Володя указывал на порцию: "Тебе... Лене... мне..." Так мы делили наш скудный улов.

Только и мечтаем последние два дня о настоящей, большой морской рыбе. Но она водится па глубине, вдали от берега, а лодки у нас нет. Все, можно сказать, есть, а лодки нет...

Впрочем, Володя обещает нам эту рыбу: вот уж который день он возится со своей «камбалоловкой» — принципиально новым устройством для ловли исключительно камбалы. Обещает, что будет действовать эффективно. Мы с Толей скептически наблюдаем за ним.

Хотим большую рыбу!

Что такое "камбалоловка"

Мочью разразился настоящий тропический ливень. Волны воды хлестали по дому. Кое-где текло понемногу, но ничего, обошлось: дом и па этот раз выдержал. И огонь тоже уберегли: развели пощеднее пламя и накрыли большим ящиком. Утром его сняли и увидели живые, будто дышащие, угли. Только вот жарить на них опять нечего...

Дом наш стал обиталищем несметной рати насекомых. Вверху и по склонам, среди ветвей, пауки разных размеров — белые, серые, черные — плетут свою серебристую легкую ткань. Снуют вверх и вниз по ветвям жуки, которых я прежде не видел, — устрашающие усачей с антеннами, в два раза превосходящими по длине их самих.

Незнакомые бронзовики, закамуфлированные черными и серыми пятнами: как бронемшины в летний период войны. Жуки, будто отлитые из вороненой, иссиня-черной стали. Каждый из них усердно трудился, куда-то спешил, что-то тащил, с кем-то сражался. Ну и, конечно, неисчислимо муравьиное царство, мельтешащее в своей беспорядочной суете. Конечно, назойливые, зудящие возле ушей комары. Конечно, мухи в огромном количестве и всевозможная мелкая мошкара, умеющая незаметно появляться и больно кусать.

Все это вместе с нами обитает в нашем зеленом доме.

Толя ходит хромая — распорол себе пятку. Третий день ступает изящно, опираясь лишь на носок. Рана довольно глубокая. У Володи порез на ноге. У меня на голени тоже глубокая ссадина: наверное, шрам надолго останется. В общем, все мы тут немного изранены. Морская вода разъедает болячки, не дает зажить, хотя солнце и сушит их очень быстро.

Коваленко сделал три великолепнейших крючка — ^ сплюснутых на конце, изящных, с

острыми зазубринками. Вполне товарный вид! Только шляпки выдают, что они — из гвоздей. Гвозди соответственно достали из ящика.

Зато за эти шляпки очень удобно привязывать леску. С ней проблемы нет — находим обрывки сетей, распускаем их. "Было бы время, — говорит Коваленко, — мы бы еще не то сделали..."

Да, дня нам не хватает, но я думаю о другом: было бы время, Коваленко из бочкового обруча сумел бы сделать пицаль. Тогда мы смогли бы пойти на уток. Если бы пицаль подвела, Коваленко соорудил бы ружьишко получше.

Конечно, повезло, что у меня такие друзья. Умельцы оба. Володя фонтанирует инженерными идеями и беспрестанно, не ведая устали, внедряет их в нашу островную жизнь. Правда, некоторые из них не успевают вырваться, как он, с щедростью спешащего гения, оставляет их, чтобы с прежним жаром взяться за новые.

Вот еще одна грандиозная идея: "Из нашего болота, по-моему, метан выделяется. Как бы его собрать? Взять, шарахнуть тогда — и об огне беспокоиться больше не надо..."

Толя возится потихоньку будто бы сам по себе, а потом приносит очень важные, нужные вещи.

И вот событие дня: готова Володина «камбалоловка». Это маленький плотик со стойкой, на которую вдоль длины намотана леска. От нее отходят боковые нити с крючками, которые сделал Толя.

Идея такова: как только рыба проглотит крючок с наживкой (это мантия мидии), плотик, по замыслу изобретателя, или сильно накренится, или перевернется. Возможно, частично уйдет в воду. Тут только подплывай и бери рыбу руками. Вот такая замечательная идея! Особенно мне нравится: "Подплывай и бери руками"...

Спрашиваю: "А как ты будешь снимать ее в воде и тащить вплавь?" До берега не менее 150 метров! Пищулин: "Я поплыву к ней с ножом".

Очень любопытно поглядеть на такую рыбную ловлю. Вероятно, будет сходство с охотой на аллигаторов в Южной Америке.

Мы довольно далеко поставили «камбалояловку» от берега. Потом сели и стали ждать, не сводя с нее глаз. Течение потихоньку волокло ее вдоль линии берега. Прошло полчаса. Ребята поплыли посмотреть — может, уже есть что-нибудь.

Я вижу с берега, как они долго возятся, выбирая лесу — в ней ровно пятнадцать метров: как раз до самого дна. И вдруг радостный вопль: "Есть!!" Я не поверил еще — так легко ошибиться в воде...

Когда плыли к берегу, ребят сильно сносило, одной рукой они тащили плотик, другой выгребали. Вышли метрах в 200 от меня — так их отнесло. Потом я вижу, как Пищулин радостно поднимает над головой большую трепещущую в его руках рыбу. Она вдруг выскальзывает — и прямехонько стремится к воде. Володя ловит ее.

Невероятно, но факт: камбала. «Камбалоловка» системы инженера Пищулина сработала безукоризненно! В рыбине этой — килограмма полтора, а может, и два.

Мы запекли ее на костре и ели блюдо, которое нам казалось, подают только султанам и миллионерам: столь рыба необычна, нежна. Все в ней казалось изысканно вкусным — икра, печень, голова, которой я прежде ни разу о жизни не едал. Теперь же мы с трудом смогли остановиться.

Пищулин сидел гордый и был похож на набоба в его день рождения...

Потом мы поймали вторую такую же рыбу, но съесть ее уже не смогли: давно не питались как следует, желудки наши сократились в объеме, и мы вдруг почувствовали, что полностью сыты. Странное, непривычное состояние, и не пойму — приятное или нет.

Редкой красоты небо открылось в тот вечер. Облака-всех оттенков: от белых и пепельных до фиолетовых, багровых и черных в самой дали. У некоторых темных облаков очерчены яркие, словно раскованные на наковальне края.

И море выказало полную палитру красок. Жемчужная лунная дорожка. Рядом- холодный серебряный цвет. Дальше — тяжелое мерцание вод, как на свежем срезе свинцовой пластинки. Ближе к материку воды темнеют, становятся подобием багряных, тяжелых туч. Полный штиль.

Есть ли еще на свете краски, кроме тех, которые мы видим сейчас?

"Вернулись с берега к зеленому дому и в полной тьме увидели большие, раскаленные угли костра. Они, казалось, дышали, плавно сменяя оттенки, которые может породить только устойчивый жаркий огонь. Мы долго сидели возле костра, не в силах отвести от него глаз...

А ночь выдалась особенно холодной. Мы лежали далеко от огня — ближе лечь не давали острые камни — и жутко мерзли, прижимаясь друг к другу и тщетно пытаюсь согреться. В эту ночь даже подремать не смогли.

Сразу с утра предприняли третью экспедицию — на самую высокую точку острова. Толя вычислил, что до вершины той сопки как раз двести метров от уровня моря.

Это очень напоминало настоящее альпинистское восхождение. Поднимались медленно, еле передвигая ноги, и каждый шаг стоил усилий. Никто из нас и не думал, что так ослабел!

Мы шли по редкому лесу — хилые дубки, еще какие-то незнакомые деревья. Под ногами — камни, скользкие, покрытые мхом. Высокая трава, много оранжевых головок саранок с аккуратно завитыми буклями. Прекрасные цветы, похожие на лесные орхидеи. И бабочки вокруг нас всех цветов и размеров: огромные лазоревые, бирюзовые, желтые, красные — порхающие живые цветы...

А потом мы долго сидели на самой высокой точке острова. С одной стороны — бескрайняя, как само небо, гладь океана, с другой, с высоты птичьего полета мы видели архипелаг островов.

Наш — словно форпост — дальше всех выдвинут в море. Последний, самый дальний берег родной земли... За спиной — вся огромная наша страна, которую не охватить взглядом даже из космоса... А впереди — океан...

И вдруг мы видим корабль. Оставляя за собой белый пенистый след, он идет прямо к нам, к нашему острову.

Скользя на камнях, цепляясь за ветви, кинулись вниз, по склону сопки. Мощный гул двигателей слышали даже в лесу. Он нарастал, делался ближе и ближе...

Выбежали на берег, встали рядом, махая руками.

Корабль бросил якорь в полумиле от острова. Мы увидели, как быстро и четко с него спускают вельбот. Вот он коснулся килем воды... Вот направляется к нам...

Это был эксперимент

Да, это проводился научный эксперимент. Я и мои товарищи были в нем испытателями.

Эксперимент на выживание. Что это такое и зачем нужно? Для того чтобы ответить, позвольте сделать небольшое отступление.

В наше время, когда человек окружил себя небывалым комфортом, когда жизнь его как никогда, пожалуй, защищена от капризов могучих стихий, — в наше время тоже нередко случается непредвиденное. И вот, волею судеб, человек оказывается вырванным из привычного образа жизни.

Ален Бомбар пишет в своей книге: "... на всем земном шаре в мирное время погибает

ежегодно около двухсот тысяч человек. Примерно одна четвертая часть этих жертв не идет ко дну одновременно с кораблем и высаживается в спасательные шлюпки и т. п., но скоро и они умирают мучительной смертью".

Существует международная организация — Ассоциация ливерпульских страховщиков, которая ежегодно публикует данные о погибших судах. Так вот, картина такая: в 1970 году в морях и океанах погибло 151 судно, в 1971-м -155, в 1972-м-188, в 1973-м-179. И так далее. Цифра, как видите, возрастает.

Если же взять общий тоннаж погибших судов за это время, то окажется, что за последние четыре года он вырос почти вдвое.

Остается добавить, что, естественно, чем больше судно, тем больше, как правило, его экипаж. Стало быть, объективно получается так, что именно сейчас, в наши дни, на море терпит бедствие особенно много людей. Хотя бы потому, что судов, бороздящих моря и океаны, с каждым годом становится все больше и больше.

Для того чтобы помочь этим людям, чтобы доказать: в море можно жить, и совершал свой эксперимент Ален Бомбар. И он доказал это.

Мы же хотели показать, что даже на пустом, необитаемом берегу, без всяких — решительно без всяких — средств для добывания пищи, без специальной одежды, без огня, что в этих условиях при самом худшем варианте, человек, не обладающий специальной подготовкой и знаниями, может и должен выжить. Мы верили, что даже с голыми руками сумеем добыть себе пропитание.

Настало время и более полно представить моих товарищей. Владимир Пищулин — московский инженер. Когда я предложил ему составить компанию в таком эксперименте, он с радостью согласился и даже отложил поездку в Ригу — к брату, которого очень давно не видел.

Анатолий Коваленко — кандидат технических наук, доцент МВТУ имени Н. Э. Баумана. Его не остановило и то, что как раз в это время сдавался в набор собственный научный труд — монография, и ему, в общем-то, надлежало оставаться в Москве. Он не остался.

Был с нами и еще один человек, о котором я не говорил, но теперь не могу не сказать. Собственно, он был не с нами, а на пограничной заставе, за много километров от нас. Это наш милый доктор, как мы его называли, Алексей Герасимович.

Две недели до эксперимента он водил нас по разным и врачам, сам как психолог одолевал всевозможными тестами. И, кажется, отчаянно завидовал — конечно, по-доброму-когда мы отбывали на необитаемый остров.

Связь была односторонней, исходящей только от нас. Мы не знали, принято паше сообщение или нет. Так что ощущение психологической изолированности на острове не нарушалось. Но, оценивая медицинские данные, Алексей мог более или менее уверенно контролировать общее состояние своих подопечных.

Интересы же самого Алексея как специалиста лежали целиком в психологии. Его интересовали взаимоотношения в нашей группе, наша приспособляемость к внешним условиям и многие другие психологические аспекты...

Послесловие

Спешу сразу объяснить: фотоаппарата у нас с собой не было. Снимать я мог только после того, как за нами пришел корабль. Я одолжил аппарат и сделал несколько снимков буквально за десять-пятнадцать минут до того, как покинуть наш остров.

В принципе мы могли бы взять с собой фото- или киноаппарат, но решили не брать. И вот почему: фотоаппарат-это огонь. В первый же солнечный день мы бы вывернули объектив и получили сильную линзу. Ну и потом потерпевшие кораблекрушение вряд ли спешат прихватить с собой фотокамеру. Думаю, их заботит в тот момент что-то другое.

Как же он красив, наш остров, когда глядишь на него с моря!

Две мохнатые зеленые сопки — мы блуждали в лесу, их покрывающем...

Маленькая, уютная бухта — здесь мы ловили креветок и здесь же, на ее берегу, добыли огонь...

Дальше, за выступающим скальным мысом, где купались, ловили камбалу, — большая, обширная бухта с пологим песчаным берегом. Здесь встретили нерпу...

У северной оконечности острова под высоким отвесным обрывом — груды гигантских камней, где лежали, отдав себя ветру и солнцу... С этих камней наблюдали касатку...

Кекуры, каменные столбы, торчащие из моря, будто пальцы, указующие в небо...

Так знакомо нам все, так уже дорого!

И вот теперь, стоя на борту корабля, мы видели, как остров наш отдалялся, становился меньше и меньше, застилаясь туманом, словно бы погружаясь в пучину...

Стальная палуба мелко дрожала у нас под ногами, и мы испытывали странное чувство, которое иногда испытываешь, стоя рядом с большой, мощной машиной. Вот и вернулись мы в наш привычный, обыденный мир, где рядом с человеком обитают механизмы. И еще неизвестно, чей это мир больше: каш или их...

У каждого человека на борту корабля были свои дела — никого нельзя увидеть без дела, — и только мы трое слонялись, привлекая всеобщие взгляды, не зная, где и как встать, чтобы никому не мешать. Худые, заросшие люди, очень усталые внешне, в грязной, мятой одежде...

Командир пригласил к себе в каюту, спросил: "Есть-то вам можно?"

— Можно, можно! — В один голос ответили мы, хотя, по правде сказать, толком этого не знали. Пищулин и Коваленко смотрели на меня так, словно боялись, что я вдруг скажу им: «Нельзя». Очень уж хотелось горячего супа, которым пахло из камбуза.

— Руки вымыть не желаете? — спросил командир. Ну вот началась цивилизованная жизнь: перед едой они моют руки...

Я подошел к умывальнику, склонился над ним, взял кусок туалетного мыла. Пахнет, надо признать, неплохо... Намылил ладони, ощущая приятную свежесть, машинально поднял голову и отшатнулся.

Из зеркала на меня смотрела чья-то страшная рожа-заросшая густой щетиной, со спутанными волосами, с кожей, местами слезавшей клочьями, к усталыми, воспаленными глазами.

Я сразу же резко оглянулся, чтобы увидеть, кто это так неслышно подошел ко мне сзади. Но нет никого. Я был в каюте один. И только теперь я понял, что испугался себя и себя увядел в зеркале.

Любопытная вещь: товарищи изменились не меньше меня, но эти изменения происходили в них постепенно, — у меня па глазах, я привык к ним. Себя же не видел долгое время, Я знал себя таким, каким был всегда, а увидел другим и стал для себя самого совершенно чужим.

Хорошо, что в эту минуту не видели меня мои дети...

Потом мы ели горячий — только-только с плиты — флотский борщ: ароматный, пахучий, вкуснее которого не могло быть ничего на свете.

В Нерпе, на пирсе, нас встречал один Алексей. Обнял, оглядел внимательно каждого и

сказал: "Похудели сильно, ребята..." Почему-то это получилось у него довольно жалостливо.

Спать легли на чистых, мягких кроватях в гостинице для рыбаков. И эти кровати, лежать на которых невыразимо приятно, стали для нас очередным подарком цивилизации.

В ту ночь я спал крепко и не видел никаких снов.

Ну вот все и кончилось. И хорошо, и грустно немного. Оглядываюсь назад, подвожу для себя некоторые итоги.

Во всех отношениях мы ничем не отличались от людей, потерпевших кораблекрушение. Но, с другой стороны, одно очень важное обстоятельство нас различало: мы знали, что нам не дадут погибнуть. Это эксперимент, а другим эксперимент быть не может.

Если же говорить о потерпевших кораблекрушение, то и те должны верить, что помощь придет: иначе они приговорены к неминуемой гибели. Моральный фактор в таких случаях играет крайне важную роль!

Кстати, особенно надеяться на рацию нам не приходилось. Как-то дважды мы незапланированно вышли в эфир, пытаясь связаться с материком, — и ни разу не получилось: сообщений ждали лишь в определенное время. Так что если бы и случилось с нами что-нибудь непредвиденное, боюсь, пришлось бы в этом случае самим выкручиваться, не рассчитывая на скорую медицинскую помощь.

Наверное, у читателя есть вопрос: а что же доктор? Как мог он помочь, находясь за много километров?

Видите ли, он и не должен был помогать! Он принимал медицинские данные о нашем состоянии, которые мы сообщали по рации. Оценивая их, Алексей мог более-менее уверенно контролировать нас.

На точность тут рассчитывать, конечно, не приходилось: в тот день, когда со мной случился голодный обморок, и утром и вечером все показатели были абсолютно нормальными.

Коваленко, любитель скрупулезности, еще на острове начертил графики, которые весьма наглядно отражали наше физическое состояние: все показатели, что четко фиксировали тонометр и градусник, которые были у нас с собой, сначала медленно снижались, а потом круто упали.

Давление у меня, к примеру, стало 80/65 против обычных 115/75. Температура — 35,0-35,2. Короче, резкий упадок сил. Впрочем, ничего другого ждать и не следовало!

Восстанавливались силы медленно. На шестой день после окончания эксперимента измерил себе давление и с удивлением обнаружил: 80/55. Значит, силы далеко еще не восстановились. А ведь чувствовал я себя вполне хорошо, если не считать всяких мелких неприятностей с желудком. То же самое, кстати, было и с моими товарищами.

Как мы представляли себе жизнь на острове и какова она оказалась на самом деле?

Честно говоря, готовили себя к самому худшему. И все-таки надеялись, что лес и море прокормят нас. Мы думали, что найдем в лесу грибы, орехи и ягоды, а их на нашем острове не было. Мы полагали, что, хотя бы изредка, сумеем обнаружить птичьи гнезда и будем доставать из них яйца. Но яиц тоже не было: птицы "предусмотрительно" вывели свое потомство.

Короче, все наши надежды на пропитание постепенно рушились по мере того, как мы пытались их осуществить. Опыт накапливался, но после многочисленных бесплодных попыток.

Собственно говоря, это даже и к лучшему: чем труднее нам приходилось, тем больше это соответствовало задачам и условиям эксперимента. Ну и, конечно, мы питали надежду, что с помощью примитивного самодельного оружия — рогатки или лука — сумеем время от

времени подстреливать каких-нибудь птиц. Эту мысль нам тоже очень скоро пришлось выбросить из головы.

Полагаю, что потерпевшим кораблекрушение не стоит рассчитывать па пойманных или подстреленных из лука птиц. Хотя, конечно же, есть разные птицы и разные острова. Вполне могу допустить, что кто-то окажется там, где птицы позволят хватать себя руками. Но, должен сказать, такая вероятность — слишком мала;

Не могу не вспомнить эпизод из "Таинственного острова", где описывалась охота отважных и баснословно везучих островитян: "Охотники поднялись на ноги и, действуя своими дубинками, как цепом, начали целыми рядами сбивать трегонов, которые и не думали улетать. Почти сотня птиц лежала на земле, когда остальные решились обратиться в бегство".

Вряд ли где-нибудь на земле сейчас можно так «поохотиться». Человек научил птиц и животных бояться его. На нашем пустынном острове птицы поднимались в воздух, едва только завидя нас.

И последнее, что не смогли мы предвидеть: это бессонные ночи. Казалось само собой разумеющимся, что спать-то мы будем словно убитые! А вышло наоборот. По существу, мы не спали на острове ни одной ночи. Холод и насекомые лишили нас сна.

Конечно, если бы было больше одежды, а не только то, что па нас, мы бы смогли спать по ночам, а днем, естественно, чувствовали бы себя много бодрее. Но...

Хочу надеяться, что потерпевшим кораблекрушение повезет, и они сумеют прихватить с собой что-нибудь и.; одежды, кроме самого необходимого. Во всяком случае, нужно помнить: летом, в жаркие дни, голова и тело должны быть накрыты. Это уменьшит потерю влаги из организма и защитит от ожогов.

Если уж жара станет совсем невыносимой, лучше время от времени мочить одежду морской водой. Что мы и делали. До захода солнца рубашки успевали просохнуть.

Это то, что относится к разочарованиям, к неоправдавшимся надеждам.

Зато я был твердо уверен, что мы не сможем добыть огонь и обречены на время эксперимента, как пещерные люди, жить во мраке и холоде. А мы добыли огонь! Это было настоящей победой, которая воодушевила нас, наполнила верой в себя. Не будь огня, конечно, пришлось бы много труднее...

Но, с другой стороны, мне хотелось бы вот что сказать: с добычей огня может повезти, как, например, нам может не повезти. И к этому в ситуации, подобной нашей, нужно подготовить себя.

Во всяком случае, глубоко уверен, что трение-далеко не лучший способ добычи огня. Просто так случилось, что для нас он оказался единственным. Хорошо бы найти подходящие камни и попытаться высечь огонь. Нам же таких камней найти не удалось.

Позже я думал: наверное, мы совершили тактическую ошибку, сделав добычу огня основным, ежедневным делом. Это отнимало слишком много времени и сил. Основным делом, конечно, должна была стать добыча пищи, охота.

Нам повезло, и мы нашли пресную воду сразу. Но это не значит, что всем может так повезти. Однако именно с этого — с поисков пресной воды — следует начинать свою жизнь в неизведанном месте. Вода-и только потом можно позаботиться о жилище.

Последние годы много говорят и пишут о том, что па худой конец можно пить и морскую воду. Ведь пил же ее Ален Бомбар или Уильям Уиллис! Пили и многие другие: путешественники, искатели приключений, исследователи.

Это так. Но, как сказал Ханпес Линдемман — врач, человек, дважды пересекший в одиночку Атлантический океан, — "морскую воду, конечно, можно пить, можно даже и яд принимать в определенных дозах. Но советовать потерпевшим кораблекрушение пить,

морскую воду — по меньшей мере преступно".

Объясняется все просто: организм человека не в состоянии справиться с тем избытком вредных солей, которые содержатся в морской воде. Некоторое время он борется с ними — часть выводится, часть откладывается, но непременно, рано или поздно, приходит момент, когда соль начинает организм разрушать. Тогда-то и наступает расплата.

Сейчас все ученые, специалисты по проблемам выживания, пришли к единодушному мнению: морскую воду пить запрещается категорически.

Мы знали об этом, и потому, высадившись на остров, первым делом отправились на поиски пресной воды. В тех родниках, что нашли, она оказалась на вкус изумительной: была холодна, свежа и очень бодрила.

Часто там, на острове, я ловил себя на мысли о том, как мало мы, современные люди, знаем растения, нас окружающие. Только потом, уже вернувшись, мы узнали, что у саранок, которые встречались на острове, мучнистый, вполне съедобный корень. А мы-то любовались цветами, не ведая, что они предлагают нам пищу! (Правда, пищи этой было немного — все саранки мы могли бы съесть в первый же день.)

В этом смысле мы были, конечно, типовой моделью жителей города, плохо знающих или совсем не знающих, какие растения можно собирать, чтобы есть. Так что, если говорить о задачах, об условиях эксперимента, то это даже и хорошо, что мы оказались плохими ботаниками.

Короче, жизнь наша на острове, несмотря на худшие ожидания, оказалась все же несколько труднее. Вероятно, так и должно было быть: разве дано человеку предусмотреть все, что судьба готовит ему?

Немного о самом острове. Это один из шести островов, составляющих архипелаг Римского-Корсакова в Тихом океане. Если говорить точнее — в Японском море.

Мы ровным счетом ничего не знали об этом острове до начала эксперимента. Знали только, что пресная вода на нем есть — как, впрочем, и на подавляющем большинстве островов. Но не знали, каков он: плоский, гористый, есть ли там лес. Все это должны были узнать только на острове.

Мы сознательно ограничили себя такими условиями, поскольку хотели возможно больше приблизить ситуацию к той, в которой могут оказаться и оказываются потерпевшие кораблекрушение.

Незадолго до начала эксперимента решили попробовать нарисовать остров, на котором нам предстоит жить. Уселись за стол над листом тетрадной бумаги и принялись старательно чертить.

Через некоторое время Коваленко обнаружил спой труд прогнозиста: его воображаемый остров был изображен в виде яйца. (Наверное, острова и такими бывают, по наш оказался другим.) Ближе всех к истине оказался Пищулин: его остров был сложной формы, с сильно изрезанной береговой линией. В общем, довольно похожий...

А на самом деле он поразительно напоминал формой Италию — такой же изящный сапожок с длинным тонким каблучком, только, конечно, по много раз меньше.

Длина нашего острова — чуть более четырех километров, в поперечнике — от километра до метров четырехсот в перешейке.

Мы совершили по острову три экспедиции, но весь его обойти не смогли. Трудно идти по камням, качающимся, едва на них наступаешь, то и дело прыгая с одного на другой! Да и сквозь травяные заросли продираться тоже не легче. А в них на нашем острове чувствуешь себя словно в джунглях. Сил у нас было немного, и мы старались по возможности их экономить.

Как проводили свободное время? Его практически не было. Нам не хватало дня! Дважды, утром и вечером, медицинские обследования: температура, пульс и давление. Я заметил, что эти самообследования стали своеобразным ритуалом. Это даже нравилось. Нам казалось, что таким образом мы контролировали жизнь своего организма.

Очень любопытно наблюдать внутренние изменения, являющиеся зеркальным отражением нашей слабости, так хорошо проявлявшейся внешне. Впрочем, мы убедились, что не можем объективно оценить свои данные. В те дни, когда мы чувствовали себя особенно плохо, все показатели, как правило, были абсолютно нормальны.

Ну а остальное время искали себе пропитание, мастерили орудия, добывали огонь. Оказалось, что времени у нас очень мало.

В те дни, когда непрерывно лил дождь, мы старались не выходить из Зеленого дома. Да в общем-то это было и не нужно, поскольку главное в то время дело — добыча огня — отпадало, и мы, от нечего делать и отдав дань привычке студенческих лет, до отвращения резались в "морской бой". Это помогало скоротать время: читать-то было нечего...

Сражались, правда, в основном мы с Коваленко. Пищулин, потеряв в бою с каждым из нас все свои корабли, отказался продолжать эту битву, заявив, что такие игры ему не нравятся.

Конечно, о многом тогда говорили, но разве можно без конца говорить?

Мы трое достаточно давно были знакомы, но, как выяснилось, в общем-то, плохо знали друг друга, себя. Две недели нашей жизни на острове открыли много нового — в самих себе, в товарищах. Конечно же, это были и приятные открытия, и разочарования...

Мы поняли на острове, что надо больше ценить ту нашу, привычную, жизнь. Поняли, что еще очень плохо представляем себе, сколь важно, даже необходимо порой, ощущение связи с природой, которая когда-то нас создала и от которой мы так отделились.

И вот что еще поняли: надо больше любить и еще более тщательно беречь землю, оставшуюся пока вне сферы влияния человека. Не так-то много вокруг не тронутых мест! Они нужны нам, даже необходимы, на еще более станут нужны тем, кому мы оставим землю в наследство. От нас с вами зависит, какой она будет.

Перед тем как отправиться в экспедицию, я перечитал «Робинзона», "Таинственный остров", "Остров сокровищ" и сразу погрузился в далекий, безвозвратно потерянный мир детских грез. Как хорошо, что сделал это! Совсем иными глазами увидел я любимых героев, лучше их понял, открыл для себя то, что прежде от меня ускользало.

Робинзон, оказывается, был не просто отчаянным искателем приключений, за кого, кстати, выдавал себя. Он был отважным и мудрым человеком. Именно мудрым, склонным к философским размышлениям о себе, о человеке вообще, об окружающем мире. Как много из того, что он открыл во время своей жизни на острове, сохранило свою силу теперь...

Впрочем, что удивляться: разве это единственный пример бессмертия человеческой мысли?

И вот о чем я подумал еще, перечитав эти книги. Никто из их героев, по существу, и не жил на необитаемом острове. Это было для меня несколько неожиданным открытием: тем-то и привлекали старые книги, что их герои обитали и боролись за жизнь одни на земле, где, кроме них, никого не было.

А Робинзон жил на острове, где регулярно оказывались люди. Просто он не знал об этом долгое время! А узнав — ужаснулся и стал от них прятаться.

Сайрес Смит и его друзья очутились на острове, где вместе с «Наутилусом» нашел свой последний приют в титан Немо. И тот, наблюдая за колонистами, помогал им, все же избегал с ними встречи.

Джим Гокинс, доктор Ливси и сквайр Трелони прибыли вместе с пиратами на "Остров

сокровищ", где уже несколько лет жил одинокий Бен Гани, высаженный разгневанным капитаном Грантом пират. И он тоже прятался от пришедших людей. Как знать, что несут они с собой? Добро или зло? Избавление или еще большие страдания?

Так что же — нет теперь, давно уже нет необитаемых островов, о которых мечтали мы в детстве? Конечно же, есть! Немного, но есть. И пусть они остаются необитаемыми. Хотя бы ради того, чтобы человек верил в них.

Но увы: вряд ли суждено такому сбыться. Люди не устоят перед соблазном использовать свободные земли. Даже если это очень маленькие земли, малопригодные к тому, чтобы на них жил человек. Как часто отказываемся мы от мечты ради сомнительной выгоды...

После того, как я вернулся и написал о своей экспедиции в "Комсомольской правде", ко мне пришло много писем. Большинство я сохранил. Разные это письма, от разных людей. Чаше всего — добрые и благодарные. Среди них немало оказалось таких, в которых их авторы выражают горячее желание самим поставить похожий эксперимент.

Меня это и озадачило и насторожило. Поэтому должен сказать следующее: ни в каком случае не предпринимайте подобных шагов. Это риск. И риск очень большой. Не забывайте: у нас была рация, неподалеку — врач. И кроме того — ведь такой эксперимент уже поставили! Стоит ли повторять сделанное?

До сих пор я вспоминаю тот остров. Таким, каким увидел его впервые. И каким увидел с моря — в последний раз. Каким он открывался нам каждое утро и каждый вечер. Наверное, я никогда больше не увижу его. Что ж, это, думаю, к лучшему: столько мест на земле, которые еще надо увидеть!

Как-то вновь взял «Робинзона», прочел. "Так я прожил несколько лет. Для меня не существовало никаких других удовольствий, никакого приятного препровождения времени, никаких развлечений, кроме мечтаний об острове..."

Вот ведь как получается: прожил человек на острове четверть века, страдал на нем, мучился, мечтал о том, как бы вырваться. А вырвался — и скучает, и жизнь иная — не в радость...

Иногда я вижу свой остров во сне. И тогда, на другой день, уж не знаю какое-то время: было это все или только приснилось...

Кажется, я и в самом деле скучаю о нем...

"...Между тем время подвигалось к полудню, и жара становилась невыносимой. Сильный ветер взбалтывал нижний раскаленный слой воздуха и обдавал нас им вместе с песком и соленой пылью. Страшно трудно было идти нашим животным, и в особенности собакам, которые должны были бежать по почве, раскаленной до +63 °С. Видя муки наших верных псов, мы несколько раз останавливались и мочили им и себе головы. Наконец, запас воды истощился — осталось менее полуведра, и ее нужно было беречь на самый критический случай. Между тем наш бедный Фауст, не получая уже более питья, начал ложиться и выть, давая тем знать, что он истомляется окончательно.

Положение наше в это время было действительно страшное. Воды оставалось не более нескольких стаканов; мы брали в рот по одному глотку, чтобы хотя немного промочить почти засохший язык, все наше тело горело, как в огне; голова кружилась чуть не до обморока.

Я ухватился за последнее средство. Приказал одному казаку взять котелок и вместе с проводником скакать к колодцу...

Быстро скрылись в пыли, наполнявшей воздух, посланные вперед за водой, а мы брели по их следу в томительном ожидании решения своей участи.

Наконец через полчаса показался казак, скачущий обратно, — но что он вез нам: весть о спасении или о гибели? Пришпорив своих лошадей, которые едва уже волокли ноги, мы поехали навстречу этому казаку и с радостью, доступной человеку, бывшему на волосок от смерти, но теперь спасенному, услышали, что колодец действительно есть, и получили, котелок свежей воды".

Н. М. Пржевальский. "Монголия и страна тангутов, 1873 год"

1. Вызов брошен — вызов принят (Леонид Репин)

Прервавшийся след

Их было пятеро. Пятеро, не считая пуделя Фиффи. Младшему — двадцать семь, старшему — тридцать три. Они собирались совершить увлекательное путешествие через пески Сахары. Но через три дня все были уже мертвы. Вес пятеро, к их пудель тоже.

Пустыня не терпит беззащитных и легкомысленных. Люди, осмелившиеся бросить вызов пустыне, не были подготовлены к этой встрече: они полагали, что им не составит особого труда добраться до ближайшего оазиса на двух современных автомобилях. И жестоко ошиблись.

Пустыня в двадцатом веке осталась такой же безжалостной и коварной, как и во времена фараонов. Только вооруженный осмысленной целью и знанием мог победить в это!! схватке. А эти пятеро — они решили просто развлечься...

Наверное, мир так и не узнал бы подробностей той трагедии, если бы полицейский наряд в одной из дорожных сумок не нашел фотоаппарат с отснятой пленкой. Пленку проявили — и она заговорила. Она рассказала о почти мгновенной гибели пятерых молодых людей из Западной Германии.

Вспоминается другое, смертельно опасное путешествие, которое потрясло мир. Человек отправился в него в одиночестве, но с большой и благородной целью, и потому победил. Победил, хотя был лицом к лицу с такой же опасной пустыней.

Да, его не раз предостерегали, без конца увещевляли, советовали бросить «немыслимую» затею. Его даже вызвали в суд, где прокурор обратился к нему: "Я считаю своим долгом обратить внимание суда на то, что обвиняемый представляет собой угрозу обществу. Своим пагубным примером он может увлечь за собой и привести к гибели многих молодых людей!"

"К гибели..." Да он хотел их спасти! Тех будущих Робинзонов поневоле, те двести тысяч, которые человечество каждый год приносит в жертву морю. Чтобы спасти их, и вышел в плавание «Еретик». Бомбар понимал всю серьезность и опасность своего путешествия, высчитал высокую степень риска и потому долго и скрупулезно готовился к нему.

Всего за три дня до начала экспедиции Рейнгольд Римм, один из той пятерки, писал отцу: "Мы хотим проехать через впадину Каттара потому, что здесь нет дорожных знаков и вообще ничего, кроме песка. Мы собираемся проделать 180 миль по пустыне, полагаясь на один только компас. Это путешествие — настоящее приключение. Не беспокойся, мы берем много воды, бензина и пищи, так что повода для беспокойства, конечно, нет. В следующем письме я расскажу тебе подробности".

Но отец так и не получил другого письма...

В первый день Римм и его друзья встретили военный патруль, который запретил двигаться дальше. Им говорили: "Вы знаете, что такое — впадина Каттара? Это гигантское соляное болото. Вам не пройти через него. Корка соли не выдержит машин, и вы завязнете".

Еще не поздно было отказаться от этого безумного путешествия, но они пошли все-таки вперед. Отправились навстречу гибели.

"Парусники самых разнообразных размеров и видов словно чайки скользили вокруг моей лодки, распустив белоснежные паруса. Мы все понимали, что именно сейчас начинается настоящее испытание... Не успел я бросить буксирный трос, как на шхуне в знак приветствия медленно приспустили флаг. Все курсанты выстроились на палубе и, когда я проплывал мимо, обнажили головы. Невольно я подумал, что во всех флотах мира так провожают покойников.

Но ведь я поднял свой парус во имя жизни!"

Так написал Ален Бомбар в своей книге.

Первым застрял тяжелый автомобиль, в котором ехали Римм, Ганс Хаусер и Гюнтер Вапдерсчек. Три часа под изнуряющими лучами солнца экипаж пытался вызволить машину из плена болота. Это получилось. Но не успели они проехать и десятка метров, как завязли снова. Только теперь поняли путешественники, какую западню уготовила им пустыня...

Во втором автомобиле слали супруги Богмес — Гуд-рун и Клаус. Они решили отправиться вперед, чтобы попытаться найти дорогу между опасными местами. Машины медленно ехали одна за другой, петляя на розной глади соляного болота. Внутри было невыносимо душно, снаружи — тоже не легче: термометр показывал пятьдесят градусов выше нуля. Люди пили и пили. А уровень воды, которую они взяли с собой, становился все меньше и меньше...

У Бомбара, плывущего посреди океана, совсем не было воды. Он знал, что пить одну только морскую воду нельзя — подкрадется смертельный нефрит. И все же он пил. Но, собираясь в плавание, Бомбар узнал: можно выжимать из рыб сок и пить его. Это спасало.

Спустя три недели после начала плавания в дневнике Бомбара появилась запись: "Ну и жара! Вот бы сейчас кружку доброго пива! Больше всего я страдаю от отсутствия пресной воды. Мне надоело есть рыбу, но еще больше — ее пить. Если бы пошел дождь!"

Римм с двумя друзьями остались одни. Они долго глядели вслед Гудрун и Клаусу. Глядели до тех пор, пока светлое пятно машины не растворилось среди сверкающих бликов соляного болота. Это произошло в воскресенье, когда машина Римма безнадежно застряла.

Пятерка приняла такое решение: Гудрун и Клаус на своем маленьком «Фольксвагене» отправятся вперед, попытаются найти твердую дорогу и, если удастся, привести с собой помощь.

Они решили расстаться, чтобы никогда больше не встретиться...

Римм с друзьями в последний раз попытались двинуться, проехали еще около двух миль и застряли по самые оси. Машину уже нельзя было спасти. Да и какое это теперь имело значение! Нужно было спешно спасаться самим.

И трое пошли дальше пешком.

В покинутой машине полицейские нашли потом записку: "После того, как в это утро Богмес покинули нас, нам удалось проехать всего около двух миль. Мы медленно теряем нашу смелость. У нас осталось всего около 14 пинт воды и пять маленьких жестянок с соком.

Пожалуйста, придите кто-нибудь скорее! Жара днем невыносима".

Они еще надеялись...

Бомбара тоже посетило отчаяние. В дневнике он записал: "Итак, завтра или послезавтра я, может быть, увижу землю. Тем не менее я хочу выразить свою последнюю волю, потому что не уверен, доберусь ли до суши живым..."

Он не увидел землю ни на завтра, ни на следующий день. Еще шестнадцать раз ему пришлось встречать в океане рассвет, прежде чем на горизонте показалась земля.

Но он выжил. Потому что во что бы то ни стало должен был выжить. Даже и не ради самого себя, а ради тех, кому придется потом повторить этот тяжелый и долгий путь. Выжить для других — это стало целью его жизни.

Покинув друзей, Клаус и Гудрун, конечно, не знали, что скоро и им придется идти сквозь пустыню пешком. Всего через десять миль они бросили свою машину. Днем спали, зарывшись в песок, а ночью шли. Рядом, тяжело дыша и свесив язык, бежал верный Фиффи...

Вскоре кончилась вода. Если бы они только знали, что всего в нескольких сотнях метров осталась скважина с чистой пресной водой! Днем бы они обязательно увидели ее, а ночью...

Ночью скважину мог бы найти только тот, кто знал о ней. А эти двое не знали. Ведь они отправились в увлекательное путешествие и захватили достаточно много воды!

Две ночи шли Гудрун и Клаус. Позади осталось 37 миль. Немало. Но это большее, что они смогли сделать. Во вторник измученная Гудрун упала и умерла...

Муж закрыл ей глаза, сложил на груди руки и так оставил, подложив ей под голову свернутое платье у него тоже не осталось сил. Его тоже мучила жажда. Наверное, он чувствовал, что далеко не уйти...

Клауса нашли поблизости. Спасаясь от испепеляющих лучей, он попытался вырыть хотя бы маленькое убежище от солнца. Но не сумел. На его лице полицейские обнаружили следы когтей Фиффк — пудель тщетно пытался разбудить хозяина. Собака лежала рядом. Тут же полицейские нашли и сумку Гудрун. В ней был аппарат — единственный свидетель разыгравшейся трагедии, который мог говорить.

Из дневника Бомбзра: "На горизонте все еще ничего не видно. Но я не думаю, что до берега очень далеко. Я должен добраться! Хотя бы ради Жинетты, Натали, Рено и Анны. Как это трудно!

Солнце безжалостно. Хочу пить. Вода кончается..."

Только на двадцать четвертый день плавания пошел дождь, и ему удалось собрать воду. Он был болен. Но не сдавался. Ему помогала его цель. В минуты, когда было особенно трудно, он думал о тех, ради кого пошел на смертельно опасный риск.

В его дневнике была такая запись: "Видишь, терпящий бедствие, никогда не нужно приходить в отчаяние! Ты должен знать, что когда тебе кажется, будто ты уже находишься в самой бездне человеческих страданий, обстоятельства могут измениться и все преобразить".

Но Бомбару помогли не обстоятельства. Его привели к цели воля и знание.

Трое затерявшихся в Сахаре тоже не ушли далеко. В десяти милях от оставленной машины умер Римм, потом Хаусер. Старший из них — авиационный инженер Гюнтер Вансдерчек-остался один. Наверное, он верил в помощь. Быть может, его спас бы всего только один стакан воды... Но воды не было.

Вернее, вода была, но он не мог знать о ней! Вансдерчек прошел в какой-то сотне метров от той самой скважины, которую не заметили Клаус и Гудрун.

Последний погиб всего в пятнадцати милях от оазиса Сива — конечной цели их путешествия. Путешествия, которое обещало быть таким приятным и увлекательным.

В покинутых машинах полицейские нашли множество пищи. Ее хватило бы всем надолго! Не было только воды. Ни капли воды.

Да, слишком дорогой ценой заплатили те пятеро, чтобы узнать такую простую мысль: пустыня не терпит легкомыслия. Она не терпит людей, необдуманно бросающих ей вызов.

"Обманутые миражем, увлеченные заманчивой идеей, представляя себе такое плавание как увеселительную прогулку, вы поймете всю серьезность борьбы за жизнь лишь тогда, когда будет уже слишком поздно для того, чтобы успеть собрать все свое мужество. Ваше смятение будет тем больше, что вы подвергли свою жизнь опасности без всякой пользы. А ведь в мире существует столько прекрасных и благородных целей, ради которых можно рисковать жизнью!"

Так заканчивает свою книгу Ален Бомбар.

Если бы те пятеро прочли эти строки...

Дорога среди барханов

Я повернул кран, и она пролилась на руки — прозрачная, как утренний воздух,

прохладная, как стебли травы в тенистом лесу, ароматная, как цветок, умытый росой: величайшее чудо из чудес — вода!

Поэты всех времен и народов воспевали ее, наделяя волшебными свойствами. Но ведь вода не только удивительнейшее сказочное вещество — она сама жизнь.

Мы привыкли к глотку воды, как к глотку воздуха. Но как же часто мы ошибаемся, полагая, что, где бы мы ни были, она будет с нами всегда... И лишь в пустыне, либо вернувшись из пустыни, можно полной мерой оценить это сокровище.

Здесь, в Ташаузе, где начинался этот горячий путь, на краю бескрайнего песчаного моря, люди, как нигде, умеют ценить ее. Когда в тени плюс 45–47 градусов, арыки и каналы, заполненные теплой, мутной от взвеси глины водой, становятся спасательным, желанным для всех местом отдохновения. А в здешней гостинице, построенной по всем канонам современного строительного искусства, в каждом номере непременно найдешь напоминание, звучащее сегодня точно так же, как и многие тысячи лет назад; "Вода — это жизнь! Берегите каждую ее каплю!"

Для семерых отважных мужчин, прошедших по раскаленным пескам Каракумов, вода не просто символ жизни. Вода для них — сама жизнь. Они несли ее драгоценный запас в резиновых подушках для кислорода, из расчета десять литров на человека в день, и пополняли этот запас от колодца к колодцу.

Зачем, ради чего они отправились в этот долгий, мучительно трудный путь?

Всегда были и будут люди, которые с риском для жизни пересекали и пересекают моря, океаны, леса и горы. Всегда были и будут люди, которые задают этот вопрос.

Неполный ответ на него, наверное, будет такой: если есть па свете не пройденные пути, должны быть и люди, которые их непременно пройдут. Это нужно им самим, чтобы испытать себя и лишний раз убедиться в том, что человек в конечном счете сильнее стихии. Это нужно и тем, кто пойдет следом за ними: опыт первых будет хранить их в пути.

Далеко не абстрактные, не отвлеченные мотивы увлекли людей в переход через всю пустыню, в безжизненных местах, испокон веков обходимых всеми, прокладывают теперь трассы нефтегазопроводов, идут изыскатели, геодезисты, геологи, работают одинокие метеостанции: множество людей всевозможных профессий проникает в безжизненные районы Земли.

Нередко они оказываются в труднейшем положении, когда приходится рассчитывать только на себя — в жизни бывает всякое, и далеко не всегда эти люди, волен прихотливого случая принявшие вызов природы, с честью выходят из схватки с ней. Нередко они проигрывают, потому что не знают, как поступать. Но часто и оттого, что морально совершенно не готовы к этой борьбе.

...Не так давно в Каракумах разыгралась трагедия. Два сменных водителя повезли лес для строителей и сбились с дороги. Целый день они блуждали в пустыне, переходя с одной колеи на другую, пока не иссякло горючее.

Шоферы взяли запас воды, что еще оставался, и пошли по такыру в надежде встретить людей. Ночью вода кончилась, и утро они встретили вконец обессиленными.

Их искали на машинах, самолетах и вертолетах, но пошли лишь через несколько дней, хотя брошенный грузовик обнаружили очень быстро. Если бы эти двое ведали закон, непреложный для всех, кто терпит в пустыне бедствие, и не ушли от машины, — оба остались бы живы.

Семеро прошедших пески Каракумов хорошо и давно знают пустыню. За два года до того пятерка, руководимая Николаем Кондратенко, преодолела пешком пустыню Кызылкумы и все время, разделявшее эти две экспедиции, группа напряженно и упорно готовилась.

' Они на себе испытали и нестерпимый жар песков, и зной беспощадного солнца, и жажды натерпелись такой, что только в жутком сне пережить можно. Но именно потому, что все на себе испытали, они решили ужесточить подготовку к переходу через пески Каракумов.

Вот эти восемь мужчин, крепкие во всех отношениях, собирались выйти 8 поход. Я не оговорился: их действительно было восемь. Вышли же 'они всемером — почему, я скажу несколько позже.

Николай Кондратенко, руководитель и идейный вдохновитель экспедиции, 37 лет. Сотрудник Алма-Атинского института физкультуры. Человек волевой, на редкость целеустремленный, умеющий сплотить и повести за собой людей.

Гельмут Гегеле. 35 лет ему исполнилось как раз посреди Каракумов. Электромонтажник. В экспедиции — радист и фотограф. Всегда спокоен, рассудителен, терпелив. В пустыне неумолим, Когда все отдыхают под тентом, пытаюсь обрести ушедшие силы, должен найтись один, кто встанет, соберет дрова, разожжет костер и вскипятит воду для чая. Это и будет он, Гельмут.

Виктор Голиков, 34 года. Инженер-строитель. Общителен, ироничен, временами бывает несколько недоверчив. По отношению к самому себе тоже... В экспедиции — кинооператор, фотограф. Умеет обращаться с рацией. У Виктора фигура бегуна, он крепок, вынослив.

Зейнелгабиден Сакибжанов, 34 года, работник торговли. Когда он узнал, что готовится такая необычная экспедиция, сам нашел Кондратенко и попросил включить в состав готовящейся группы. Человек с деловой хваткой, сдержанный, долго приглядывающийся к людям, зато потом Зейнел очень привыкает к ним и становится доверчивым, откровенным.

Эмиль Баль, 38 лет, инженер-энергетик, много лет занимается туризмом. В споре и спорте уступать ИКЖ привык — самолюбив в лучшем смысле слова. Каждый линь дополнительно к основным тренировкам нагружает себя. Общаться с ним легко и приятно, хотя человек он эмоциональный, вспыльчивый. Но Эмиль быстро остывает и, оценив ситуацию заново, делается разумно уступчивым. В экспедиции на него возложены обязанности штурмана.

Владимир Климов, 33 года. Крупный, сильный мужчина. Атлет. Кандидат в мастера по четырем видам спорта. Решителен, смел, но при этом рассудителен. Человек, судя по отзывам товарищей, не знающий слабости. Готов в любую минуту помочь. По отношению к себе необыкновенно требователен. В экспедиции — штурман.

Николаю Устименко в пути тоже справили день рождения: ему исполнилось 25. Работает токарем и учится на последнем курсе Казахского государственного университета на географическом факультете. Дело, которое ему поручают, выполняет всегда с ответственностью, заинтересованно. Человек самоуглубленный и, наверное, поэтому многим кажется малообщительным. Это не так: Николай открытый человек, просто он не любит лишних разговоров.

Эрнст Мшювидов, 46 лет, врач "Скорой помощи" в Москве. Готовиться к такой экспедиции ему было, пожалуй, труднее всех. Но он поставил перед собою цель и последовательно шел к ней. Человек очень выдержанный, спокойный, доброжелательный. Дома у него, как мне рассказывали, более четырехсот килограммов железа для тренировок. Это его третья экспедиция в пустыне. Опытный врач в повседневной жизни, он и в переходе прежде всего будет врачом.

Перед Николаем Кондратенко как руководителем столь необычной и трудной экспедиции стояла нелегкая задача: из 22 человек, регулярно тренировавшихся в особых условиях и, в принципе, почти одинаково подготовленных, предстояло отобрать только восемь. Я дал краткие характеристики этих восьмерых, и вы, вероятно, почувствовали, что это действительно крепкие люди.

Подготовка к экспедиции началась за год до старта. Летом, в самое жаркое время, они преодолели 210 километров пустыни и лишней раз убедились в том, что как бы человек ни был хорошо подготовлен, в пустыне все равно придется тяжело. Путь поэтому оставался только один: все более и более повышать нагрузки и все более и более поднимать к себе требования. В то же время начались занятия с психологом — Владимиром Федоровичем Сомовым, который, как считает Кондратенко, очень помог в формировании группы. Был в их компании один человек, по всем внешним показателям и по физической готовности претендующий на место в основном составе. Психолог же о нем сказал: "В экстремальных условиях возможны срывы". Дальнейшие наблюдения подтвердили такой прогноз.

Осенью, заканчивая годовую программу подготовки, они вышли на старт марафонского бега. Все бежали такую дистанцию впервые и все прошли ее до конца. Очередная победа над собой. А в том году, когда преодолели Каракумы, в пустыне южного Прибалхашья — Таукумах, они прошли 70 горячих километров за два с половиной дня и, 1) очередной раз испытав на себе острые зубы пустыни, убедились в том, что не зря мучились так долго во время тяжелых тренировок и изнурительных переходов: теперь они были готовы к броску через пески Каракумов.

Ташауз, откуда начинался маршрут, встретил их несносной жарой, какой давно даже в этих местах не бывало. Песок временами раскалялся до восьмидесяти градусов. Ночами тоже было далеко не прохладно: меньше тридцати термометр не показывал. Самый пик зноя... Но ведь они и хотели испытать его на себе!

Однако сначала им предстояло пройти по пустыне пятьдесят километров. За отпущенные на это два дня организм должен вжиться, привыкнуть к экстремальным условиям. Эти восемь человек были хорошо тренированы, и потому такого короткого срока для них было вполне достаточно, чтобы пройти, как говорят специалисты, период "острой адаптации". Кроме того, им надлежало провести подробнейшие медико-биологические обследования.

Я встречал их, когда они вернулись из этого короткого маршрута, и видел, что они уже были готовы отправиться в большой переход. Полный день медицинских обследований также подтвердил их готовность.

Но даже и на них, познавших пустыню во всех ее проявлениях, испепеляющий зной Каракумов произвел удручающее впечатление. Кондратенко сказал: "Нам казалось, что мы шли по незнакомой планете..." Видно было, что каждый вновь и вновь заглядывает внутрь себя, стараясь как можно более трезво оценить свои возможности.

Старт после совместного совещания с научными руководителями экспедиции было решено отсрочить на один день. Этот день позволял в последний раз все решительно взвесить. К тому же надо было утрясти кое-какие хозяйственные дела, получить сыворотку против укусов гюрзы и кобры. До тех пор змеи на них не нападали, но это вовсе не значило, что от такой возможности они застрахованы.

Параллельно собравшимся в путь отправилась другая экспедиция на машинах, организованная Институтом аридной зоны Академии наук Туркмении, возглавляемая кандидатом биологических наук Александром Фрейнком. Эти две экспедиции двигались вне зоны видимости друг друга и контактировали лишь от случая к случаю.

Кажется, все было продумано и взвешено самым тщательным образом, ничто не забыто, и ничто не упущено. И предусмотрено тоже, кажется, все.

Но на том, последнем, совещании возник все же вопрос: о том, что если кто-нибудь из участников перехода по каким-либо причинам не уверен в себе до конца, то лучше об этом сразу сказать, поскольку впоследствии это может поставить под угрозу срыва всю

экспедицию.

Они долгих два года готовились к этому дню, преодолевая себя, во многом себе отказывая. И все ради того, чтобы в свой собственный отпуск пройти через пустыню пешком. Для каждого из них этот переход стал жизненно важным делом,

Но в научной группе, отправлявшейся в путь на машинах, нужен был врач с большим опытом, и этим врачом был только один человек — Эрнст Миловидов. Среди тех же, кто собирался идти пешком, был врач — Николай Кондратенко, руководитель, без него в переходе

не могли обойтись.

И Миловидов проявил себя как мужественный человек, потому что нашел силы отказаться от похода, которому отдал столько сил и времени. Он сделал это, потому что понимал, как его опыт и знания нужны другим.

Они шли по пескам только ночами, и лишь звезды освещали их путь. За спиной каждого — рюкзак с запасом воды и пищи, тяжестью в половину собственного веса. Воду — солоноватую, мутную, теплую, и лишь изредка — светлую, вкусную, они набирали в колодцах.

Что такое колодец для идущих в пустыне? Это — берег для потерпевших крушение в океане. Это ломоть хлеба для измученных голодом.

Первый пункт, где им повстречались люди, была метеостанция Давали, лежащая как раз посередине маршрута. Отсюда они направились к колодцу Чайырли-Куй-ми. Колодцы в пустыне, как видите, подобно рекам, имеют названия: ведь они, как и реки, дают жизнь.

Наверное, мы недооцениваем роль пустыни в окружающем нас мире. Жителям средней полосы она кажется чем-то далеким и экзотическим, бесплодным и бесполезным — мертвым куском земли, отделенным лесами, морями, горами, — и внешне это как будто бы так.

Но и совсем не так. Пустыни Средней Азии раскинулись на огромной площади и занимают седьмую часть территории нашей страны. Их протяженность с севера на юг около 1200 километров. Эти семеро прошли все те знойные километры.

Но пустыня вовсе не пуста! Многие и многие виды животных ее населяют, и, право же, нет для них более желанного места. Скромные как будто бы, но на самом деле могучие растения пробиваются к свету через пески, добывая для себя воду с глубины в несколько десятков метров. И, конечно, пустыня таит бесценные клады.

Не забудем и о той роли, которую играют пустыни в формировании погоды. Вот мы, жители европейской части страны, сетуем на несносную жару, па какой-то циклон, несущий нам сушь. А пришел-то он вот из этих мест, из этих песков...

Но все же и здесь можно жить. На редких метеостанциях, разбросанных на всем протяжении Каракумов, куда и воду-то завозят раз в несколько месяцев, между раскаленными песками и свирепым солнцем тоже обретаются люди.

Накануне "тарта я спросил каждого из семерых: что толкнуло их в эту дорогу. Конечно, каждый ответил по-своему. Но в их ответах было и много общего.

Николай Кондратенко: "В таком походе приходится работать не сколько можешь, а сколько надо-никто не может жить за чужой счет. Во многом это жизнь на пределе. И мне кажется, каждому мужчине надо знать свой предел, свои максимальные возможности".

Эмиль Баль: "Я очень люблю ходить по безлюдной местности. И не только по пустыне, по горам тоже. Я убедился в том, что каждый трудный поход — это преодоление себя, своей слабости. И знаю, как это закаливает физически и психологически. Наверное, поэтому меня снова и снова тянет в такие походы".

Виктор Голиков: "Мне кажется, в каждом человеке живет нечто, толкающее его в

странствия — некий зуд неудовлетворенности собой, стремление сделать что-то полезное. Во мне эти ощущения всегда жили. Ну и, конечно, меня тянуло к необычному, хотелось испытать себя в очень трудных условиях".

Гельмут Гегеле: "Я знаю, что этот маршрут будет труднее всех предыдущих, поэтому мне надо пройти его".

Зейнел Сакпбжанов: "В эту компанию меня привело любопытство. А коллектив оказался очень интересный, дружный и помог мне лучше узнать себя. Иду, потому что хочу понять, что я могу".

Николай Устимснко: "Я никогда не был в таких трудных условиях, поэтому мне и хочется как бы взглянуть на себя со стороны. Ну и, конечно, просто интересно увидеть те места, где мы пойдем. Я понимаю, что мне придется преодолевать себя..."

Владимир Климов: "Во время подготовки к этой экспедиции нам приходилось от очень многого отказываться, убеждать себя, что все трудности можно преодолеть, все можно вытерпеть. Я считаю, что именно терпение — главное качество мужчины. В таких походах, как наш, надо уметь зажать себя в тиски и терпеть — только в этом случае можно рассчитывать на успех.

Самое трудное в их жизни в пустыне — это не ночные переходы с тяжелой поклажей, а, как ни странно, дневные переживания зноя. Очень хочется спать, но спать удастся только урывками: тяжелый, горячий воздух гонит сон прочь. Едва остановишься, как налетают невыносимые в своей назойливости мухи, о которых Зейнел сказал как-то в сердцах: "Лучше бы они вымерли вместе с динозаврами!"

Но дневки это не просто отдых. Вернее — желание обрести отдых. В то время они проводили медицинские обследования, вели метеонаблюдения, действовали по биологической программе. И эта научная работа тоже отнимала много сил и времени.

Зато никогда прежде ни одна экспедиция, находящаяся в пустыне, не была столь тщательно подготовлена и проведена с точки зрения науки.

Специалисты четырех крупных исследовательских институтов страны разработали обширные программы. Александр Фрейнк, руководитель научной группы, насчитывавшей 21 человека, на двух машинах тоже пересек Каракумы. Не думаю, что всем этим людям было много легче, чем семерым: солнце и пески одинаково беспощадны ко всем.

Кандидаты медицинских наук Геннадий Давыдов и Анатолий Лосев, много сделавшие для подготовки советской и болгарской экспедиций в Гималаи, вели большую работу и с этой группой. На них лежала вся психофизиологическая часть программы.

Рассказывая о ней, Давыдов начал совершенно с другого конца: "Вы, вероятно, слышали высказывание Фритьофа Нансена о том, что можно привыкнуть ко всему на свете, кроме холода?" Я такого высказывания не знал и потому осторожно возразил: "Но ведь он никогда не был в пустыне..." — "Об этом и речь, — сказал Давыдов, — иначе бы он высказал аналогичную мысль и о жаре в пустыне".

В лаборатории, где работают Давыдов и Лосев, занимаются изучением жизнедеятельности организма в экстремальных условиях. Большая высота, избыточное тепло, холод, газовый состав — все это первостепенные факторы, оказывающие самое прямое воздействие на жизнь человека. Здесь все важно — малейшие детали, едва уловимые реакции. Ведь на основе таких наблюдений и исследований вырабатываются практические рекомендации для нефтяников, водителей машин, геологов: для всех тех, для кого пустыня — рабочая площадка.

Эта экспедиция Давыдову и Лосеву тем более была интересна, потому что так называемый "пустынный фактор" как раз наименее изучен, чем какой-либо другой. В

тепловых камерах ставилось множество экспериментов, но вот такого, реального, идеально обставленного самими условиями, да и в смысле оснащённости специальной аппаратурой, — такого опыта еще не было.

Помолчав, Давыдов добавляет в раздумье: "В общем-то, если уж совсем честно, противоядия от жары у нас нет".

Но тем и интересен этот эксперимент, что он открывал перед учеными новые возможности: он позволит выработать новые практические рекомендации для тех, кто готовится работать в таких же условиях.

Вот почему и эти двое — Давыдов и Лосев — стараются «поймать» механизм адаптации, проследить, как длительное пребывание в пустыне влияет на жизненные процессы с точки зрения физиолога и психолога.

Ученые работали, готовя этот эксперимент, с новейшими приборами, проводили многочисленные тесты и могли рассказать о каждом из семерых столько, что можно было подумать, будто они много лет были закадычными друзьями.

Тот же Лосев сказал: "Мы не давали им советов — перед нами не стояла такая задача. Но в психологическом отношении группа сложилась однородная. Мне нравится, что ролевые функции у них распределены довольно четко и не нарушаются. Это очень важно в таком трудном деле".

...Ночью, перед тем как сняться с последней столики, на освещенное догорающим костром место выскочил неожиданный гость. Любопытный пустынный ежик застыл в изумлении на своих высоких тоненьких ножках и напряженно встопорщил огромные уши.

Его большие глаза удивленно смотрели на нас, сверкая как два черных топаза. Он безропотно дался в руки и только недовольно пофыркивал, когда мы, в свою очередь, проявляли любопытство, наклонялись поближе к нему и осторожно трогали его длинненький носик с блестящей пуговкой на КОНПС.

Кто-то из ребят собирался посадить ежика в рюкзак и прихватить домой, но потом, взвесив все, пожалел и отпустил на свободу: быть может, еще повстречаемся...

В последний раз они вскинули за плечи свои рюкзаки и, по ходу привычно выстраиваясь, скоро растворились в ночной темноте.

Той же ночью, накануне последнего перехода через пески, я спросил: "Вот теперь, когда можно сказать, вы уже преодолели пустыню, скажите, что значат для вас Каракумы?"

Почему-то этот вопрос оказался трудным для всех. Может быть, потому, что были у каждого из них мгновения и часы, когда они ненавидели пустыню, как можно ненавидеть величайшее зло. И были другие часы и дни: когда они любили ее, как можно любить одно из величайших творений природы или как родную землю, где человек появился на свет.

И все-таки лучше Эмиля Баля, кажется, никто не ответил. Он улыбнулся чему-то и сказал: "Каракумы — это 720 тысяч моих шагов".

Они отмерили пустыню шагами, все 600 километров, от края и до края, по горячим пескам, мимо золотых, раскаленных барханов, напоминающих застывшие океанские волны, по твердым такырам — гладким, как хорошо'укатанный асфальт, по бархатистой, невесомой пыли древних дорог, въедливой, проникающей в каждую пору.

Конечно, пустыня для них прежде всего дорога. Дорога под пепелящим солнцем, которое они меж собой называли «убийцей». И под спасительно светящей луной, которую они никак не прозвали и которой радовались как великому чуду, когда она освещала их путь.

Они говорили о пустыне по-разному, но никто из них не смог скрыть гордости за то, что сумел осилить ее. Слушая их, я, кажется, понял Сзади — великого поэта Туркмении, в изумлении склонившего голову перед бескрайним морем песков: "Все земли перед тобою

убоги, пустыня!"

Пустыня и человек. Два сильных характера. Каждая их встреча — схватка не на жизнь, а на смерть, борьба, тысячелетия идущая с переменным успехом. Прежде пустыня была злейшим врагом человека, теперь же, когда он научился ее понимать, да и сам стал сильнее, мудрее, она приоткрыла для него двери в свои владения и стала понемногу отдавать сокрытые песками сокровища.

Для немногих людей — пустыня дом, который они никогда не променяют ни на какой другой. И совсем для немногих — она соперник, с которым неодолимо тянет помериться силами. Вот как для этих семерых, которые одолели ее.

Не ждите описаний необыкновенных приключений на их пути.

Не ждите рассказов о схватках с коварными, смертельно опасными обитателями песков, хотя встречи с ними и были. Семеро просто шли, день за днем, километр за километром. Но это были очень трудные километры!

...Они вышли в дорогу в ночь на 15 июля 1984 года, и к утру должны были появиться на метеостанции Шах-Сенем. Но не появились.

Руководитель подвижной научной группы Александр Фрейнк, изнервничавшийся в ожидании, весь на пределе, прождал контрольный срок и уже в третьем часу дня, готовый вызвать по радиации поисковую группу, наконец-то увидел их. Они шли по пеклу в самое жаркое время вопреки тщательно разработанным, хорошо, продуманным планам, измученные и совершенно мокрые от пота.

Они заблудились. Ночью, на хорошем ходу, Баль — штурман экспедиции, не заметил места, где нужно было свернуть. Поэтому проскочили много дальше и только при свете дня, не обнаружив древних развалин, служивших ориентиром, поняли, что теперь предстоит пройти много лишних километров, чтобы явиться к месту назначенной встречи.

Я знаю, что Баль, человек очень ответственный, добросовестный, остро переживал свою неудачу, стоившую около двадцати километров труднейшей дороги. Ведь их могло и не быть, не должны были добавиться эти проклятые километры...

Владимир Климов, решительный, как всегда, и прямой, накинулся на него, упрекая в ошибке. Вокруг разгорелись споры, и обстановка в самом начале пути, подогреваемая к тому же немилосердным светилom, накалилась настолько, что, казалось, все могли вспыхнуть. И никто в те минуты не хотел видеть, что творилось с самим Балем...

Эпизод, который в других, не экстремальных, условиях мог бы пройти почти незамеченным — ну заблудились, эка беда, ведь вышли же! — здесь стал очень важным событием в психологической жизни группы и еще много дней давал о себе знать. Он стал против их воли и совершенно незапланированно ключевым событием, которое проверяет людей на прочность.

Позже некоторые из них мне признались, что этот самый первый их день был и самым трудным. Случись нечто подобное в среде других людей, не объединенных одной важнейшей для каждого целью, не спаянных в долгих, изнурительных тренировках и не готовых — морально, психологически — двигаться через пустыню в самое трудное время, да еще не обладающих чувством ответственности перед теми, кто их ждет, такая оплошность могла бы стать роковой.

Медицинские обследования и всевозможные измерения, включая анализы крови, они проделывали по несколько раз в день. На отдыхе и во время движения. Когда останавливались и почти без сил валились на песок, они еще не могли отдышаться: много силы и времени отдавалось науке.

Николай Кондратенко, слушая нередкие сетования на то, что лучше бы без этих обследований совсем обойтись, терпеливо и неустанно убеждал, напоминал, зачем они это делают и кому это нужно.

Из дневника Николая Кондратенко: "Сухой ветер треплет тент и сосет из нас воду. На почве температура плюс 61. Состояние у всех неплохое. Только один под солнцем становится неуправляем, вечером не хочет делать обследования, говорит, теряем время отдыха, что мы не кролики, что за нас все равно никто Каракумы не пройдет... Очень трудно его убеждать..."

Не сразу они свыклись с необходимостью терпеливо переносить запланированные обследования. Разумеется, люди прекрасно понимали все. Но ведь одно дело — сознавать такую необходимость, и совсем другое — скрутить себя усилием воли, когда тело, кажется, молит об отдыхе.

На метеостанции Екедже, где с маленькой дочкой живут супруги Виктор и Надежда Софроновы, их встретили словно родных. Люди в те края очень редко заходят, поэтому вполне можно понять, с какими чувствами они принимают каждого нового человека.

У Надежды незадолго до того был день рождения, и супруги с понятным нетерпением ждали гостей, чтобы разделить с ними радость: из радиосводок они знали, что экспедиция находится совсем близко.

Однако по вполне понятным также причинам застолья не получилось. Семерка нарушать режим не могла, да и в научной группе тоже был установлен сухой закон, и специалисты с сочувственной улыбкой выслушивали приглашения хозяина, совершенно уже отчаявшегося, выпить с ним хотя бы рюмку. "Да поймите вы, — говорил Виктор. — Мне целых тринадцать лет выпить не с кем! А тут — у жены день рождения!"

Добрые, сердечные Софроновы... Так не хотелось от них уходить...

Из дневника Виктора Голикова: "Идти становится все труднее. Запас воды и сил убывает очень быстро по мере подъема солнца. О его восходе в пустыне можно писать поэмы... Сначала, когда вокруг еще темно, робко загорается заря, как бы подглядывает в дверь- можно ли войти. И, словно бы получив разрешение, постепенно разгорается, заполняя весь горизонт оранжево красным светом. Останавливаемся и смотрим на солнце... А через два часа мы уже не могли думать о нем без содрогания".

Но и в пустыне случаются радости. Утомленным, измученным жаждой и отчаянием путникам она дарит такие незабываемые краски, о которых рассказывал Виктор. Слабое, конечно, вознаграждение! И ни с чем не сравнимая радость, возможно даже и счастье, от встречи с водой. Особенно, если эта вода прозрачна, вкусна, холодна.

Однажды они вышли на колодец с такой водой. Анализ же показал, что пить ее нельзя: большое содержание солей серной кислоты. Даже и кипячение не избавляло от них. А ведь какой, казалось, подарок... Несколько человек в научной группе не удержались от соблазна и вопреки категорическому запрещению пили ее. У всех была рвота.

Наверное, можно понять этих людей, когда и солоноватая, мутная водица доставляет подлинное наслаждение. Она приносит избавление и с каждым глотком наполняет человека новыми силами. Нет ничего в пустыне ценнее воды.

Зейнел Сакибжанов перед последним своим переходом, когда все небо уже выстлало яркие звезды, произнес тихо, задумчиво: "Знаете, мои мысли часто возвращаются к тому, что к воде необходимо относиться бережно. Она не должна просто так пропадать, ведь она может стоять человеческой жизни..."

Чтобы это попятить, надо было прочувствовать нечто очень серьезное. Чтобы прийти к такой мысли, человек пересек всю пустыню. Пользуйтесь этой мыслью: Зейнел безвозмездно

вам ее отдает.

Был один день, когда пустыня щедро отдала их за лишения. Неожиданно открылось большое соленое озеро. С каким же наслаждением погрузились все в прохладную воду... Так приятно было почувствовать себя снова чистым и свежим...

И опять путь, дорога без дороги и поднимающая настроение радость, когда под ногами вновь оказывается нужная, желанная колея.

Бесчисленное количество дорог пересекает пустыню. След после проехавшей машины может оставаться очень и очень долго. Скольких путников ввели они в заблуждение! Вот почему достойна удивления та уверенность, с которой штурманы экспедиции Эмиль Баль и Владимир Климов без карты, а только по ими самими составленной схеме провели товарищей через пески.

Из дневника Виктора Голикова: "Прошли барханные пески. Спуск, подъем, снова спуск и снова подъем. Ноги вязнут в песке. Скорость передвижения резко снизилась. Прошли два колодца с водой с запахом сероводорода. Пот заливает глаза, мы пытаемся спрятаться от палящего солнца в крохотных тенях от рюкзаков. Хочется уменьшиться в своих размерах..."

И снова — обследования, одно за другим, на ходу и на десятиминутном привале, на дневном отдыхе, когда нестерпимо хочется спать и когда неудержимо тянет пить, а пить нельзя, хотя и есть под рукой вода — нужно сначала сделать медицинские анализы. Значит, и спать тоже нельзя...

И снова Кондратенко первым показывает пример, встает, когда нет сил встать. За ним — Гельмут. Потом — все остальные.

Из дневника Николая Кондратенко: "Дорога очень трудна. От рубахи идет сильный, неприятный запах. Подушка с водой в рюкзаке неполная, и вода надоедливо плещется на каждом шагу. Это раздражает, как часы на мокрой от пота руке. Сплю на ходу. Ощущения хуже, чем в переполненном трамвае".

Научная группа, передвигавшаяся на машинах, далеко не каждый день входила в контакт с семеркой — лишь когда по плану надо было провести необходимые обследования с помощью приборов или когда на длинном отрезке пути, где рассчитывать на колодцы не приходилось: только в таких случаях на маршрут идущим подбрасывали воду.

Два долгих, томительных дня специалисты провели на месте, не в состоянии тронуться в путь — поднялась сильная пылевая буря, застлала вуалью все небо, сократила видимость до нескольких десятков метров. Никто не знал в это время, где пережидает бурю семерка, не застигла ли буря ее в пути. Очень это были тревожные, беспокойные дни...

А та буря только краем задела — так далеко они находились. Подняла, вскружила песок, заставила втянуть голову в плечи, плотней запахнуться, ускорить шаг.

Но вот ветры доставили им много неприятных, монотонно раздражающих дней и часов. Долгое время о спину дул слабый, горячий ветер, в точности равный скорости их ходьбы. От этого казалось, что они шли в не подвижном, тяжелом и вязком воздухе. И лишь когда ветер менял направление, дул хотя бы чуть-чуть под углом, они могли издохнуть с облегчением.

В этой знойной дороге у них было два праздника, два дня рождения. Гельмуту исполнилось 35 и 25 лет — Николаю Устименка. Это произошло как раз посреди Каракумов. Из научной группы прислали торт, состряпанный с трогательной старательностью из галет и сгущенки, а сами ребята подарили виновникам торжества по крохотному самоварчику, заблаговременно приобретенному нарочно для такого случая. Предусмотрели и это!

Наверное, каждый из них готов был бы много отдать за то, чтобы те самоварчики — но волшебству, разумеется, — стали большими и напоили их горячим, спасительным в жаркой Туркмении чаем... Хотя, оказалось, и маленькие тоже умеют согреть: душу, например.

Рано утром пятого августа, едва солнце поднялось, они увидели прямо перед собой фиолетово-зубчатую гряду Копет-Дага. Это было столь неожиданно, что Кондратенко даже зажмурился — так напомнили горы его родной Заилийский Алатау... Показалось на какое-то мгновение: пот я и дома... Такое счастье, что все уже позади... Копет-Даг стал естественной границей не только пустыни, казавшейся им бескрайней, но и долгого, тяжелого пути. Конец теперь был близок, но им предстояло идти еще два дня.

Из дневника Николая Кондратенко: "Сильный ветер вновь рвет защитную пленку. Жарко... Желание только одно: упасть в тень и чтобы кто-нибудь облил водой".

Они прошли эту пустыню, но, уже расставшись с ней, все-таки не чувствовали себя в полной мере победителями. Возможно, потому, что в мыслях продолжали идти, переживали убийственный жар, лежали под тентом на горячем песке и покорно терпели прикосновение добрых, щадящих, но и так надоевших рук медиков... Еще жили в пустыне.

Как только они закончили путь и с облегчением в последний раз опустили опостылевшие рюкзаки на землю, их окружили кино- и фоторепортеры, журналисты, пролетевшие тысячи километров ради этой вот встречи.

Семеро улыбались, немного рассеянно отвечали, потому что успели уже отвыкнуть от встреч с незнакомыми людьми, от такого темпа, который их теперь закрутил. Перед глазами все еще были пески...

Каждого из них я спросил, о чем он мечтал на этой горячей дороге и что было труднее всего.

Владимир Климов: "Труднее всего для меня было переключение на ночной ритм жизни: нормально себя чувствовать я начал где-то на десятый день, а до этого идешь, качаешься, так клонит в сон... Скрипишь зубами, а идешь. О чем мечтал? О холодном кефире". У Владимира две дочери — Лена и Танечка, на привалах он часто доставал их фотографию и подолгу смотрел на нее.

Гельмут Гегеле: "Самым трудным для меня был первый день, когда мы заблудились. Тогда, в который уж раз, я подумал: как мало в жизни нам надо — всего ковшик воды..." У Гельмута сыновья — Альберт и Саша. Немногословный, молчаливый, Гельмут сдержанно улыбается: "Конечно, ужасно соскучился..." В подарок своим мальчишкам он вез заспиртованных скорпионов и фалангу, а также символ жизни в пустыне — маленькую веточку саксаула.

Виктор Голиков: "Труднее всего мне дался переход до метеостанции Екедже, когда за две ночи надо было пройти более шестидесяти километров. К тому же до этого перехода мы очень мало отдыхали. Не могу сказать, что я о чем-то особенно мечтал. Просто часто думал о наших новых маршрутах". В этой семерке Виктор — лучший бегун, в плане подготовки к новым походам поставил перед собой цель пробежать сто километров.

Эмиль Баль: "Самым тяжелым был первый день, когда из-за моей ошибки пришлось сделать большой крюк. Я понимал, как подвел товарищей, но, поверьте, мне тогда было хуже всех... О чем мечтал? Старался гнать от себя всякие соблазны. Но иногда почему-то возникало в мыслях мороженое..." Эмиль человек упорный, настойчивый, умеет собраться и подчинить себя достижению одной главной цели. Посмотрел мне в глаза и добавил: "Я вернусь в пустыню. Еще и еще".

Зейнелгабиден Сакибжанов: "Самым трудным был переход до Екедже. Я тогда чувствовал себя плохо и потерял в весе почти четыре килограмма. Хотелось быстрее пройти пустыню". Зейнел оказался человеком веселым, неунывающим, и в трудную минуту, когда назревал конфликт, ему удавалось смягчить обстановку.

Николай Устименко: "Самыми трудными для меня были первые 50 километров. Хотя мы и готовились, эти километры дались труднее всего. Мне очень хотелось быстрее пройти каждый отрезок маршрута и еще хотелось, чтобы пески поскорее остались у нас за спиной". Николай старается держаться незаметно, скромно, но при этом готов, если надо, рискнуть. В экспедиции очень полезен.

"Николай Кондратенко: "Самым трудным для меня был момент, когда я почувствовал со стороны товарищей некоторое напряженное отношение. Мне удалось преодолеть этот неприятный момент. О чем мечтал? Мне кажется, больше всего в эти дни я хотел услышать голос сына..." Его сыну Вите восемь лет, и Николай очень ждал встречи с ним, чтобы обнять и рассказать о своем походе через пустыню.

Несколько дней после перехода продолжались медицинские обследования. Ели в это время только ту пищу, что и в дороге: для специалистов было важно проследить изменения в организме при одном и том же режиме питания.

Ребята с трудом удерживались от желания кинуться по домам и скорее увидеть близких. Но больше всего угнетало то, что время отпусков подошло к опасному пределу. Никому не хотелось неприятностей на работе после такой приятной прогулки в песках.

"Всякий раз, когда вступаешь в лес, который тянется на несколько сот километров, невольно испытываешь чувство, похожее на робость. Такой первобытный лес — своего рода стихия, и немудрено, что даже туземцы, эти привычные лесные бродяги, прежде чем переступить границу, отделяющую их от людей и света, молятся богу и просят у него защиты от злых духов, населяющих лесные пустыни.

Быть в лесу, наполненном дикими зверями, без огня, во время ненастья — жутко. Сознание своей беспомощности заставило меня идти осторожно и прислушиваться к каждому звуку. Нервы были напряжены до крайности. Шелест упавшей ветки, шорох пробегающей мыши казались преувеличенными, заставляли круто поворачивать в их сторону.

Наконец стало так темно, что в глазах уже не было нужды. Я промок до костей, с фуражки за шею текла вода ручьями. Пробираясь ощупью в темноте, я залез в такой бурелом, из которого и днем-то едва ли можно скоро выбраться. Нащупывая руками опрокинутые деревья, вывороченные пни, камни и сучья, я ухитрился как-то выйти из этого лабиринта. Я устал и сел отдохнуть, но тотчас почувствовал, что начинаю зябнуть. Зубы выстукивали дробь; я весь дрожал, как в лихорадке. Усталые ноги требовали отдыха, а холод заставлял двигаться дальше.

Залезть на дерево/ Эта глупая мысль всегда первой приходит в голову заблудившемуся путнику. Я сейчас же отогнал ее прочь. Действительно, на дереве было еще холоднее, и от неудобного положения стали бы затекать ноги. Зарыться в листья! Это не спасло бы меня от дождя, но, кроме того, легко простудиться. Как я ругал себя за то, что не взял с собой спичек. Я мысленно дал себе слово на будущее время не отлучаться без них от бивака даже на несколько метров".

В. К. Арсеньев "По Уссурийскому краю, 1902 год"

1. Дерсу Узала вьетнамских джунглей (Виталий Волович)

Знакомство

Костер догорал. Фиолетовые язычки пламени осторожно выглядывали между обгоревших поленьев и снова прятались в свое мерцающее убежище.

Доктор Ракитин неподвижно сидел у костра, обняв колени руками, замороженный видом умирающего огня. Синие струйки дыма поднимались над тлеющими углями, сворачивались в кольца и постепенно растворялись, исчезая в неподвижном, насыщенном влагой воздухе.

Стояла душная, вязкая тишина. В черноте тропического неба проступали, разгораясь, серебряные блески незнакомых созвездий. Неподалеку звонко хрустнула ветка. Та Мо, дежуривший по лагерю, вскочил, словно подброшенный пружиной, и щелкнул затвором карабина.

Разом вспыхнули электрофонари, осветив из мрака человеческую фигуру. Заслоня лицо от яркого света, незнакомец сделал несколько шагов к костру и остановился, смущенно переминаясь с ноги на ногу. Маленького роста, сухонький, узкоплечий, он был похож на подростка. На нем — длинная рубашка без воротника, с глубокими вырезами по бокам, и короткие, чуть ниже колен, штаны из такого же материала. Обувью ему служили тапочки — вьетнамки из старой автомобильной покрышки, крепившиеся на ногах двумя резинками крест-накрест. Костюм дополняла темная кепочка с крохотным козырьком.

Из больших кожаных ножен, висевших на левом боку, выглядывала деревянная рукоятка ножа-мачете. Незнакомец опирался на старинное длинноствольное ружье с широким дулом, с курком, похожим на оттопыренный большой палец. Деревянный приклад, видимо треснувший, был несколько раз обмотан проволокой.

— А, дамти Синь, — радостно приветствовал его переводчик Дин Чонг Лок — высокий, немного нескладный парень, с широким, улыбчивым лицом, побитым крупными оспинами, и чубом жестких черных волос, свисавшим на лоб.

Русским языком он владел довольно слабо. Путал родовые окончания слов, времена, ударения. А падежи вообще игнорировал. И, тем не менее, помощник он был незаменимый. Кроме него, только доктор Дан — руководитель вьетнамской группы, знал несколько русских слов.

Сам Ракитин с трудом выучил десятка два слов по-вьетнамски, вставляя их в разговорах к месту и не к месту. Что же касается его коллег Дьякова и Шалесва, то для них певучая вьетнамская речь так и осталась тайной за семью печатями.

— Очень рад тебя видеть. Я думал, что ты придешь к нам только завтра, — продолжал Лок. — Это Хуанг Ван Синь — знаменитый охотник и следопыт. Мы было сюда пять дней назад, и председатель уездный партийный комитета товарищ Дьен сказал, что нам будет помогать дамти Синь. Он очень замечательный охотник. Такой второй нет во весь уезд. Он все знает про лес, про зверей, про деревья. Он покажет много, много растений, которые можно кушать в лесу. Он знает траву от все болезни: от головы, от желудка, от лихорадки. Очень хороший человек...

Синь, чуть склонив голову набок, молча слушал непонятные русские слова и, когда Лок кончил свою рекомендательную речь, сделал несколько шагов к костру, прислонил свой древний штуцер к стволу дерева, заменившему скамейку, и присел, на корточки рядом с Ракитиным.

Не глядя по сторонам, он извлек из-под рубашки вместительный кисет, сшитый из

коричневатого-пестрого меха какого-то зверя, неторопливо набил табаком трубочку с коротким изогнутым мундштуком и, выхватив из костра горящую веточку, прикурил.

— Чайком не мешало бы гостя попотчевать, — сказал Ракитин. — Давэй, Саша, сообрази.

Шалеев отправился на кухню и вскоре вернулся, держа в одной руке большой алюминиевый чайник, а в другой стопку пиал. Чайник подвесили к перекладине над огнем. Хунг собрал валявшиеся вокруг сухие ветки и бросил в догоравший костер. Пламя зашипело, припало к угольям. Но будто зверь, почувствовавший добычу, вновь выскользнуло из своего укрытия, побежало, потрескивая, по сушняку и вдруг фонтаном взметнулось вверх, осветив людей, сидевших в разных позах вокруг костра, и черную стену тропического леса, окружавшего поляну. Только сейчас Ракитин мог подробно разглядеть гостя. На вид ему было лет сорок-пятьдесят. Правда, Ракитин хорошо помнил, как обманчива бывает внешность здесь, на юго-востоке Азии. Сколько раз он ошибался, принимая многодетных мам за юных девушек и зрелых мужчин — за юношей.

Трудно было назвать красивым его небольшое, продолговатое смуглое лицо — большеротое, с широким, чуть уплощенным книзу носом. Худенький, жилистый, он сидел на корточках, невозмутимо попыхивая трубочкой. Но в его сдержанном равнодушии чудилась напряженность пружины, готовой мгновенно распрямиться.

Буквально с первого мгновения Ракитин почувствовал к нему какую-то внутреннюю симпатию. То ли скромность, вернее, застенчивость, с которой держался этот многоопытный, далеко не молодой человек, с морщинистым лицом и натруженными руками. То ли приветливый взгляд темных, узких глаз из-под чуть набухших верхних век. То ли поразительная для этих условий аккуратность: его старенькая, выцветшая коричневая рубашка с тремя зелеными пуговичками была тщательно отстирана и заштопана. То ли неуловимое сходство с кем-то очень знакомым.

Но с кем? Ракитин мучительно пытался вспомнить, как вдруг его осенило: "Черт возьми, да, конечно, с Дерсу Узала! Как это сразу не пришло в голову? Охотник, следопыт, знаток леса, вот так же неожиданно появившийся из темноты деревьев у лагерного костра..."

В памяти всплыли строки из книги Арсеньева: "Меня заинтересовал этот человек. Что-то в нем было особенное, оригинальное. Говорил он просто, тихо, держал себя скромно, не заискивающе... Я видел перед собой первобытного охотника, который всю свою жизнь прожил в тайге". До чего же точной оказалась эта неожиданная ассоциация!

— Знаешь, Лок, есть такая книга "Дерсу Узала". Ее написал знаменитый русский путешественник и писатель Арсеньев. В ней он рассказал про своего друга: старого мудрого охотника — следопыта Дерсу Узала.

Лок вопросительно посмотрел на Ракитина.

— Так вот, дамти Синь мне очень напоминает Дерсу. Он ведь тоже охотник, следопыт, знаток леса, только тропического...

— Значит, Синь, как Дерсу Узала, только наш, вьетнамский? — Лок что-то оживленно стал говорить Синю, который слушал его с большим вниманием, тихо покачивая головой, и вдруг широко улыбнулся, отчего от уголков глаз разбежались по сторонам веселые морщинки.

— Ты чего ему сказал? — поинтересовался Шалеев.

— Я сказал ему, что у вас в Советском Союзе есть свой дамти Синь, только зовут его Дерсу Узала.

Закипевший чайник подал сигнал, звякнув крышкой. Маленький непоседа доктор Кат, которого Ракитин в шутку прозвал "Катом в сапогах", высыпал в кипяток целую пачку грузинского чая, вызвав молчаливое недовольство бережливого лагерного повара Фана.

Чай пили не торопясь, со вкусом, время от времени перебрасываясь короткими фразами. Пламя снова опало, и сразу вокруг сгустилась темнота.

Словно зеленоватые мерцающие фонарики, кружились в бесшумном хороводе крупные светляки. В зарослях ночных джунглей пробуждалась жизнь. Завели свою неумолчную песню цикады. Хрипло каркнув, трепыхнулась испуганная птица. Откуда-то из глубины леса донеслось протяжное жалобное: тю-тю, тю-тю, тютю...

Видимо, непривычная обстановка лагерной жизни дала себя знать. То один, то другой тихонько исчезали из светлого круга, и вскоре осталось лишь трое: Синь, Лок и дежурный Мо, который время от времени обходил, прислушиваясь, поляну, оберегая покой ее обитателей от непрошенных гостей

Ракитин вошел в палатку, тщательно застегнув входное полотнище на все клеванты. В темноте белел противомоскитный полог, свисавший над койкой. Ракитин еще не опробовал свою новую постель, изготовленную из деревянной, поставленной на четыре рогулины, рамы, покрытой сверху вместо матраца щитом из расколотых пополам бамбуковых стволов. Они придавали «матрацу» эдакую волнистость, которую не могло смягчить сложенное вдвое байковое одеяло; Ракитин, не зажигая "летучей мыши", быстро разделся и нырнул под кисею полога, служившего надежной защитой от комаров, москитов и прочей нечисти, водившейся в джунглях в несметных количествах и просто сатаневшей с наступлением темноты. Но чтобы обеспечить себе спокойный сон, надо было еще потрудиться. Он тщательно заправил концы полога под «матрац», включил электрический фонарь и принялся, сантиметр за сантиметром, тщательно обследовать полог с внутренней стороны. Каждый раз, обнаружив притаившегося кровопийцу, он прихлопывал его ладонями, злорадно приговаривая: "Ах ты, гад!"

"Ну, кажется, последний", — подумал он удовлетворенно и, сладко зевнув, вытянулся на своем жестком ложе. Но радость его была преждевременной. Едва он закрыл глаза, как над самым ухом раздалось тоненькое, назойливое «зи-зи-зи». Ракитин вскочил как ужаленный и, нащупав фонарь, включил свет. Новые батарейки работали исправно, и в ослепительно-белом круге света был быстро обнаружен москит.

Ракитин вскакивал еще несколько раз и снова ложился, нервно вслушиваясь, не раздастся ли комариный писк. Наконец усталость сморила, и он, натянув простыню до подбородка, погрузился в сон под звенящий стрекот цикад — этих неутомимых музыкантов тропического леса.

Разбудил его солнечный луч, отыскавший в боковой стенке палатки крохотную дырочку. Ракитин откинул полог, натянул шорты, всунул ноги в резиновые сапоги и вышел наружу.

Природа ликовала, встречая наступление солнечного утра. Сверкающие капли росы подрагивали на листьях деревьев, на серебристо-зеленых веерах пальмы «ко», скатывались по огромным зеленым опахам дикого банана. Под их тяжестью клонились к земле стебли трав, ветви кустарников.

Перебросив через плечо махровое полотенце, Ракитин рысцой спустился к ручью, весело бурлившему внизу, в распадке, сделал несколько упражнений, подтянулся на ветке, нависавшей над самым ручьем, а потом долго плескался в прохладном потоке, катившем свои веселые прозрачные струи.

Когда Ракитин вернулся в лагерь, все уже были на ногах, а повар Фан что-то размешивал в большом чугунном котле.

Игорь Дьяков, высокий, полный врач-гигиенист, держа в руках сверкавший никелем психрометр Ассма-на, осторожными движениями заводил пружину вентилятора. Перед ним на столике лежала аккуратно разграфленная тетрадь для метеорологических наблюдений,

толстый том "Психрометрических таблиц" для расчета влажности воздуха.

— Уф, — сказал, отдуваясь, Ракитин. — Всего восемь часов, а духотища — дышать нечем. Прямо как в парной.

— Все по науке, — в тон ему ответил Дьяков. — На термометре уже двадцать Девять и влажность, наверное, под девяносто процентов. Впрочем, я сейчас посмотрю в таблицах.

Он перелистал несколько страниц и, отыскав кончиком остро отточенного карандаша нужную строчку, сказал:

— Я почти угадал: 87 процентов, как одна копейка.

— Хорошо мы подгадали время для наших исследований! Прямо в разгар четвертого жаркого сезона. Правда, он, по-моему, считается и самым дождливым. Если так будет парить, то дождичка ждать недолго придется.

— Во всяком случае, не сегодня. Небо — как лазурная чаша: ни тучки, ни облачка.

— Ну дождь-то не страшен, — присоединился к разговору Шалеев. — Вот тайфун бы нас здесь не прихватил... Это ведь для них — тайфунов — самый сезон.

Разговор прервал звон рельса, подвешенного вместо гонга на бамбуковой треноге рядом с кухонной печью.

— Ладно, потом поговорим, — сказал Ракитин и потрусил в палатку одеваться.

Вскоре все собрались в столовой, роль которой играл высокий навес. Шесть пятиметровых бамбуковых стволов подпирали крышу, сделанную из уложенных «черепицей» плотных серебристо-зеленых веерообразных листьев пальмы «ко», в изобилии росшей вокруг лагеря. Посоветовавшись, решили, не теряя времени, совершить ознакомительный поход в джунгли. Впрочем, знакомство Ракитина с джунглями уже состоялось.

Накануне, едва выпрыгнув из машины, он не сдержал нетерпения и, закинув за спину карабин, углубился в чащу, пройдя метров триста по едва заметной среди травы и опавших листьев тропинке. Он не боялся сбиться с дороги: слитком густы были заросли бамбука и кустарников по обеим ее сторонам.

Становилось все темнее. Густые кроны деревьев нависали сплошным, непроницаемым пологом. Ни единый лучик солнца не проникал сквозь толщу листовенного свода. Ни единый солнечный блик не оживлял этого насыщенного испарениями сумрака.

Между деревьями местами чуть вздрагивали клочки густого приземного тумана. Было сыро и душно. Жаркий пот струился по лицу, стекал за воротник. Но особенно гнетущей была тишина. Она действовала на нервы, давила, тревожила. Ракитин никогда не представлял себе, что дневные джунгли-угрожающе молчаливы.

Постепенно охватывало необъяснимое беспокойство. Каждое потрескивание ветки, каждый шорох заставляли испуганно вздрагивать. Ракитин каждой своей клеточкой ощущал приближение какой-то неведомой опасности. Правда, он не понимал, что это за опасность, не мог сформулировать, чего он страшится.

Ракитин до боли в пальцах сжимал карабин, то замирая на месте, то резко поворачиваясь от малейшего подозрительного звука. Ему вдруг почудилось, что он находится в узком туннеле, из которого нет выхода.

— Да что же это со мной творится, черт возьми? — вслух сказал Ракитин, встряхнув головой. Но голос его словно завяз в обступивших со всех сторон деревьях.

— Сядь и успокойся, — скомандовал он себе. — Закури и не дури!

Как ни странно, эта глупая рифма подействовала на него успокаивающе. Он вытащил из нагрудного кармана последнюю пачку «Столичных», тщательно, не спеша, размял сигарету и, прикурив, несколько раз глубоко затянулся.

Самокритика и сигарета помогли окончательно прийти в себя.

— И чего это я так запаниковал? Вот срам-то... Хорошо, что никто не видел, как я передрейфил. — Ракитин тщательно загасил сигарету и, повернувшись на сто восемьдесят градусов, пошел обратно по собственным следам, четко отпечатавшимся на влажной почве. Когда среди зеленого мрака забрезжило светлое пятно прогалины, он с таким облегчением вздохнул, словно действительно удалось избежать смертельной опасности.

Ракитин взглянул на хронометр. С момента, как он покинул лагерь, прошло всего часа полтора, не более. Но они показались ему вечностью. С каким радостным чувством смотрел он на лагерную поляну, на людей, сутившихся у двух палаток с выгоревшими от солнца тентами, на жаркое пламя кухонного костра, возле которого хозяйничал Фан.

Только вечером, забравшись под противомоскитный полог, Ракитин попытался проанализировать свое состояние. Может быть, это просто закономерная реакция на столь своеобразную, незнакомую обстановку джунглей? Может быть, именно так и должен чувствовать себя новичок?

Ведь и Пеппиг, и Шапель, и Фоссет, впервые оказавшись в джунглях, были буквально «оглушены» этим "зеленым адом". Значит, любой человек, которому предстоит встреча с тропическим лесом, будь он геолог; ботаник, изыскатель, биолог или, может быть, летчик, потерпевший аварию и покинувший с парашютом свой летательный аппарат, должен заранее узнать как можно больше об удивительном крае.

Это поможет — ему во всеоружии знаний встретиться один на один с природой тропического леса, избежать ненужных страхов и вероятных ошибок в поведении. Разве не поэтому оказались они здесь, в первозданной чаще тропического леса, за тридевять земель от дома? Разве не эти знания он мечтает получить с помощью вьетнамских коллег и друзей?

Рыбная ловля по-тропически

Каждое утро начиналось с медицинского осмотра. Ракитин, вооружившись отточенными скарификаторами, брал кровь на анализ, определял количество гемоглобина, время свертываемости, а затем, уставившись в окуляр микроскопа, громким шепотом подсчитывал красные и белые кровяные шарики.

Шалеев мерил артериальное давление, взвешивал всех желающих, заставлял жать изо всех сил дужки динамометра и старательно выдувать воздух в трубку полевого спирометра, показывавшего величину жизненной емкости легких.

Дьяков выполнял обязанности метеоролога, измеряя температуру воздуха, определяя его влажность и скорость движения, изучал величину солнечной радиации и характер облачности, заодно опекая с десятков термографов и гигрографов, тикавших в разных помещениях лагеря.

Затем все отправлялись на завтрак, на ходу обмениваясь идеями и обсуждая план предстоящего маршрута.

Пока солнце не поднялось над поляной и не подсушило ночную сырость, все ходили в резиновых сапогах. К этому принуждали пиявки: они обожали росу и буквально усеивали стебли и листья растений, окружавших лагерную поляну. Но особенно много их было на кустах вдоль тропы, по которой члены экспедиции бегали к ручью. Эти твари поджидали их там, прикрепившись задней присоской и приподняв свои черные извивающиеся тела. Стоило человеку оказаться рядом, как они взлетали, словно маленькие ракеты, и, с поразительной точностью находя открытый участок кожи, впивались в него всеми тремя челюстями.

В первые дни Ракитин брезгливо передергивался, внезапно обнаружив на теле черную, разбухшую от крови пиявку. Торопливо закурив сигарету, он тыкал ею дрожащей рукой в

паразита. Пиявка немедленно скрючивалась и отваливалась. С таким же успехом ее можно было удалить, посыпав солью, табаком, помазав йодом или спиртом.

Но Синь относился к ним с полнейшим безразличием. Заметив присосавшуюся пиявку, он ловко подковыривал ее тоненькой веточкой у самой присоски, заставляя немедленно разжать челюсти.

Сам по себе укус пиявки не был опасен. Разве что ранка минут 40–50 продолжала кровоточить или два-три дня сохранялась небольшая болезненность, если по неосторожности в коже оставались челюсти пиявки.

Но в тропическом лесу, с его жарким, влажным воздухом, обилием всевозможных болезнетворных бактерий, даже крохотные царапинки, нанесенные колючками, сучками, быстро нагнаивались, грозя превратиться в долго не заживающую язву. Поэтому все взяли за правило, удалив пиявку, смазывать место укуса спиртом или йодом.

Пиявки в этом лесу встречались самые различные: вероятно, многие из тех 250 видов, которые известны специалистам. От маленьких древесных, облюбовавших опушки и прогалины, до крупных, 10-15-сантиметровых черно-зеленых гадин, населявших окрестные лужи и болотца.

Но и те и другие водились в несметных количествах, что заставляло всех, кроме Синя, при каждом выходе в лес опускать рукава, застегивать ворот и манжеты, заправлять брючины в носки. И все же, несмотря на предосторожности, проклятые кольчатые находили в одежде невидимые щели.

В этот день медицинский осмотр затянулся, поэтому решили ограничиться небольшим походом к безымянному ручью километров за пять от лагеря. После часового блуждания в зеленом мраке чаща стала редеть, и путешественники вскоре выбрались на заросшую высокой травой поляну, которую пересекал довольно широкий шумный ручей.

— Вот красотища-то! — воскликнул Шалеев. — А трава ну, прямо, как у нас в Подмосковье. — Он повалился на спину, раскинув руки. — А мягкая какая... Так бы и лежал, никуда больше не ходил.

Вдруг Синь издал громкое восклицание и выхватил мачете из ножен.

— Лежи и не шевелись, — испуганно крикнул Лок.

Александр замер, ничего не понимая. Нож просвистел рядом с ним, и тогда все увидели рассеченную пополам метровую серую, со стальным отливом, змею с узкой ярко-желтой головой.

— Это что же за змеюка? — заикаясь от пережитого страха, сказал Шалеев, отирая холодный пот на лбу. — Спасибо, дамти Синь. Большое тебе спасибо!

Тот невозмутимо вытер нож пучком травы и всунул обратно в ножны.

— Это очень опасный змея, — сообщил посерьезневший Лок. — После ее укуса можно быть живой только один час.

"Ну и ну, — подумал Ракитин. — Это же просто повезло, что Синь ее вовремя заметил! Надо сегодня же всех собрать и еще раз предупредить, чтобы были осмотрительными, не то неприятностей в этих джунглях не оберешься..."

Только вчера Дьяков умудрился сорвать листик какой-то травы и весь день ходил с рукой, покрытой волдырями, словно ошпаренной кипятком. А сегодня утром Кат чуть было не съел ядовитый плод.

Привал устроили прямо на берегу ручья. Пока Ракитин делал записи в дневнике, Синь обошел поляну и подозвал Лока.

— Дамти Витя, Синь говорит, что если нужно, он показать, как ловить рыбу ядовитым травой, — сказал Лок.

— Конечно, интересно, — восторженно воскликнул Ракитин. — И даже очень нужно. Ему не раз встречалось упоминание об этом оригинальном способе рыбной ловли в книгах путешественников по тропическим странам. Конечно, жители джунглей разных континентов пользовались различными растениями. Южноамериканские индейцы — соком кустарника ассаку, побегами многих видов лиан, называемых тимбо, лианой лонхокарпус, корнями дерева брабаскр.

Жители южного Вьетнама — моногары, кожурой корней растения кро. Племена, населяющие тихоокеанские архипелаги, плодами баррингтонии.

Ракитин даже представил себе картинку из какой-то книги, изображавшую ярко-розовые пушистые цветки-кисточки баррингтонии и ее удлиненные, похожие на перевернутую головку крупного мака плоды. Но все эти растения имели одно общее — в их соках содержались особые растительные яды: ротеноны и ротеконды.

Эти яды, безвредные для человека, губительно действуют на рыбу. Они вызывают сильный спазм капилляров, пронизывающих жабры. Кислород перестает поступать из воды в организм, и рыбы, задыхаясь, мечутся, выпрыгивают из воды и, наконец, всплывают на поверхность.

Но пока Ракитин все еще не мог понять, что собирается предпринять Синь. Ведь не станет же он бросать ядовитые растения прямо в поток! Это полнейшая бессмыслица. Сколько ни бросай — вода все унесет прочь. А для успешной ловли надо, чтобы концентрация яда достигла нужной кондиции.

Впрочем, сомнения скоро рассеялись. Синь прошелся по течению ручья и, выбрав самое узкое место, позвал Ката. Вместе с ним они столкнули в воду громадную корягу и стали быстро сгребать к ней гальку, покрывавшую дно и берега потока. Вода, встретив неожиданно возникшее препятствие, заворчала, забурлила, запенилась, унося с собой часть камней.

— Хлопцы, сюда! — крикнул Ракитин. — Даешь стране плотину!

Он сбросил на землю куртку, закатал штаны до колен и, ухватив лежавшую поблизости мохнатую лесину, поволок ее к ручью. Строительного материала было во- " * круг в достатке: галька, обломки породы, стволы, крупные ветки, коряги.

Правда, поначалу казалось, что усилия тратятся зря: вода весело проскальзывала в бесчисленные щели и дыры плотины. Но постепенно стало заметно, что уровень ее в запруде поднялся и у плотины образовалось небольшое озерцо, затопившее берега. В его прозрачной воде носились, не подозревая об уготованной им участи, десятки серебристых, размером с крупную кильку, рыбешек.

Синь взглядом знатока осмотрел запруду, одобрительно похлопал Дана как главного строителя по плечу

и направился к густым зарослям невысокого кустарника с продолговатыми, заостренными на концах листьями: по 10–12 штук на стебле. Вытащив мачете, он принялся рубить ветви. Все последовали его примеру.

Когда на поляне образовалась внушительная груда ветвей и листьев ша-ньяна, так называлось растение, Синь положил охапку ветвей на плоский камень и, взяв бамбуковую палку, принялся молотить ею, превращая листья и побеги в буро-зеленую, перемешанную с липким беловатым соком бесформенную массу. Остальные тоже вооружились бамбуковыми вальками, и поляна наполнилась звонким перестуком.

В воздухе запахло чем-то сладко-удушливым. От этого запаха першило в горле, кружилась голова. Видимо, яды действовали не только на рыб... Когда весь заготовленный ша-ньян был измочален на совесть, его, охапку за охапкой, стали швырять в запруду. Прозрачная вода быстро помутнела, приобретая грязно-зеленую окраску.

Через несколько минут на поверхность, брюхом вверх, всплыли «уснувшие» рыбки: одна, другая, третья. Синь присел на корточки под деревом и закурил свою неизменную трубочку. Всего оказалось десятка три довольно толстых, жирных рыбок.

— А кастрюли-то у нас нет, чтобы уху сварить, — с сожалением протянул Дьяков. — И засолить их тоже нечем. Мне даже в голову не пришло, что надо захватить с собой соль!

— Да, пожалуй, до вечера рыба не сохранится, — согласился Ракитин. — А жаль. Уж больно аппетитна на вид...

Но оказалось, что они все трое поторопились с выводами. По указанию Синя, Тый с Даном присели у ручья и бойко принялись потрошить улов. Хунг натаскал десятка полтора круглых голышей и положил их прямо в костер. Синь, тем временем ловко орудуя ножом, вырыл неглубокую ямку в земле, выстелил ее большим куском полиэтилена из запасов Хунга и до половины наполнил водой.

Рыбу, одну за одной, опустили в эту оригинальную «кастрюлю», и тогда Синь с помощью рогулины стал поочередно бросать в воду раскаленные на огне камни. Над «кастрюлей» с шипением поднимались клубы пара, и вскоре вода закипела. Надо было только не зевать и перекладывать камни из костра в кастрюлю и обратно.

Время от времени Синь тыкал в рыбу бамбуковой палочкой, заменявшей вилку, проверяя готовность. Наконец он поцокал языком и объявил, что рыба сварилась. Каждому досталось по три-четыре рыбки, которые оказались неплохим дополнением к скудноватому аварийному рациону.

Когда последняя рыбья голова была обглодана и Дьяков во всеуслышание заявил, что вкуснее этой рыбы ничего не едал, Синь притащил на закуску целый подол бледно-зеленых плодов, похожих на вытянутую у самого кончика сливу трехгранной формы, называвшихся «куэо». Правда, их кисло-сладкая мякоть пришлась не по вкусу Дану и Дьякову, но зато остальные потребовали добавки, благо, за ней не надо было далеко ходить.

Дерево «куэо» имело довольно своеобразный вид. Его непропорционально-тонкий ствол, словно палка, торчал из-под пышной шапки ветвей, покрытых ярко-зелеными, точно лакированными, листьями с удлинением на конце.

— Лок, спроси, пожалуйста, у Синя, знает ли он еще какие-нибудь растения, содержащие рыбный яд.

Словно поняв заданный вопрос без всякого перевода, Синь повел Ракитина за собой вдоль берега ручья.

— Кей-кой, — сказал он, показав на высокий, похожий на бузину куст, отличавшийся от последней розоватым оттенком стеблей и более мелкими ланцетовидными листиками.

Сделав еще несколько шагов, Синь склонился над растением с красноватыми стеблями и шершавыми удлинненными листьями, которое называлось нген-рам. А вот тот маленький кустик — с очень зелеными листьями — шак-ще. "Когда пойдем дальше в лес, я обязательно показать"... — перевел подошедший Лок.

Рядом он обнаружил еще одно растение, называвшееся шакще, похожее на небольшой, словно завитой кустик. "Дальше в лесу будем показать, очень ядовитый плоды тхан-мат. Они совсем похожи на стручок фасоли, только маленький, кривой и внутри черный, черный зерно"... Образец каждого из ядовитых растений аккуратно срезали, бережно заворачивали в фильтровальную бумагу и укладывали в специальную папку, которую всюду таскал за собой Хунг. Шалеев записал, где, когда было сорвано растение, и сфотографировал в фас и в Профиль. (После окончания экспедиции все экспонаты будут доставлены в Ханойский сельскохозяйственный институт, где специалисты определяют их родовую принадлежность и

лагинскую фамилию, ежели она известна. Впоследствии оказалось, что некоторые дикорастущие съедобные растения были неизвестны даже опытным ханойским ботаникам.)

Дневная программа была выполнена, и можно было возвращаться, тем более, что светлого времени оставалось мало, а до лагеря — не меньше десяти километров.

Синь тщательно залил костер водой, потом собрал пустые баночки из-под консервов и пластиковые мешочки от галет — в крестьянском хозяйстве все сгодится — и, нахлобучив кепчонку, пошел вперед, указывая дорогу. У Ракитина порвался шнурок, и, пока он связывал его, отряд, вытянувшись в цепочку, уже подошел к чаще леса.

Сейчас они- все выглядели как бывалые путешественники — в выцветших на солнце рубашках с разводами высохшего пота, с тяжелыми, набитыми экспонатами рюкзаками за спиной, сдвинутыми на затылок тропическими шлемами.

Ракитину подумалось: давно ли пресловутый пробковый шлем был символом колонизаторов, захватчиков азиатских и африканских земель? А сейчас, пожалуй, не встретишь вьетнамца без традиционного тропического шлема, обтянутого светло-кофейной водоотталкивающей тканью, с широкими, чуть покатыми, полями, обклеенными изнутри цветной байкой, с пупочкой-вентилятором на макушке и четыремя дырочками по бокам.

...Ракитину удалось побывать на фабрике, где делают эти "пробковые шлемы". Правда, вместо пробки использовали там корень дерева «за». Тысячи его искривленных коряг плавали в небольшом живописном озере, на берегу которого расположились домики фабрики. Здесь корни вымачиваются, освобождаясь от соли (дерево растет в морской воде вдоль побережья). Затем их долго сушат на солнце, и они, избавившись от влаги, белеют и становятся легкими, как пробка.

Тогда за них берется резчик. Он работает сидя, вытянув правую ногу и используя левую в качестве рычага. Уперев корень в выемку доски, лежащей перед ним, мастер прикладывает нож-резак, похожий на пилу, заключенную в раму, и с силой продвигает вперед. Раз — тоненькая, роено в один миллиметр стружка завивается и колечко и падает на землю.

Неподалеку, за низеньким длинным столиком, сидят рядом несколько женщин в окружении выточенных по форме человеческой головы деревянных болванок, покрытых тканью. Мастерицы ловкими движениями примеряют стружку, укорачивают до нужных размеров и, смазав резиновым клеем, накладывают на болванку слой за слоем: четыре — на поля шлема, два на головную часть. Десятки бело-коричневых болванок дожидаются своей очереди на полу. За следующим столом поверх слоя стружки наклеивают тонкую сетку, а затем — водонепроницаемую ткань.

В другом цеху, где изготавливали обувь, Ракитину показали оригинальную машину, штамповавшую рисунок на подошве «вьетнамок». Ее сделали еще во времена борьбы с французскими колонизаторами. Двигатель извлекли из трофейного танка, а на изготовление вальков пошли стволы трофейных пушек. Вот уже воистину "перековали мечи на орала"!..

Зашнуровав кеды, Ракитин бросился догонять отряд, хвост которого уже исчез за деревьями.

Урок ботаники

Всю ночь лил дождь. Потоки воды низвергались с небес, обрушиваясь на парусину, прогибавшуюся под их напором. Ракитин ворочался с боку на бок, тревожно прислушиваясь к угрожающему гудению водяных струй, каждую минуту ожидая, что они ворвутся в палатку.

Только под утро все стихло так же внезапно, как и началось. Ракитин было задремал, но вдруг раздалось пронзительно громкое кукареку. Это петух, привезенный Фаном из Ханоя,

приветствовал приближающееся утро. Ракитин беззлобно выругался, пожелав неугомонной птице как можно скорее отправиться в предназначенный ей суп, закрыл глаза и мигом уснул.

Его разбудил вкрадчивый голос Лока: "Дамти Витя, пора вставать. Скоро придет Синь показать дикие растения, которые можно кушать."

К девяти часам, как обычно, вес были в полной готовности и гуськом двинулись за охотником. Стоило только пересечь границу поляны, как джунгли обступили со всех сторон. Бесчисленные лианы коричневыми змеями переползали с дерева на дерево, свисали в кольца, свисали с ветвей, образуя непроходимые занавеси, обвивали тугими спиралями стволы деревьев. Иногда объятия были так тесны, что на светлой их коре оставались глубокие шрамы-борозды.

И все вокруг — стволы, ветви — было как ковром укрыто эпифитами-папоротниками, плаунами, орхидеями всевозможных видов и форм. Их было бесконечное множество, этих растений, возникших и развившихся в борьбе за свет. Но именно они объединяли тропический лес в единое целое, в связанный между собой единый зеленый массив, в котором как бы стирались грани между различными формами. Впрочем, и формам этим было несть числа. Только лишь в лесах одной Бирмы советскому ботанику 10. И. Колесниченко удалось насчитать более тридцати тысяч растений. В лесах Юго-Восточной Азии лишь цветковых встречается более 25 тысяч видов.

Район джунглей, в котором оказался Ракитин, имел все важнейшие отличительные черты вторичного влажного тропического леса, или гилей.

Первый, нижний, ярус был представлен густым, местами непроходимым подлеском. Здесь переплелись ветвями кустарники, похожие на травы, и травы, напоминавшие по виду кустарники. Толпились, зеленея огромными листьями, дикие бананы. Тянулись ввысь, примкнув к плечу плечом, коленчатые стволы вездесущего бамбука. Древовидные папоротники разметали свои узорчатые листья огромными покрывалами всех оттенков зеленого цвета.

Второй ярус составляли многочисленные пальмы: панданусы, с узловатым стволом и пучком длинных кожистых листьев; тонкоствольные стройные арековыс, увешанные крупными орехами с зеленоватыми перистыми опахалами на верхушке; хамеропсы, с жесткими растопыренными листьями — веерами и лохматыми, словно обернутыми в войлок, стволами, из которых черными крюками торчали черешки отмерших листьев.

Повсюду встречались гибкие, достигавшие нескольких сот метров стебли ротанга, оснащенные кривыми твердыми, как железо, колючками. С их помощью эта пальма-лиана умудряется взбираться на головокружительную высоту.

Третий ярус образовывали двадцати-тридцати метровые деревья с толстыми стволами, гладкими, словно полированными, и шершавыми, бугристыми — Представители различных видов миртовых, лавровых, бобовых, среди них Ракитин узнал красавицу магнолито, с большими, лишенными запаха цветами, словно вылепленными из белого воска, и знаменитое железное дерево, с мощным стволом и непропорционально мелкими изящными листочками, которое славится твердостью своей древесины, не тонущей в воде.

Иногда среди чащи возникали могучие, с узловатыми, шершавыми стволами артокарпусы, известные под названием хлебного дерева. Его плоды, зеленые, желтые, оранжевые, похожие на шары различных размеров — от теннисного мяча до головы человека, — покрытые крупными зернами-пупырышками, словно лепились прямо на стволе и крупных ветвях.

Был в этом лесу и четвертый ярус. Хотя, может быть, ярусом его и нельзя назвать. Это отдельные деревья-гиганты, величественные сейбы с гладкими, лишенными ветвей

стволами, которые уходили вверх светло-серыми колоннами на высоту пятьдесят-шестьдесят метров. Они отстояли далеко друг от друга, возвышаясь над вечнозеленым растительным океаном, свысока оглядывая своих малорослых собратьев.

Природа позаботилась об их устойчивости, наградив надежными подпорками в виде десятка огромных доско-ридных придаточных корней. Они начинались на высоте полутора-двух метров и, опускаясь книзу, постепенно расширялись, образуя настоящие контрфорсы.

На пути часто возникали двух-трехметровые арки из причудливо переплетенных ходульных корней, от которых вверх уходил мощный ствол дерева. То и дело тропу перегораживали похожие на шершавые доски, поставленные на ребро, выросты на корнях, расходившихся в разные стороны, словно щупальца спрута.

Синь медленно продвигался вперед, раздвигая ножом нависавшие со всех сторон растения. Вдруг он отпрянул, едва не сбив с ног, шедшего за ним Дана. Метрах в двух, медленно покачиваясь из стороны в сторону, поднимала голову крупная кобра.

Темно-коричневая, с голубоватым отливом, она раздула капюшон, на котором отчетливо был виден, рисунок очков, окаймленных двумя черными линиями. Ее грязно-белого цвета брюхо имело несколько темных поперечных полос. Тонкий раздвоенный язык то появлялся изо рта, то исчезал, словно вылизывая воздух.

Хунг сорвал с плеча карабин, но Синь издал какое-то гортанное восклицание, и ствол карабина опустился. Кобра не проявляла агрессивных намерений. Голова ее, напоминавшая большую ладонь, державшуюся горизонтально, вдруг стала опускаться, и змея поползла в сторону от тропы, извиваясь толстым, мускулистым телом. Вот в траве мелькнул кончик ее хвоста, и она исчезла.

Встреча с коброй произвела на всех столь яркое впечатление, что эдакая удадь, появившаяся у многих в последние дни, мгновенно испарилась. Все снова стали внимательно смотреть по сторонам, дабы вовремя предупредить следующую такую встречу.

Прошли еще с полсотни метров, когда Синь остановился и, сказав «монг-нгья», присел на корточки возле невысокого, с тоненьким стволиком и продолговатыми, заостренными листьями, неказистого на вид деревца.

Впрочем, расцветка его была несколько необычной. Светло-серая окраска гладкого, лакированного ствола с верхней его половине переходила в ярко-зеленую с черными, словно прочерченными тушью, вертикальными полосами. Листья по краям тоже были обведены траурной каймой.

Но когда Синь очистил ножом землю у подножия дерева, там оказалось с пяток крупных, вероятно, граммов по триста-четырееста, похожих на сахарную свеклу бугристых клубней.

— Да тут целый обед можно приготовить! — воскликнул Дьяков, рассматривая находку.

— Монг-нгья по-русски значит копыто лошади, — сказал Лок.

И правда, эти, казавшиеся сначала бесформенными, клубни напоминали по форме лошадиное копыто.

— Только кушать его сразу нельзя. Сырое монг-нгья очень ядовитое, как маниок. Его сначала надо хорошо очистить от шкура, налить много воды и ждать 5–6 часов. Когда весь яд уйдет в вода, ее надо вылить и залить новый вода. Потом два часа кипит, и тогда можно кушать без опасности. Очень похоже на батат. Это как ваша русская картошка, только немножко сладкий.

— Я, правда, сам никогда не ел, — честно признался Лок. — Но Синь говорит, что очень вкусно.

Шалеев сфотографировал растение, аккуратно, чтобы не повредить шкуру, выкопал два небольших клубня, срезал веточку с листьями и упрятал трофеи в рюкзак.

Еще не успели покончить с этим "даром природы" как Синь нашел следующий и не менее экзотический. Он раздвинул ветви дерева, свисавшие над тропой, и потянул за ствол лиану с крупными, словно вырезанными из плотной бумаги, трехпалыми листьями.

— Дай-хай, — коротко сказал он.

— Хай будет дай-хай, — сострил Шалеев. — Вот только не пойму, что здесь съедобное? Чи кора, чи листья? Ух ты, какая дуля, — смущенно сказал он, увидев в руках у Синя большой коричнево-зеленый шар, похожий на яблоко.

— Что ж, его так прямо и есть можно? — поинтересовался Дьяков.

— Сырым нельзя, — сказал Лок. — Надо обязательно варить или жарить. И косточки, — он показал на пять крупных косточек-бобов, — тоже можно жарить. Они вкусные, как каштаны.

Но самым удивительным оказалось, — правда, об этом Ракитин узнал только после возвращения в Ханой, — что плод дай-хай содержит более 60 процентов жира.

Несколько минут спустя Синь отыскал в чаще еще одну лиану, называющуюся зэй-пау, со съедобными плодами, напоминавшими большую темно-коричневую, ноздреватую картофелину. Мякоть у нее была желтоватого цвета и издавала неприятный запах сырости. Плод казался явно несъедобным. Но Синь уверил, что если его отварить или пожарить, то будет не хуже маниока или батата.

Полдень уже наступил, а в лесу было так же сыро и сумрачно. Впрочем, никто и не думал об отдыхе. Все так увлеклись поисками новых растений, что позабыли о голоде. Но знания Синя казались неисчерпаемыми.

То он, раздвинув кусты, обнаруживал среди них папоротник рау-зон, имевший длинные, вполне съедобные корни. То расхваливал замечательные свойства листьев травы дан-фьен, покрытых с обеих сторон серым пушком, которыми можно лечить типун и стоматит.

А до чего же было интересно растение той, или ланг-рын, которым пользуются при лечении переломов костей! Его мясистые, кинжалообразные, напоминавшие агаву листья образовали своеобразную чашу, из которой выглядывал толстый стебель. На его конце ярко лиловел огромный цветок, с причудливо свисавшими многочисленными длинными тонкими лепестками. Это вьетнамский чай: че-рынг.

Ракитин сорвал несколько светло-зеленых бархатистых листиков с тонкими прожилками. Они напомнили ему маленький крестьянский домик у дороги, километрах в ста от Ханоя, где они остановились передохнуть.

Хозяин, пожилой, небольшого роста степенный крестьянин, оказался бывшим солдатом-ополченцем, участником знаменитого сражения у Дьен-Бьен-Фу, в котором бойцы Народной армии наголову разгромили французский экспедиционный корпус.

Узнав, что Ракитин и Дьяков льенсо — советские, он усадил их на самое почетное место. Вскоре на столике появился большой фарфоровый чайник. Отхлебывая из чашечки обжигающий светло-зеленый напиток, Ракитин с любопытством осматривал скромное убранство крестьянского дома. И вдруг даже поперхнулся от неожиданности: со стены на него смотрел улыбающийся Юрий Гагарин. Откуда попала в эту хижину страница иллюстрированного журнала? Знает ли хозяин, кто этот жизнерадостный, улыбающийся человек в военной форме?

— О, это большой летчик льенсо. Он летал к звездам на ракете, — сказал хозяин и, помолчав, добавил: — Наши летчики тоже очень храбрые. Когда-нибудь они тоже полетят далеко-далеко в небо...

Ракитин оторвался от воспоминаний и, оглядев окружившие его усталые потные лица, понял, что пора отдыхать.

— Привал, — скомандовал он и первым принялся расшнуровывать отяжелевшие от сырости кеды.

Шалеев, Хунг и Кат мигом натаскали целую грудку валежника. Дьяков, не пожалев блокнота, вырвал страничку и достал было спички. Но Синь удержал его за руку, показав жестом, чтобы тот подождал и не разжигал костер. Игорь с недоумением уставился на охотника. Но все быстро объяснилось.

— Синь хочет показывать, как получать огонь в лесу, когда нет спички, — сказал Лок.

Все сгрудились вокруг, с интересом следя за действиями охотника. Синь расколол кусок сухого бамбука на несколько планок. Выбрав самую длинную и заострив на конце, он обушком мачете на треть загнал ее вертикально в землю. Затем, оглядев близстоящие деревья, сорвал большой пучок пересохшего мха и скатал из него несколько шариков, которые, по-видимому, должны были служить трутом.

Выбрав четыре полукруглых планки сантиметров по 45–50, он сложил их попарно выпуклой стороной наружу, предварительно положив между ними мховые ша-рмки, и сделал посредине поперечные насечки.

Когда все приготовления были закончены, Синь позвал здоровяка Тья и показал ему, что надо делать дальше. Тый прижал обе пары планок к вертикальному стержню, который Синь сверху придерживал рукой, и стал сначала медленно, а затем все быстрее и быстрее двигать их вверх-вниз.

— Еще быстрее, — подгонял его Синь. И Тый старался, как мог. На лбу у него от усердия появились капли пота. Но вот, минуты через четыре, в воздухе потянуло паленым, а затем между планками дробилась робкая струйка дыма.

— Давай, Тый, давай! — подбадривали его все хором, сразу на двух языках.

Дым повалил сильнее. Стоп — поднял руку Синь. С величайшей осторожностью, чтобы не погубить зародившийся огонь, он перенес тлеющие шарики на заранее приготовленную кучку сухих веточек и волокон мха, а затем, согнувшись в три погибели, принялся раздувать искорки. Из шарика высунулся крохотный оранжевый язычок. Вспыхнула веточка. За ней другая. И вскоре на поляне уже потрескивал костерок.

— Ур-ра! Аи да Синь! Аи да чудодей! — воскликнул Шалеев, не в силах сдержать восторга.

Все расселись кружочком вокруг костра, развесив на рогульках отсыревшие носки, взмокшую от пота одежду. На свет извлекли баночки с консервами, галеты, кусочки шоколада — в общем, все, что входило в аварийный пищевой рацион, который каждый получил перед выходом.

— Надо бы и Синя попотчевать всем этим, — сказал Ракитин. — Достань-ка, Саша, из сумки запасной.

Но Синь от угощения отказался, как его ни уговаривали. Пока накрывали на «стол», он приволок толстое, сантиметров тридцать в диаметре, колено бамбука, аккуратно срубил с одного конца и, немного отступив от края, прорезал два отверстия — одно против другого для палочки-держалки.

Сорвав несколько широких листьев «зям», он свернул один из них кулечком, блестящей стороной наружу, и осторожно, чтобы не порвать, затолкал его в бамбуковое колено. Затем достал из сумки мешочек с рисом и, отмерив горсть, засыпал в «кастрюлю», заполнил ее на две трети водой и, заткнув отверстие туго свернутым листом, поставил на огонь.

В ожидании, пока обед сварится, Синь закурил трубку, время от времени поворачивая «кастрюлю» то одним боком, то другим, чтобы рис не пригорел. Вскоре послышалось веселое бульканье, из-под пробки выбилась струя пара, а еще минут через двадцать рис был

готов. Пересыпав его на лист банана и посолив, Синь вооружился палочками и стал с аппетитом уписывать свой скромный обед.

Ракитин допил кружку зеленоватого отвара из листьев черынга и, подложив под голову тропический шлем, лег на спину.

Джунгли окружали поляну густой зеленой стеной. Со ствола на ствол перекидывались коричневыми канатами толстые лианы. Бесчисленные эпифиты сплошь покрывали гладкие, без ветвей, стволы деревьев-гигантов. И все это жило, сверкало, переливалось. Яркие цветы, словно огоньки, просвечивали сквозь густую листву. Струился таинственный, кружащий голову аромат глициний. Кое-где на опушке торчали обломанные стволы дикого банана с растрепанными светло-зелеными листьями.

Над поляной порхали десятки бабочек различных размеров и раскраски. Медленно кружили несколько огромных красавиц с крыльями из черного панбархата, с причудливым рисунком посредине. На куст, покрытый красноватыми цветами без запаха, спланировали две бабочки с матово-черными крылышками, украшенными загадочным узором, точно повторяющим очертания крыла. Резвились в восходящих потоках воздуха едва видимые, полупрозрачные желтовато-голубые малышки. Над Ракитиным, словно в танце, порхали три бабочки с темно-коричневыми крылышками, усеянными белыми точками.

Особенно много было маленьких, ослепительно желтых, блестящих на солнце, словно кусочки золота, и светло-коричневых, похожих на сухие листики.

Ракитин сначала пожалел в душе, что не приобрел энтомологических познаний. Однако вскоре пришел к выводу, что это даже к лучшему. Иначе вместо того, чтобы любоваться красотой великолепных созданий природы, он бы занялся их классификацией. А то бы еще кинулся в погоню за ними.

Впрочем, одну крупную, сине-черную бабочку, присевшую рядом, он все же не удержался и накрыл шлемом. Но, подумав, что с собой нет эфира, а живую ее не в чем держать, решил отпустить пленницу. Он приподнял шлем, и бабочка, вспорхнув, полетела кругами к лесу.

Ракитин задремал. Его разбудил голос Дана, как всегда строго следившего за выполнением намеченной программы.

Чтобы сэкономить время, Синь решил попытаться пройти напрямую. Но уже через полкилометра перед ними непреодолимой преградой встали густые заросли бамбука.

Он рос колоссальными пучками, по сорок-пятьдесят метров в диаметре, и пробраться между стволами было нельзя даже с помощью ножа-мачете. Коленчатые, бледно-зеленые мачты вздымались на высоту 10–15 метров, раскинув тонкие ветви, украшенные продолговатыми листьями, поражавшими своим изяществом. У подножия гигантов зеленела молодая поросль.

В Ханое, в столовой, Ракитина с товарищами не раз угощали ростками бамбука, напоминая по вкусу капустную кочерыжку. Но там их подавали на тарелке неинтересными бело-зелеными ломтиками. Здесь же они выглядели по-другому.

Оказалось, что в пищу можно использовать только молодые ростки, длиной не более сорока сантиметров. Один из таких побегов и срезал Синь, а затем быстрым круговым движением надрезал его у основания. Многослойная, словно на початке кукурузы, оболочка отстала, обнаружив плотную беловатую массу.

Правда, так его есть было нельзя: он очень горчил. Обычно ростки бамбука тщательно вымачивают в воде в течение суток, чтобы удалить горечь, а затем варят. В общем-то, особенной питательной ценности свежие бамбуковые ростки не имеют: слишком много в них воды — почти 90 процентов. Соответственно и калорийность всего 12 килокалорий в ста

граммах. И все же это пища, а главное, пища, запасы которой в джунглях безграничны.

Молодой бамбук растет с быстротой до 50–60 сантиметров в сутки. И это его поразительное свойство человек умудрился использовать во вред себе подобным. Некогда в Древнем Китае существовала жестокая казнь. Приговоренного раздевали донага и, привязав к раме, помещали над ростками бамбука с заостренными верхушками. Побег устремлялись вверх, постепенно впиваясь в тело, проникали все глубже, пока не пронизывали человека насквозь.

Для жителей тропиков бамбук — величайший дар природы. Это растение-благодетель. Его толстые, прочные и необычайно легкие полые стволы служат сваями при строительстве домов, трубами для деревенского водопровода. Из них делают мосты и удочки, плоты и посуду, музыкальные инструменты и ведра, детские игрушки, разнообразную мебель и бумагу высших сортов.

Канаты из крученых бамбуковых волокон не уступают в прочности прославленным пеньковым. Круглый стебель бамбука расщепляют на длинные, плоские ленты, из которых можно делать корзины, заплетать стены и заборы, мастерить рыболовные верши, и легкие плетеные лодки. Чтобы облегчить разделку бамбуковых стволов на планки, их рядками укладывают на дороге, по которой ходят автомобили. Ракитин не раз удивлялся, слыша, как хрустит под шинами автомобиля сухой бамбук.

Специалисты различают женский и мужской бамбук. Женский не очень прочен и используется больше в быту для изготовления посуды, мелких поделок, бумаги. Зато прочные цилиндры мужского це-хоа, содержащие большое количество кремнезема, выдерживают большие нагрузки при изгибании и сжатии и являются идеальным строительным материалом.

Сегодня насчитывают около тысячи «профессий» бамбука, 600 видов которого населяют тропики всех континентов. Но одну из них Ракитин узнал во время очередного похода.

...День выдался особенно жарким. В насыщенном влагой воздухе пот не желал испаряться и стекал ручьями по лицу, заливая глаза. Пот, который всегда служит ГЛЭРНЫМ спасителем организма от перегрева, отнимая у него при испарении одного грамма 584 калории тепла, здесь, в условиях тропического леса, оказывался бесполезным. Маленькие махровые полотенца, которые каждый, по совету доктора Хунга, захватил с собой, давно насквозь промокли. Всех мучила жажда, и вода во флягах исчезала с катастрофической быстротой.

Впрочем, вокруг было немало луж, ручейков, болотцев, покрытых ряской. Но никто из путешественников не решился бы воспользоваться этим, весьма сомнительным даром: все достаточно хорошо знали, чем грозит в джунглях питье некипяченой воды! Ведь водоемы тропического леса почти повсеместно заражены возбудителями желудочно-кишечных заболеваний и личинками всевозможных гельминтов. Некоторые из них могли вызвать тяжелейшие болезни.

Ракитин хотел было устроить привал, но, глядя, как бодро вышагивает Синь, не решился. Идти становилось все труднее. Ноги по щиколотку увязали в сырой, вязкой почве. Дорогу то и дело преграждали стволы упавших деревьев, дисковидные корни. Кустарники, как живые, хватили за одежду своими колючками.

— Петрович, может, остановимся, передохнем, вскипятим водички? Пить хочется — мочи нет, — взмолился Игорь Дьяков. — Вон, благо, и ручеек шумит.

Тропа нырнула в кустарник и уткнулась в огромный завал из беспорядочно лежавших деревьев — видимо, жертв давнего тайфуна. Стволы, уже тронутые гниением, покрывали густым, пестрым ковром мхи и лишайники. Казалось, дальше пути не было.

Синь осмотрел завал со всех сторон, пошуровал палочкой, раздвигая траву, остановился,

словно приносиваясь, и решительно направился, забирая влево.

Интуиция его и на этот раз не подвела. Минут через 20 маленький отряд оказался в неглубоком овраге с крутыми склонами, густо поросшими бамбуком. Синь сделал несколько шагов вверх по склону, ухватился за толстый бамбуковый ствол и, приблизив ухо, резко встряхнул.

Видно, что-то не понравилось ему, так как он проделал ту же операцию со вторым, с третьим... Только встряхнув четвертый, он достал из ножен свой мачете и несколькими сильными, точными ударами отрубил двухметровый кусок.

— Чегой-то он ищет? — удивленно спросил Шалеев. — Может, клад какой?

Но то, что нашел Синь в стволе бамбука, было гораздо дороже, чем клад. Он вырубил в одном из колен отверстие, и оттуда на землю полилась вода. Синь протянул колено Ракитину, и тот сделал несколько глотков. Вода была прозрачной, прохладной, приятной на вкус, и лишь немного чувствовался растительный привкус. Ракитин передал «чашу» нетерпеливо ожидавшему Игорю, и тот припал к ней.

Синь срубил еще несколько стволов, содержащих воду, пока все не напились.

В каждом колене содержалось примерно 400–500 граммов воды, которую можно было пить без страха заполучить какую-нибудь тропическую хворь. Это, кстати, подтвердил анализ бамбуковой воды, пробу которой Дьяков, соблюдая все правила предосторожности, перелил в специально стерилизованную бутылку.

— Пойдем-ка теперь сами поищем водяной бамбук, — сказал Ракитин, махнув рукой Хунгу.

Первый же ствол, который встряхнул Ракитин, ответил ему звучным плеском. Значит, в нем содержалась вода. Продолжили осмотр. Стволы бамбука, содержащие воду, имели несколько отличную от остальных блекло-желтую окраску и, кроме того, почти все росли под углом 30–45 градусов к земле.

Тропа пошла под уклон. Она то обегала поваленный ствол, то исчезала под ворохом опавшей листвы, то скрывалась в густой траве, с острыми, как бритва, краями. Но Синь отыскивал ее снова по каким-то, лишь одному ему ведомым приметам.

Ракитин пытался было сориентироваться без помощи компаса, по природным признакам — более густой поросли мха на северной стороне древесных стволов, обломкам скал, более грубой коре. Но вскоре оставил это бесполезное занятие. Все здесь переплелось, перепуталось: ветви, листья, лианы, папоротники. Где уж там разобраться, с какой стороны покров гуще...

Лианы коричнево-зелеными змеями переползали с дерева на дерево. Отовсюду свисали гирлянды цветов, мохнатые пряди голубоватого густого мха, словно бороды застрявшей между ветвей компании Черноморов. В воздухе разливался аромат. Станный, совершенно незнакомый, кружащий голову. Он смешивался с запахом прели, сырости, и казалось, что порой не хватает воздуха. Хотелось сделать глубокий вдох, наполнив легкие живительным кислородом.

Впрочем, это ощущение, наверное, не было случайным. Ведь в тропическом лесу, в результате гниения огромных масс опавшей листвы, ветвей, побегов (голландский ботаник Де Хуре, например, подсчитал, что на территории первичных джунглей в Конго почти 55 тонн из 150–200 тонн стоящего леса возвращается обратно в почву в виде отмершей древесины ветвей и листьев), содержание углекислого газа возрастает до 0,3–0,4 процента, то есть превышая его содержание в обычном атмосферном воздухе почти в 10 раз.

Встречаясь с рассказами об этом явлении в книгах, Ракитин относился к ним с некоторым сомнением. Но сейчас был полностью согласен с французским исследователем

Амазонии Ришаром Шапелем, который писал: "Под кронами деревьев не хватает кислорода, нарастает удушье. Меня предупреждали об этой опасности, но одно дело — представлять, а другое дело — ощущать".

"Пожалуй, сейчас самое время позаниматься языком", — решил Ракитин и, достав блокнот и карандаш, пошел рядом с Л оком, на ходу записывая новые слова: зей — лиана, кей — дерево, рау — овощ, ку — клубень, ре — корень, ло — рис, шан — маниок.

— Теперь я тоже все понимаю, — сказал Ракитин, шутливо подражая вольной манере Лока обращения с глаголами. — Значит, куа-шо — это плод дерева шо, а зей-гам — лиана гам.

— Очень правильно. А как по-вьетнамски вода?

— Ньюк.

— А хлеб?

— Зань мий,

— А банан?

— Туэй.

— Дамти Витя, ты делаешь большие успехи. Ты есть очень способный ученик, — похвалил Лок.

Они не заметили, как миновали пригорок и выбрались к ручью с каменистым дном, которое, как тут же заметил Синь, можно использовать вместо дороги в джунглях.

— Гляди, Петрович, — воскликнул Шалеев, — какое дерево интересное: словно его в леопардовую шкуру завернули!

Действительно, на полянке у ручья стояло высокое, раскидистое дерево, с гладким коричневатым стволом, испещренным крупными бурыми пятнами. У его подножия валялось десятка два плодов, напоминавших крупную айву. Многие были поклеваны птицами, что свидетельствовало об их съедобности.

Правда, они оказались кисловатыми на вкус и немного вязали рот, но при отсутствии другой пищи могли бы сослужить добрую службу. И Дьяков не преминул уложить парочку дйв в свою необъятную сумку вместе со стопкой глянцевиных плотных листьев.

Перегруженные экспонатами и знаниями, все медленно брели по каменистому дну ручья. Но у самого лагеря Синь снова задержался у деревца с коротким названием шим. У него были оригинальные продолговатые листья. Ярко-зеленые, «скользкие» — с лица, и темно-белые, будто бархатные, — с изнанки. Синь посетовал, что не может угостить их мясистыми и сладкими, как манго, фиолетовыми плодами. Увы, они опали еще в июне.

— Дамти Синь, а это что за дерево? — спросил Хуанг.

Между мелких глянцевиных листочков висели плоды, похожие на зеленый болгарский перец, только с пятью гранями. Они истекали соком и, несмотря на кисло-сладкий вкус, оказались вполне съедобными. Разрезанные поперек, образовывали правильной формы пятиконечную звездочку. Дерево называлось куа-хе.

Пока Ракитин и Шалеев занимались очередным сбором плодов, пополнивших ботаническую коллекцию, которая разрасталась с фантастической быстротой, Синь уже объяснял удивительные особенности росшего по соседству невысокого, стройного, прямо-таки изящного дерева кэй-нью.

В отличие от многих своих собратьев, кора у него была шероховатой и почти белой. Среди темно-зеленой листвы, плотной, глянцевиной, как у олеандра, словно бусины, адели круглые мелкие ягоды.

Но главная его достопримечательность заключалась в другом. Синь сделал на стволе зарубку, и из нее выступила крупная молочно-белая капля: густая, вязкая, словно латекс гевеи, знаменитой прародительницы каучука. Правда, получают ли каучук из сока «кэй-нью», Синь

не знал, но зато он весьма успешно использовал его для другой цели. Он намазывал им ветви плодовых деревьев, на которые часто садились птицы. Через некоторое время сок загустевал, превращаясь в настоящую липучку. Если неосторожная птица ступала на нее лапкой, она намертво приклеивалась, служа наглядным подтверждением старинной поговорки "коготок увяз — всей птичке пропасть".

Было почти шесть часов вечера, когда, усталые, проголодавшиеся, они буквально повалились на скамейки в столовой. А Фан уже суетился, расставляя тарелки, покрикивая на Са, который был выделен ему в помощники.

Фан постарался на славу, после закуски — густо наперченного салата из отваренного и мелко нарезанного цветка дикого банана с луком, заправленного уксусом, каждый получил по полной тарелке темно-коричневого духовитого супа из древесных крабов и порцию отварного маниока, похожего по вкусу на картофель. Десерт состоял из зеленых тонкошкурых плодов гуайявы, в личиной с голубиное яйцо. Они имели беловатую мякоть приятного кисловатого вкуса, напоминавшую чем-то боярышник.

Только доктор Минь отказался от сладкого.

— Не могу есть гуайяву, — сказал, он, отодвигая от себя тарелку с плодами. — Во время войны с французскими империалистами отряд, в котором я находился, попал в засаду. Стараясь оторваться от преследователей, мы потеряли все снаряжение, пищу, флягу и даже компас. А без него отыскать направление к своим долго не удавалось. Пять суток бродили мы по джунглям, питаясь одной гуайявой. Хорошо, что ее были целые заросли. Но с тех пор я ее видеть не могу, — заключил Минь.

Как обычно, по вечерам собирались на посиделки, у костра. Каждый приносил с собой кружку, а Фан обеспечивал крепким чаем — вьетнамским или, по желанию, ГРУЗИНСКИМ.

Уже совсем стемнело, когда в лагерь пришли гости. Один из них был старый знакомый — дамти Тот, с сыном, худеньким мальчуганом лет пятнадцати. Второй — небольшого роста, коренастый, с редкой седой бородкой и серебряным ежиком волос — бывший сержант народной армии Линь.

Они заняли место у костра, отведали по чашке чая, преподнесенного им как гостям в первую очередь, после чего Тот вытащил из холщовой сумки полуметровое колено бамбука, толщиной сантиметров 5–6.

К удивлению Ракитина, колено оказалось курительной трубкой. В нижней ее части была вставлена деревянная вороночка, сообщающаяся с полостью трубки. В нее набивался табак. Сам ствол служил чубуком. Трубка не имела мундштука. Его заменяло отверстие, вырезанное в перемычке.

Тот набил трубку табаком, приложил горящую веточку и стал сосредоточенно раскуривать, время от времени глубоко затягиваясь. Ракитин попросил «курнуть», предварительно шепотом осведомившись у Лока, не будет ли это нарушением этикета. Но, сделав пару затяжек, закашлялся. С непривычки оказалось не так-то) просто курить, высасывая дым из дырочки в верхней части ствола;

Линь не курил. Вместо трубки он достал из такой как у Тота, брезентовой сумки от французского противогаза стопку темно-зеленых, шелковистых, в форме сердечка, листьев, несколько бурых, похожих на сушеную грушу ломтиков и деревянную коробочку с белым порошком. Отделив от пачки листик, он положил в центр его ломтик, насыпал щепотку порошка и, аккуратно завернув, отправил в рот. Он неторопливо пережевывал приготовленное снадобье, время от времени длинно сплевывая темно-оранжевую слюну прямо в костер.

"Так это же бетель..." — подумал Ракитин. И не ошибся. Листики принадлежали лиане

бетельного перца ломтики оказались ядром орешка арековой пальмы, который сначала долго варили в воде, а затем, нарезав, еще дольше сушили на солнце. Белый же порошок — гашеной известью.

Никто не знает, когда зародился обычай жевать бетель. Говорят, он пришел с отрогов Гималайских гор, из племени нага. А сейчас бетель жуют во многих странах Востока. Одни считают, что он укрепляет силы, придает бодрость, обостряет мысли и чувства. Другие, наоборот, утверждают, что бетель успокаивает, притупляет душевную боль.

Ракитин не мог не отведать таинственного зелья. Правда, его толкала на это не страсть ученого, рвущегося к познанию, а обыкновенное любопытство. Линь охотно приготовил ему порцию жвачки.

Но не прошло и трех минут, как Ракитин испытал полное разочарование: во рту стало горько, противно, он наполнился вязкой слюной. Выбрав момент, когда Линь отвернулся, Ракитин быстро вытащил бетель изо рта и швырнул в костер.

— Дамти Витя, — сказал Лок. — Доктор Дан хочет рассказать интересный легенда про жевать бетель.

— Вот и отлично, — обрадовался сидевший рядом Шалеев. — Давай, Лок, переводи.

— Это было очень давно. Во времена императора Хуонга-Выонга Четвертого, — начал Дан. — У богатого мандарина Као росли два сына. Они были очень красивы и стройны, словно молодые побеги бамбука. Братья нежно любили друг друга и никогда не расставались.

Они были так похожи, как две капли воды, и никто не мог сказать, кто из них старший, а кто младший. Когда Тану исполнилось 18, а Лангу 17, родители умерли. Хозяйство совсем разорилось, и мальчики решили оставить отчий дом и пойти искать счастья по свету.

Они долго бродили по дорогам, переходя из города в город, пока наконец не оказались в Ханое. Здесь их повстречал старый учитель Лыонг. Он приютил братьев, проникшись к ним любовью. Но забота старого учителя не принесла им счастья. И причиной тому была его красавица дочь: они оба влюбились в Ань, и она отвечала им ответной любовью.

Но ведь замуж можно выйти только за одного. Долго девушка не могла решить, кому отдать руку, так как сердце ее принадлежало обоим. Наконец она придумала: пусть избранником ее станет старший брат. Но кто старший? И вот однажды, когда наступил час обеда, Ань положила на стол лишь одну пару палочек для еды. Только одну. И когда внесли блюдо с рисом, Ланг, как младший, передал их Тану.

Сыграли свадьбу. Ланг очень любил брата, но видеть каждый день ту, которая стала ему дороже жизни, было так тяжело, что однажды ночью, никому не сказав ни слова, он исчез из дома. Много дней бродил юноша по джунглям в великом горе, без пищи, и сжалились над ним боги, и превратили его в черную известковую скалу — "дау".

После исчезновения брата Тан потерял покой. И вот он оседлал коня, простился с молодой женой и отправился на поиски. Он пересекал реки и озера, пробирался сквозь дремучую чащу. И однажды тропа привела его к большой черной скале. Он всмотрелся в ее очертания и, задрожав, узнал облик брата. Его горе не знало предела, и он замер рядом, превратившись в стройную высокую арековую пальму "кау".

Долго ждала мужа Ань. Но вот сердцем почувствовала она, что случилось непоправимое. Тогда женщина покинула отчий дом и направилась на поиски пропавших братьев. И вот однажды среди джунглей увидела она черную скалу, а рядом — стройную пальму, что-то шептавшую веерами-листьями. Слезы хлынули из глаз Ань и зажурчали ручьем у подножия скалы. Она обвила руками ствол пальмы и обратилась к богам с мольбой. И вняли ей всемогущие боги и превратили ее в лиану «чау», с листьями, похожими на сердце.

Пролетели столетия. Однажды король этой страны охотился на тигров. Верный конь вынес его на большую поляну среди джунглей. И увидел король среди поляны черную скалу, что очертаниями своими напоминала человека. А возле нее, покачивая большими листьями веерами, стояла невиданная пальма. Ее тонкий стройный ствол, словно прижавшись в прощальном объятии, обвивала лиана, каждый лист которой был похож на сердце.

И удивился повелитель. И позвал мудрецов. И склонился в поклоне старейший из старых. И поведал историю, что случилась во времена Хуонга-Выонга Четвертого.

Надолго задумался молодой повелитель. А когда поднял свой взор, объятый печалью, то приказал сорвать орехи с пальмы, нарвать листьев с лианы, а камни от скалы растереть в порошок. И повелел он, чтобы каждый воин сложил воедино плод, лист, порошок и жевал их днем и ночью. Пусть этот новый обычай заставит людей всегда помнить о великой силе дружбы, верности и любви.

— Конец, — сказал Дан по-русски, протирая запотевшие очки. И, достав из кармана сигарету, закурил, пристально глядя на огонь лагерного костра.

Ночная охота

Синь появился под вечер в сопровождении худощавого улыбчивого юноши, которого звали Дай. Оба были вооружены старинными ружьями, заряжавшимися с дула. Через плечо у Синя висела вместительная сумка, скроенная из желтовато-коричневого меха.

Синь, видимо, потрудился над своей аркебузой. Ствол ее, начищенный песком, блестел под лучами догоравшего солнца. Вместо старого истертого ремня появился новый, сплетенный из волокон пальмы «ко». Синь был одет, как обычно, только на этот раз опустил рукава рубашки, а шорты заменил длинными брюками.

Но вместо привычной кепочки его голову украшало довольно странное устройство. Оно состояло из плетеной шапочки-сетки, к которой была прикреплена... коптилка — маленькая баночка, заполненная пальмовым маслом, в котором плавал фитилек. Оказалось, что это сооружение необходимо для освещения мушки ружья.

Пока шло обсуждение целесообразности столь хитроумного устройства, Синь вытащил из сумки мешочек с порохом, баночку с крупной дробью, пыжи и пистоны. Он не торопясь отмерил порцию пороха и, засыпав в ствол, тщательно забил пыжом. За ним последовал заряд дроби и еще один пыж. На куферку — выступ в казенной части ствола он осторожно насадил пистон и, любовно обтерев ствол рукавом, уселся на корточки дожидаясь, пока соберется в путь Ракитин.

Виктор Петрович готовился к ночной охоте весьма тщательно: вместо шорт надел длинные брюки, тщательно застегнул манжеты и воротник, натянул высокие резиновые сапоги и, в довершение всего, густо намазался от комаров репудином-репеллентом. Затем он присел на койку, подумал малость, после чего положил в карман еще одну запасную обойму, заменил все четыре батарейки в электрофонаре и, заткнув за пояс охотничий топорик, направился к ожидавшему его охотнику.

Синь оглядел Ракитина с головы до ног, вроде бы одобрительно покачал головой и что-то сказал Дану. Тот мигом достал из костра горящую веточку и поднес к фитилю коптилки. Вспыхнув, затрепетал желтый язычок пламени, и сетка, сплетенная из луба пальмы «ко», стала прозрачно-желтой, отчего над головой Синя возник золотистый нимб.

Они быстро углубились в чащу леса, и только огонек коптилки, словно крохотный маячок, желтовато-красной точкой светил в темноте.

"Ну совсем, как у Гоголя, в повести "Вечер накануне Ивана Купала", когда красный

цветок, словно огненный шарик посреди мрака, вел Опанаса по заколдованному лесу", — подумал Ракитин.

Синь шел быстрыми, упругими, совершенно бесшумными шагами. Лишь время от времени он останавливался, оборачивался и, убедившись, что спутник его не потерялся, двигался дальше.

Ночные джунгли были полны звуков самых неожиданных, странных, загадочных. Ракитин попытался сравнивать их с какими-нибудь уже знакомыми. Вот рассыпалась дробь кастаньет. К ней присоединились жалобные «фюить-фюить». То заскрипела несмазанная дверь, послышалось потрескивание, словно кто-то заводил пружину больших часов.

Со всех сторон неслись приглушенные гуканья, стоны, карканье. Ручьи распевали на разные голоса: одни таинственно, призывно журчали, другие тихо нашептывали, третьи весело звенели, постукивая камешками. Но главными музыкантами ночных джунглей были цикады. Они как бы создавали непрерывный звуковой фон.

Оркестр цикад исполнял свою звонкую ночную симфонию, как вдруг, словно повинувшись таинственной команде, они разом смолкли. Наступившая тишина была настолько неожиданной, что Ракитин остановился, ощутив даже какое-то внутреннее беспокойство. Но вот пиликнула цикада, другая, и со всех сторон тысячи этих маленьких оркестрантов затянули свое радостное "вз-вз-вз".

Автоматически в мозгу всплывали фразы из Брема.

Цикады... Семейство настоящих, или певчих цикад... Насчитывается около 1500 видов... Самая большая, помпония императория, что значит по-русски королевская, достигает в длину 6,5 сантиметра, а размахом крыльев 13,5 сантиметра и проживает в Индонезии. На ее брюшке имеются две пластинки-цимбалы, состоящие из трех перепонок. К наружной — тимпанальной — прикреплены с обеих сторон особые мышцы. Они заставляют вибрировать мембрану со скоростью, достигающей 600 колебаний в секунду. Звук возникает примерно так, как в консервной банке с выпуклым дном, на которое нажимают пальцем...

Ракитин даже встряхнул головой, пытаясь избавиться от столь неожиданно возникшего потока внутренней информации. И вдруг ухмыльнулся, вспомнив, что в цикадовом семействе поют только мужчины, в связи с чем Ксенархос Родосский сказал: "Счастливы живут цикады оттого, что их женщины молчат".

Синь, бесшумно ступая, шел вперед, и огонек на его голове светился, как маячок в непроницаемой тьме тропического леса.

Вдруг он замедлил шаги, остановился, сделал рукой знак, чтобы Ракитин приблизился, и, прижав палец к губам, издал едва слышный звук "т-с-с".

Впереди, в темноте, едва виднелась неширокая прогалина. Синь нажал кнопку электрического фонаря. Его тусклый оранжевый луч, едва достигнув опушки, медленно пополз вдоль нее, высвечивая то обломанный ствол банана, то причудливый куст, то частокол бамбука. Иногда на его пути вспыхивали и снова гасли цветные огоньки — красные, зеленые.

"И как же это Синь оплошал — забыл сменить батарейки у фонарика? Он вот-вот сдохнет, — подумал Ракитин. — Хорошо, что я оказался молодцом, — похвалил он себя. — Поставил новые "четыре марса" в японском фонаре с большим рефлектором".

Довольный своей предусмотрительностью, он включил фонарь, и луч света ослепительно белой дорожкой пересек поляну наискось. В кустах послышалась какая-то возня, пiski, шорохи, и все затихло. Ракитин еще раз повел лучом по поляне, пытаясь обнаружить притаившееся животное, но бесполезно.

Синь повернулся к нему и сказал: "Хом-тот (плохо)".

— Хом-тот, хом-тот — очень плохо. Ни черта здесь нет! Хоть бы какая-нибудь захудалая зверюшка подвернулась, — сказал Ракитин и вслед за Синем погасил фонарь.

Они присели на поваленное дерево. Синь, глотнув воды из фляги, полез в сумку. Потом похлопал себя по карманам и, повернувшись к Ракитину, сделал вид, что выдувает дым. Он что-то сказал, и вдруг Ракитин явственно услышал: "Тьфу! Моя трубку потерял!" Наверное, именно так и должен был сказать старый гольд Дерсу.

Синь пригнулся к земле и, медленно подсвечивая фонариком, пошел обратно по своим следам. Ракитин не сомневался, что искать в ночных джунглях трубку еще сложнее, чем иголку в стоге сена. Но он заблуждался в способностях Синя.

Не прошло и пятнадцати минут, как охотник издал радостное восклицание и с торжеством показал Ракитину найденную трубку. Синь, страшно довольный, присел на корягу, любовно обтер трубочку рукавом и, не зажигая, засунул в рот.

Они снова вернулись к прогалине и остановились прислушиваясь. Там царило полное спокойствие. Бродили еще часа два по ночному, полному таинственных звуков лесу. Синь тщательно высвечивал каждое более-менее подозрительное дерево в надежде обнаружить притаившееся животное. Но удача явно отвернулась от охотников.

Правда, на пути им не раз встречались следы косуль, и глубокие отпечатки, оставленные кабанами... Но ни одного животного увидеть так и не удалось.

Изрядно устав, они вышли на опушку. Впереди от-и крылись освещенные луной рисовые поля. Откуда-то издали ветер доносил ритмичные тяжелые вздохи колеса-черпалки, которая денно и ночно, без перерыва, выплескивала воду из речушки в канал, питающий влагой посеы риса.

Ракитин смотрел как зачарованный на открывшуюся картину. Все — и огромная яркая луна, обливавшая желтоватым светом геометрически четкие прямоугольники рисовых полей, блестящие, словно покрытые льдом, и четкие черные контуры деревьев на фоне синесеребряного неба, и пение цикад, и вздохи черпалки — вызывало ощущение нереальности происходящего. Он с замиранием сердца всматривался в серебряные блики лунного света, на эту дышавшую миром и покоем картину.

Но Синю, сегодня оказавшемуся в роли охотника-неудачника, было не до лирики. Он взял Ракитина за руку, показал на полную луну, как бы пытаясь объяснить, что в такую ночь не может быть удачной охоты, и, сказав: «Веня» (домой), — быстро зашагал к лагерю.

Обратный путь в темноте показался Ракитину бесконечным. Он то и дело спотыкался о невидимые во тьме корни, путался ногами в траве, цеплялся за ветви кустарников. Ракитин так устал, что, добравшись до палатки, буквально свалился на койку. Подсунув под голову плоскую подушечку, набитую травой, он провалился в сон.

Его пробудил грохот выстрела. Ракитин присел на койке. Прислушался. Но все было спокойно: ни тревожных окриков, ни суматошной беготни. По-прежнему стрекотали цикады, и будто издали доносился негромкий разговор людей, сидевших у костра.

Ракитин хотел было заснуть, как по тенту палатки осторожно постучали и чей-то голос спросил:

— Дамти Витя, ты не спишь?

— Не сплю, не сплю, — сказал он, окончательно стряхивая сонную одурь.

— Синь зверя убил, — повторил тот же голос. Это был Лок.

Не одеваясь, лишь засунув ноги в резиновые сапоги, Ракитин выполз наружу. Возле ярко горящего костра, попивая чай, расположились двое дежурных и Дьяков, который тоже участвовал в ночной охоте, правда, в другой компании, но с тем же успехом.

Неподалеку, в привычной позе, на корточках сидел Синь, с невозмутимым видом дымя

трубочкой. У ног его темнело тело какого-то зверя.

— Кто это? — спросил Ракитин, рассматривая охотничий трофей.

— "Тю-тю", — сказал Синь, выпуская длинную струю дыма.

Так вот чей голос они так часто слышали в окрестностях лагеря! Так вот кому принадлежало это жалобное, протяжное: тю-тю, тю-тю, тю-тю!

Ракитин присел на корточки. Убитый зверь был размером с небольшую собаку. Широкая голова, заканчивавшаяся немного заостренной мордочкой с белым пятном, напоминала собачью. Вытянутое тело покрывал густой, жесткий мех. По его желто-коричневому фону были разбросаны многочисленные округлой и неправильной формы черные пятна. Вдоль спины тянулись три черные полосы, которые, сливаясь, переходили в черноту длинного пушистого хвоста со светлыми кольцами.

— Так это ж циветта, — наконец сообразил Ракитин. — Знаменитая азиатская, или настоящая, циветта, за которой охотятся, чтобы добыть пахучее вещество цибет, широко используемое в парфюмерии и медицине. Так вот из чьего меха сделана у Синя охотничья сумка...

— Поздравляю, дамти Синь, — сказал Ракитин, пожимая охотнику руку. Тот слегка улыбнулся, а затем, молча включив фонари, направил луч света на голову циветты.

И вдруг мертвые глаза зверя ожили, вспыхнули красноватыми огоньками. И только сейчас Ракитин понял, почему фонарь Синя светил так тускло. Дело было совсем не в батареях. Лишь таким вот слабым лучом можно было обнаружить животное по отблеску глаз, не испугав его светом. — Эти красные и зеленые искорки в кустах были не чем иным, как сверкающими глазами животных.

"Что же я за болван! — обругал себя в душе Ракитин. — Ну надо же было быть таким тупым... Нет животных! Исчезли животные! — передразнил он сам себя. — Всю обедню Синю испортил. Вот уж он меня, наверное, в душе проклинал, когда я свой прожектор включил... От такой иллюминации какое хочешь животное до смерти напугается".

Ракитин хотел, чтобы Лок все это объяснил Синю. Не переводчик как назло куда-то исчез. Ракитин опустил на траву рядом с охотником, положил руку ему на плечо и виновато-дружески улыбнулся.

Синь улыбнулся в ответ и тихо сказал: "Той хуэ" все хорошо.

В гости к Синю

Деревня Бао-Линь, где жил Синь, лежала километрах в десяти от лагеря. Надо было спуститься вдоль по ручью на восток и выйти на проселочную дорогу, по которой машины экспедиции три недели приходили джунгли.

После ночного дождя дорога основательно раскисла и, чтобы не завязнуть по щиколотку в липкой темно-коричневой грязи, им приходилось все время держаться обочины. Солнце уже поднялось над джунглями, и деревья, умытые дождем, зеленели еще ярче, переливаясь в солнечных лучах всеми цветами радуги, словно осыпанные бриллиантами. Напоенная дождем земля просыхала, исходя легким полупрозрачным паром. Будто осколки огромного зеркала, сверкали оставшиеся после тропического ливня бесчисленные лужи.

С приближением к деревне все чаще и чаще стали попадаться признаки человеческого жилья. То буйволы, разлегшиеся по шею в грязи с блаженными мордами, лениво прядали ушами. То нежно-зеленые прямоугольники рисовых чеков, окруженные насыпными дамбами. То остатки лесного водопровода — десятка два подставок-рогулин, вбитых на расстоянии друг от друга. На них лежали длинные, пожелтевшие от времени бамбуковые стволы-трубы с

отверстиями у каждой перемычки.

У огромных олив «бо», с мощными гладкими стволами, без единого сучка, были привязаны бамбуковые палки с петлями-ступеньками на конце. С помощью такого нехитрого устройства можно было, хотя и не без труда, добраться до кроны, где среди листвы прятались крупные оливки.

Навстречу путникам из-за поворота вышли четыре женщины. Все они были одеты в короткие кокетливые кофточки и длинные, до щиколоток, широченные брюки весьма модного, как объяснил Лок, коричневого цвета. Все они были маленькие, изящные в своих конусообразных шляпах «нон», с лицами до половины закрытыми белыми, в мелких цветочках, платками, над которыми озорно сверкали черные, чуть раскосые глазки.

Их можно было бы сравнить со статуэтками, если бы не трехметровые шесты «куанг-гань», видневшиеся у каждой на плече. На концах шестов плавно покачивались плоские плетеные корзины, доверху наполненные плодами папайи, корнями сасса-пареля, бататами и еще какими-то неизвестными Ракитину овощами.

Уставшие путешественники приободрились, расправили плечи и посторонились, уступая узкую полоску относительно сухой дороги. Но незнакомки тоже остановились, поставили свою ношу и развязали платки. Все четыре оказались молоденькими и очень милыми.

В ушах у каждого поблескивали тоненькие серебряные сережки.

— Слушай, Лок, куда это они с таким грузом идут? — спросил Ракитин. Но "Пока уже понесло. Он произнес целую речь, из которой Ракитин понял только "ко хуэ хонг?" — как поживаете? и «льенсо» — советский. Лок на глазах преобразился: куда девалась его обычная медлительность, сдержанность! Он непрерывно улыбался, жестикулировал, и, судя по всему, его бойкость произвела на девушек впечатление.

Неожиданно Лок нагнулся и вытащил из одной корзины ниточку стручков горького перца «ыт», похожих на большие красные запятые. Он покрутил ее на пальце и что-то сказал. Девушки прыснули.

— Это есть такой вьетнамский пословиц: "Каждый перец горек, каждая девушка ревнива", — перевел Лок.

Скоро он был уже в полном курсе дела. Лок узнал, что все — не замужем, что живут в соседней деревне, направляются на рынок в уездный городок, где хотят купить много нужных вещей.

— Я так и думал, что они все нет муж, — сказал Дан, оказавшийся большим знатоком истории Вьетнама, народных обычаев и легенд.

Ракитин вопросительно поднял брови.

— Посмотри, дамти Витя, на их прически, — продолжал Дан. И вдруг, замывшись, повернулся к Локу: — Лучше ты переведи!

— Посмотри на их прически, — подхватил Лок. — Видишь, у них волосы гладкие и завязаны пучком сзади? Значит, они есть девушки. Если пучок сидит на макушке — значит, у женщины есть муж. Когда вдова, она пучок будет поместить на левой сторона головы.

— Интересно, сколько же килограммов в этих корзинах? — спросил Шалеев, пытаясь на глазок определить вес.

— А ты попробуй, подними, — посоветовал Дьяков.

— Что нам стоит дом построить! Могу и попробовать. — Шалеев направился прямо к девушкам и жестами объяснил, что хочет поднять их груз. Девушки поняли; его выразительную жестикуляцию и согласно закивали, Александр бойко ухватил куань-гань за середину, приподнял, и вдруг на лице его появилось выражение удивления и полной

растерянности. Он с трудом поднял шест с корзинами на плечо и почти тут же поставил его обратно на землю.

— Ну и ну, — сказал он. — И как они умудряются такую поклажу волочить в такую даль? Уму непостижимо!

Девушки, видимо, уже успели удовлетворить свое любопытство. Они засобирались, повязали на лицо платочки (так оберегали кожу от загара), неуловимым движением водрузили на свои плечики шесты с корзинами и, помахав ладошками, пошли дальше, быстро-быстро переступая мелкими шажками. Вскоре они скрылись за поворотом.

Недалеко от деревни, с боковой тропинки, на дорогу вышел молодой парень, одетый в короткую синюю куртку, такого же цвета брюки, закатанные до самого паха, с красной повязкой на голове. С концов толстой бамбуковой палки, лежавшей на левом плече, свешивались две крупные связки рыбы.

Были там маленькие, не больше ладони, и короткие толстенькие, похожие на большую синюю каплю. Но главный трофей представляли шесть рыб с крупной розовой чешуей, достигавших в длину почти метра. Судя по всему, шел он издалека, так как такие крупные рыбы водились только в реке Тяй, протекавшей километрах в пятнадцати от деревни.

Дорога вильнула в последний раз, и перед глазами путников открылась красочная панорама деревни Бао-Линь. На пологих склонах невысоких холмов возвышались на сваях десять-двенадцать домов-хижин с двускатными крышами из листьев «ко». За длинными заборами-плетенками поднимались зонтики папай с прилепившимися к стволу «дынями», темнели, словно нарисованные тушью на синем холсте неба, арековые пальмы. Ярko зеленели шеренги бананов с длинными соцветиями, тесно посаженными желтыми трехгранниками ягод-плодов.

У самой околицы повстречалась немолодая вьетнамка, видимо, ходившая по воду к ближнему ручью. На коротком бамбуковом коромысле висели шесть фляг-ве-дер, сделанных из толстых бамбуковых колен: по три на каждом конце.

— С полными ведрами встречают, — довольно отметил Ракитин. — Это к добру! — И, собрав все свои лингвистические познания, сказал:— Той муон нок (Я хочу воды).

Лицо старой крестьянки расплылось в улыбке, но она покачала головой.

"Нельзя пить. Надо сначала кипятить, — перевел Лок. — Иначе будет заболеть живот".

По деревенской улице трусили несколько тощих собак, не удостоивших незнакомых людей своим вниманием. Два поросенка с непропорционально длинными телами на коротеньких кривых ножках с хрюканьем пере бежали дорогу и пролезли под плетень. Они были необычного черного цвета с желтыми пятнами. Ни дать ни взять — хрюкающий леопард! У дерева, опустив голову, украшенную огромными серповидными рогами, лениво помахивал хвостом, отгоняя мух, огромный буйвол. Трое ребятишек замерли посреди дороги, выражая всем видом восторженное удивление.

Синь ждал гостей у порога своего дома. Дом был двухэтажный, на толстых сваях из дерева «лим». Нижний этаж служил хлевом, его дальний угол занимала огромная плетеная корзина для хранения риса. Интерьер первого этажа несколько облагораживали рожки молодых оленей — панты, охотничьи трофеи Синя, прибитые чуть ли не на каждой свае. Правда, как потом объяснил Синь, они имели и другое предназначение: истертые в порошок, рожки успешно использовались для поддержания мужской силы.

Прежде чем подняться по крутой шаткой лесенке с круглыми ступенями из бамбуковых чурбашек, требовалось в соответствии с обычаями то-таи снять обувь и обмыть ноги. После этого ритуала все проследовали за хозяином на второй этаж.

Это было просторное помещение, не меньше ста! квадратных метров, с бамбуковым

полом и плетеными стенками, перегороженное на три неравные части.] Синь усадил гостей на низкую лежанку, тянущуюся вдоль стены справа от входа, застеленную циновками, и ушел по хозяйству, предоставив возможность подробно оглядеть скромную обстановку дома.

На полке, слева от входа, стояла деревянная посуда, плетеные корзиночки, черпаки из замысловатого плода «бау». С краю, горкой, лежали связки тонких свечей, похожих на елочные. Впрочем, эти свечи изготавливали из древесины дерева «бому», которую долго растирают со спиртом, а затем получившейся пастой облепляют высушенную бамбуковую палочку, которая служит фитилем.

В центре комнаты располагался очаг. Вернее, им служила прямоугольная деревянная коробка, до половины заполненная песком. Над очагом свисала сажеловка, напоминавшая трубу старинного граммофона. Ярко пылал огонь, распространяя приятное тепло.

На плетеной перегородке, разделявшей помещение, висели две большие раскрашенные грамоты. Ими, как оказалось, наградили двух старших сыновей хозяина за успехи в учебе. Впрочем, отцу тоже было чем похвастать...

Синь возвратился, держа в руках красную коробочку с орденом — пятиконечной серебряной звездой, с гербом Демократической Республики Вьетнам в центре. Лок взял из рук Синя грамоту и, подняв над головой, чтобы все видели, торжественным голосом прочел:

— За участие в освободительной войне против французских колонизаторов Хуанг Ван Синь награжден "Медалью сопротивления второй степени". Аи да Синь!

— А что же там, во второй комнате? — поинтересовался Дьяков.

— Там комната духов, — понизив голос, сказал Синь. В его словах звучало величайшее почтение к отцу и матери, духи которых, как считают то-таи, постоянно находятся в жилище, помогая своим детям в делах, оберегая от бед. В их честь в каждом доме воздвигнут небольшой алтарь. Такой же находился и в соседней комнате, в которую гостей проводил по просьбе Ракитина дакти Синь.

Это был небольшой ящичек из полированного красного оттенка дерева. С его боков были наклеены полоски красной бумаги с иероглифами. Перед ним, на поставке с рисунком дракона с раскрытой пастью — символа жизни народности то-таи, стояла чашечка с приношениями. По бокам курились тоненькими синими дымками палочки, наполнявшие комнату сладковатым ароматом.

Синь поставил на лежанку деревянную плоскую тарелку с печеными плодами хлебного дерева. На другой тарелке желтело несколько крупных грейпфрутов. Отведав тропических яств и запив их горячим вьетнамским чаем, все выкурили по сигарете и стали собираться. Предстоял еще неблизкий путь к реке Тяй.

Минут через двадцать маленькая колонна, сопровождаемая черноглазыми ребятами — чистенькими, ухоженными, как, впрочем, и все ребята, что встречались Ракитину где-либо во Вьетнаме, — уже выходила за околицу деревни.

Они прошли несколько километров по проселку, изборожденному двумя глубокими колеями, пока не выбрались к перекрестку. Здесь, на пересечении трех дорог, перед ними возникло на холме мрачное сооружение — огромный железобетонный параллелепипед с плоской крышей. Это был старый французский форт. Слева, на крыше дота, виднелась невысокая куполообразная башня с узкой щелью-амбразурой, из которой торчал изогнутый, насквозь проржавевший ствол пулемета. В стенах мертвыми глазами чернели бойницы.

Пространство вокруг форта было когда-то расчищено от растительности, все деревья вырублены, чтобы бойцы народной армии не могли незаметно подобраться и забросать гранатами маленький гарнизон. Но крыша уже поросла травой, а дикие бананы с трех сторон

вплотную подступили к стенам.

Только к вечеру удалось добраться до реки, катившей свои мутно-желтые волны к югу. Оставалось совсем мало времени до захода солнца, а надо было еще выбрать место для временного лагеря, построить шалаши и поужинать.

Это была первая ночевка вне лагеря. Но Ракитина смущало главным образом только одно: летающие кровососущие. В глубине души его таился страх перед опасностью заболеть тропической малярией или еще чем похуже, вроде слоновой болезни. Тем более, что по сведениям, которые получил доктор Дан, эти хвори встречались в окружающих деревьях.

Ракитин распорядился захватить в поход оставшиеся бутылочки с маслянисто-прозрачным диметилфталатом, прекрасно отпугивающим вьетнамских комаров и москитов, видимо, не привыкших еще к заморскому антикомариному зелью, и пару флаконов местных репеллентов.

Синь немедля присмотрел место для временного лагеря на пригорке, метрах в пятидесяти от берега. Значит, в случае неожиданного разлива реки экспедиция будет в безопасности. Здесь постоянно дул легкий ветерок, а поблизости было не видать ни единого болотца, что вселяло надежду на отсутствие комаров. Синь с ходу отверг предложение Шалеева построить шалаши под раскидистыми и вполне надежными на вид "куа-шо".

— Плоды вкусные. Их любят кушать маленькие животные. А за маленькими всегда приходят большие звери: тигры, пантеры, — объяснил он.

Не понравился ему в качестве укрытия и огромный фикус с обросшим мхами и лишайниками стволом. Синь скептически оглядел его и сказал: "Очень большие ветки. Прилетит ветер и может поломать. Они падать и убить. Большое дерево притягивает большую молнию, а ночью будет гроза".

Действительно, по небу быстро плыли лохматые темно-белые облака. Выслушав в переводе Лока маленький урок по выбору места для лагеря, Ракитин, Дьяков и Шалеев принялись сооружать свой шалаш. Вырубить два двухметровых шеста с развилками на конце для подпорок и десятка два бамбуковых стволов для конька и скатов было делом несложным. Но чем крепить эти скользкие, круглые перекладки, если никто не додумался захватить с собой веревок? Это была проблема.

Впрочем, и ее Синь разрешил без труда, показав, как делают веревки из бамбука.

На первый взгляд — несложно: метровый кусок бамбука надо расколоть на рейки, толщиной полсантиметра, затупить ножом их острые, как бритва, края, а затем, поставив нож между зеленым и белым слоями древесины, резать сверху вниз (по росту ствола). Когда на пути ножа встречалась перемычка, ее следовало проходить резким толчком. В руках у Синя все это получилось прекрасно. Но строительная компания Ракитин и К° немало испортила реек, прежде чем у нее стали выходить прочные, гибкие веревки.

Когда перекладки были надежно привязаны к скатам, их, начиная с нижней, словно черепицей, прикрыли листьями дикого банана. Еще пару десятков этих зеленых подстилок, и жилище было вполне готово. Оставалось лишь сделать вокруг дорожку сантиметров в пятьдесят, вырезав дерн — для защиты от пиявок, — и развести у каждого шалаша по два-три небольших костра, дабы отпугнуть любопытных животных и заодно прогнать дымом настырных комаров.

Правда, Хунг сказал, что от комаров и москитов можно избавиться, если залезть на дерево, метров на 7-10 от земли. Им эта высота вроде космической. Но никто из присутствующих такой способ не проверял, и все предпочли перед сном густо намазаться репеллентами.

Ракитин спал плохо, всю ночь ворочался с боку на бок, хотя он уже привык в палатке к

жесткому бамбуковому матрасу, а комары тоже не очень досаждали. И все-таки новизна обстановки действовала на него. Впрочем, не только он один страдал бессонницей. Поэтому все поднялись чуть свет и, перегоняя друг друга, побежали купаться в теплой желтоватомутной воде.

Сегодняшний день можно было назвать «кораблестроительным», или, вернее, «плотостроительным». Конечно, плыть по реке в джунглях значительно приятнее, чем тащиться, высунув язык, обливаясь потом, задыхаясь в духоте и сырости, продираясь через заросли. Сиди себе да поплевай в воду, а течение несет тебя без особых хлопот с твоей стороны.

Вопрос — на чем плыть — дело умения и творческой фантазии. Можно попытаться выстроить по примеру Гайаваты пирогу, испросив коры у березы и воспользовавшись подробными методическими указаниями Лонгфелло. Обладая соответствующими строительными навыками, можно добиться, что этот челн будет плавать, "словно желтый лист осенний, словно желтая кувшинка". Можно, используя всю свою сноровку, выдолбить из ствола дерева тяжелую вместительную лодку. Но, наверное, легче всего и, главное, проще всего соорудить плот. Тем более джунгли обладают идеальным для этой цели материалом — бамбуком.

Его вокруг было предостаточно, и выбрать стволы не представляло затруднений. Для начала Синь с помощью Хунга и Тья срубил десяток шестиметровых бамбучин, диаметром сантиметров в пятнадцать. В строгом соответствии с законом Архимеда метровое колено, диаметром 8-10 сантиметров, вытесняет целых пять килограммов воды. Следовательно, будущий плот мог поднять не меньше трех центнеров груза.

Каждый ствол обрезали по концам так, чтобы до перемычки оставался «хвостик» не менее шести сантиметров. Затем в «хвостиках» прорезали сквозные отверстия, и Синь, взяв у Хунга две заготовленные палки-перекладины, нанизал на них бамбучины, скрепив с обоих концов. А затем сам, никому не доверив этого ответственного дела, тщательно привязал каждую бамбучину в отдельности к перекладине.

Первыми испытателями стали Дьяков с Тьем. Они тут же взобрались на плот, чуть просевший под их тяжестью, и, вооружившись шестами, оттолкнулись от берега. Течение подхватило его, и он медленно, будто огромный зеленый лист, закружился и, повернувшись носом, поплыл по течению, под шумные возгласы строителей.

Для большей надежности поверх первого ряда положили еще один, а по краям укрепили невысокие бортики. Теперь плот стал выглядеть совсем внушительно. Когда на него погрузили имущество и расселись всей компанией, оказалось, что он может выдержать вдвое больше.

Путь домой, правда, оказался значительно дольше, чем предполагал Ракитин. И хотя они сэкономили силы, в лагерь удалось добраться только к ужину.

Финиш

Ракитин всегда любил предотъездные сборы: с их суетой, тревогами, волнениями. Но в дни завершения любой экспедиции он всегда ходил с ощущениями какой-то подавленности, ожиданием расставания с людьми, ощущением потери чего-то очень дорогого и неповторимого. Он понимал, что, может быть, никогда не увидит снова эти края, и сердце его сжималось от грусти.

Весь день шла подготовка к возвращению в Ханой.

Образцы растений, пакеты с плодами, банки со змеями занимали свои места в коробках,

которые тщательно увязывались. Шалеев кисточкой выводил на крышке огромный номер. Приборы, оборудование — все было свернуто и подготовлено к отправке.

Наступил последний вечер в лагере. Ярко пылал костер, и все, рассевшись вокруг огня, вели беседу с помощью жестов, знаков и скудного запаса выученных русских и вьетнамских слов.

Словно петарда, взорвался случайно брошенный в костер ствол бамбука, и фонтан искр взметнулся кверху. Из темноты вынырнул Тый. В руках он держал небольшую коричневую трубочку. Тый сел на корточки рядом с Фаном, поднес трубочку к губам, и вдруг тонкие певучие звуки незатейливой мелодии полились в наступившей тишине. Нежная, чистая, она была напоена звоном бегущего ручья, шепотом тростника, пением птиц, шорохом крыльев бабочек.

Ракитин как замороженный слушал пение свирели. Он никак не мог себе представить, что так играет Тый — круглолицый, добродушный весельчак. И звук этой свирели, изготовленной из тростника, срезанного неподалеку на болоте, и большая желтая луна, зависшая над вершинами деревьев, — все казалось каким-то нереальным. Время отступило, и девственный лес, скрывающий неведомые тайны, молча внимал песне, как и тысячелетия назад.

Уже было далеко за полночь, но никто не хотел расходиться. Ведь это последняя ночь вместе. Последний костер.

Все поднялись засветло. Одна за другой палатки превращались в связки брезента. Когда со стороны дороги послышалось урчание автомобильных моторов, от всего лагеря остался лишь каменный очаг, да навес-столовая.

Синь молча стоял в стороне. Ракитин подошел к нему, протянул было руку, но вдруг отбросил условности и крепко его обнял. Вытащив из-за пояса свой походный топорик, с которым не разлучался ни на минуту, он вручил его Синю и, круто повернувшись, вскочил на подножку машины. Маленькая колонна тронулась в путь и вскоре исчезла в лесной чаще.

Небо заволкло тучами. Упали первые капли дождя. Чаще. Чаще... И вот уже на поляну обрушился тропический ливень, словно природа хотела смыть воспоминания о людях, нарушивших ее покой.

2. Трое в тайге (Леонид Репин)

Итак, мы начинаем!

Сразу стало как-то спокойнее, когда мы поняли, что наконец заблудились. Это, собственно, и было главной задачей эксперимента: нам предстояло как можно основательней заблудиться в тайге, имея с собой лишь то, что обычно берет с собой человек, отправляясь в лес за грибами, и самостоятельно — без компаса и без какой-либо помощи со стороны — вернуться к тому же поселку, из которого вышли.

Может возникнуть вопрос: зачем это нужно? Ответ очень прост. Когда-то, много тысячелетий назад, человек жил в лесу. Лес был ему домом, он кормил его, давал ему кров. А потом человек совершил естественный, неотвратимый, но довольно неосмотрительный шаг: он вышел из леса и расстался с ним навсегда.

И лес уже перестал служить ему домом. Порвалась связь, соединяющая человека с природой. Деревянные, а потом и каменные, стены больших городов стали ему ДОМОМ.

Попадая в лес, человек теперь часто теряется, потому что лес подавляет его. Человек уже не умеет прожить в нем долго без ружья и консервов и ощущает себя так, словно он в чуждом, враждебном мире. Мир, в котором некогда все было просто, понятно, естественно, стал суровым, таинственным. А ведь это не лес изменился. Изменился сам человек.

Мне рассказали такую историю. Группа молодых людей с одного из предприятий Красноярска поехала на автобусе в тайгу за грибами. Стояло позднее теплое лето, грибов выросло столько, что их можно было косой косить, и корзинки очень скоро наполнились, хотя кос грибники почему-то не взяли.

После истечения срока, который, как водится, обговорили заранее, к автобусу вернулись все, кроме одного человека. Его долго ждали, искали, звали. А потом, осознав бесплодность поисков — близился вечер — и несколько успокоенные тем, что до города, мало сказать, недалеко, а просто близко — чуть более двадцати километров, уехали. Выйдет, куда он денется...

Но он и на следующий день не пришел. Со многих предприятий сняли людей на поиски. Несколько вертолетов кружились над тайгой во всех направлениях. И безуспешно. Через две недели оставили и эти попытки: найти человека в тайге много труднее, чем упавшую иголку в осенней траве. Значит, случилась трагедия, которая не такая уж редкость в тайге...

Он появился в городе для всех неожиданно: через двадцать с лишним дней после того, как потерялся в лесу. Истощен был совершенно! Те, кто встретил его, удивились тому, как разительно человек изменился. Глаза воспалены... Обеими руками он крепко прижимал к себе корзину, в которой лежали сосновые шишки... И долгое время от него не могли добиться ни слова. Судя по всему, шишки были его единственной пищей...

Все потом обошлось. Человек тот поправился, стал прежним. Но, подозреваю, за грибами в тайгу он больше не ездит. Суровое испытание стало ему уроком на всю жизнь. Такое не стирается в памяти!

В этой истории два интересных момента. Во-первых, то, что в тайге потерялся горожанин — человек, знающий тайгу только с внешней ее стороны и не обладающий навыками для поддержания своей жизни в лесу. Бывалый таежный охотник сумел бы там прокормиться. Во-вторых, то, что горожанин все-таки вышел победителем из острого поединка с тайгой. И сделал это исключительно благодаря своим личным достоинствам: он оказался сильнее. Но сколько и других случаев можно назвать, когда человека бесследно

поглощала тайга...

Вот и возникла такая мысль: поставить реальный эксперимент. Проиграть такую ситуацию, когда люди, оказавшись в лесу, полностью теряют ориентацию и надолго остаются один на один с тайгой, с минимальными средствами для поддержания.

Такой эксперимент может оказаться полезным для медиков, для психологов. Да и просто с социальной точки зрения он может быть полезным, если удастся выработать какие-то необходимые практические советы, которые пригодятся тем, кто волей судьбы окажется точно в таком положении. Разве это разумно — каждый раз повторять с разным исходом одни и те же ошибки?!

Нас было трое в тайге. Я пригласил с собой своего старого товарища Анатолия Коваленко, доцента МВТУ имени Баумана. Три года назад мы были с ним в эксперименте на выживание, поставленном на необитаемом острове, где Толя показал себя не только отличным товарищем, на которого можно положиться в любую минуту, но и на удивление изобретательным человеком. Третьим стал Алексей Герасимович, врач. По своей специализации он психолог, и наш маленький коллектив — малая группа, как говорят специалисты, — обещал для него стать интереснейшим объектом наблюдений.

У каждого из нас был какой-нибудь нож — разве грибник пойдет в лес без ножа? Один маленький туристский топорик. У каждого бутылка или фляга с водой котелок. У Толи — корзина.

Алексей — единственный среди нас курильщик, вполне естественно, что в его кармане оказалась неполная коробочка спичек. Это было одним из условий эксперимента. Мне, кстати, представлялось любопытным понаблюдать мучения ближнего, когда тот выбросит пустую сигаретную пачку...

Соли у нас было ровно столько, сколько берут собой люди, чтобы посолить пару огурцов и картошку. И конечно, никаких консервов или запасов еды, никаких неприкосновенных запасов. Нам предстояло самим найти и добыть себе пропитание.

У нас не было ни рации, ни сигнальных ракет, решительно ничего, что помогло бы дать о себе знать. Мы не назначили никаких контрольных сроков, по истечении которых кто-то должен был начать наши поиски, и, признаться, это обстоятельство являлось грубейшим нарушением элементарной техники безопасности. Но было и условием эксперимента.

Более того, никто и не представлял, где нас можно искать: конечный пункт отправления мы сохраняли в секрете. То есть сознательно сделали все возможное, чтобы надеяться исключительно на самих себя и ни в коем случае не ждать чьей-либо помощи.

Я убедился давно, что человек чаще всего полностью, или почти полностью, теряет инициативу, если у него есть хотя бы малейшая надежда на то, что ему могут помочь. Гораздо лучше, когда он рассчитывает на себя самого. А на кого еще рассчитывать человеку, заблудившемуся в тайге, как не на себя самого?

Прилетев в Красноярск, мы поступили следующим образом: сели на теплоход «Ракета» и проплыли вниз по течению Енисея около двухсот километров. Вышли на его правом берегу и сразу же совершили переход на двадцать километров по тракту, где нам иногда попадались самосвалы, груженные лесом. Затем круто свернули в тайгу и шли без троп и дорог.

Но, должен сознаться, долгое время нам не везло: никак не удавалось заблудиться. До нас доносились гортанные крики петухов, отдаленный собачий лай, изредка ревели на подъемах тяжелые самосвалы. Звуки эти доносились издали — ослабленные, размытые расстоянием. Но все равно, сориентировавшись, можно было бы выйти на них. А именно этого и не было в наших планах: мы стремились как можно дальше заглубиться в тайгу.

А потом вдруг сделалось тихо. До странности тихо. Только ветер шелестел в кронах

деревьев. Постояли, прислушались и уловили свое еще громкое дыхание: мы прошли много и довольно устали.

— Ну кто скажет, где Енисей? — спросил я товарищей.

И оба дружно показали в разные стороны. Это меня обнадежило, потому что обещало успешное начало эксперимента. Если так и впредь пойдет...

Однако для полной уверенности мы забрались еще Дальше в тайгу. Вот уж действительно шли "туда, не знаю куда"! А потом сели на влажную траву и как-то одновременно почувствовали: сегодня нам уже можно! никуда не идти.

— Перекусить бы... — вырвалось у меня против желания.

Мы выложили на траву то, что осталось от пышного завтрака в буфете гостиницы: один бутерброд с надкушенным кусочком сыра (утром его доесть не было сил) один огурец, одна маленькая долька чеснока и два небольших круглых печеньица. Все это мы разделили на три равные части и съели, изо всех сил делая вид, что каждому из нас предостаточно.

Потом Алексей закурил, затянулся, как после сытного ужина в ресторане, где пока еще курить разрешают, а мы с Толей, собрав сушняк, развели костер.

Быстро темнело. Сушняк наш только с виду был сушняком — горел неохотно, и костер грозил в любую минуту задохнуться в собственном дыму. Мы подбросили в него сухой сосновой хвой, и огонь немного оживился. Потом нарезали с берез тонких ветвей, постелили их на траву и, тесно прижавшись друг к другу — неожиданно сделалось холодно, — попытались уснуть.

Но только зря мы на это рассчитывали...

Ночная схватка

Комары атаковали нас внезапно, как сверхзвуковые истребители. Их налетело столько, что я подумал, будто они собрались погреться у огня и специально сидели засаде — под каждым листом и травинкой, — дожидаясь, когда мы появимся в их владениях.

Напрасно мы натягивали свитеры на голову, напрасно совали руки в карманы, поджимали под себя ноги или старались подсунуть их под товарища — комары непременно находили уязвимое место и безжалостно жалили.

Они совершенно свободно кусали через куртку и через свитер, через тонкие брюки, через носки. И я даже спросил Коваленко, не прокусили ли они ему сапоги. Мы еще крепились и пытались шутить, наивно полагая, что человек заведомо сильнее всего комариного царства. Но нас кусал еще и гнус, и целая куча каких-то кровожадных насекомых.

Алексей не выдержал первым. Он сел, сунул руки под мышки и мрачно сказал: "У кого-то из классиков читал, как комары и гнус насмерть заедали людей...а мы тоже сели, живо представив себе наши истерзанные, изорванные насекомыми в клочья тела. Наверное, от всех только и останется — топор да сапоги Коваленко.

— Очень просто, — сказал я товарищам. — Здешние комары совершенно не выносят дыма. Я читал: у них моментально начинается одышка и аллергия. Надо сесть поближе к огню.

— Так бы сразу и объяснил... — проворчал Коваленко.

Мы придвинулись к огню, но и это верное средство никакого облегчения не принесло: наверное, комары ничего не знали о тех книгах, где говорилось, что они должны бояться дыма. Кровососы бесстрашно залетали в самую гущу дымовой завесы, которую мы сами дольше нескольких секунд вытерпеть не могли, и вновь, вновь нападали. Так что нам, судя по всему, оставалось только одно: самим сесть в костер.

Тогда мы встали и подошли настолько близко к огню, что просто рисковали воспламениться. Когда появлялся легкий запах паленого, мы поворачивались, отдавали комарам на съедение грудь или спину, которые уже начинали куриться, и принимались поджаривать другие места.

Можно было бы еще попробовать закопаться с головой в землю, но у нас не было с собой лопаты. И я решил перехитрить комаров: резко отскочив от костра в темноту, сделал небольшую пробежку. Кажется, я слишком быстро бежал, потому что, когда упал, споткнувшись о поваленное дерево, удар оказался очень силен. Пока лежал на земле, распластавшись, потихоньку приходя в себя, комары безнаказанно ели меня. Вернулся к товарищам — еще больше искусанный.

Оценив результаты тактики, которую я применил, те решили ей не следовать и предпочли зажариться заживо. Я побоялся остаться в тайге в одиночестве и, стиснув зубы, встал рядом с ними. Мы решили стоять до тех пор, пока не упадем. Причем нам было уже все равно, куда падать — в костер или рядом.

Когда захотели подсчитать, сколько литров крови каждый из нас уже потерял, стало светать. Комары, видимо, утомленные бессонницей, разлетелись на отдых, а мы без сил повалились на подстилку из березовых веток и тут же уснули.

Пробудил нас утренний холод. Было половина шестого — спали мы всего часа полтора, костер погас, и только слабая струйка дыма говорила о том, что тепло его прячется в углях.

Подбросили огню свежей пищи и тут же подумали о том, что неплохо было бы и самим что-нибудь съесть. Мы тут же пожалели, что не прихватили с собой скатерти-самобранки, и, оглянувшись, поискали взглядом: нельзя ли тут найти что-нибудь съестное.

"Подберезовик!" — ахнул Коваленко. С прытью грибника, впервые в сезоне увидевшего добычу, он кинулся в траву, к корням старой березы, под сенью которой мы; провели нашу первую таежную ночь, и поднялся, торжествующий, держа в каждой руке по грибу. "Надо набрать побольше, — сказал Алексей. — Тогда у нас будет отличный завтрак".

Минут за пятнадцать мы насобирали грибов столько, что хватило бы на дежурное блюдо ресторана "Таежные дали", если бы только его решились открыть. Надо признаться, что чистили мы их не особенно тщательно потому что иначе не закончили бы эту работу и к вечеру.

Алексей поставил котелок на огонь, достал охотничий нож, в котором была ложка, и стал время от времени снимать грязную накипь. Когда, по нашим предположениям, грибы приготовились, Алексей снял пробу — а мы с Толей в этот момент ему позавидовали и сказали не слишком уверенно:

— По-моему, очень вкусно...

Мы попробовали, сочли, что действительно вкусно необыкновенно, только чего-то все же не хватает. По совещавшись, пришли к выводу, что неплохо было бы положить хоть немного соли. Соль я собирался со все строгостью экономить и доставать малюсенький пузырек чек из-под какого-то лекарства, где она содержалась, лишь в крайнем случае. Но мы все же бросили соль котелок, а я проследил, чтобы ни один кристаллик не остался на пальцах.

Алексей помешал варево и снова попробовал. И этот раз заключение оказалось решительным: "Как будто не клали". Взгляд, который он бросил при этом на пузырек, красноречиво говорил, что и всего его содержимого на такой котелок мало.

Я спрятал пузырек подальше и тоже попробовал. Да конечно... Но что такое в конце концов соль? И зачем люди кладут ее в пищу? Это только привычка. Причем вредная очень. Человеку вполне достаточно соли, содержащейся в естественном виде в продуктах.

Я читал, что те, кто регулярно подсаливает свою еду, живут гораздо меньше всех остальных людей, потому что у них обязательно развиваются и необыкновенно быстро прогрессируют сердечно-сосудистые болезни. Не пользоваться солью — это значит подарить себе несколько лет здоровой жизни.

Все эти соображения тут же высказал товарищам, но они почему-то довольно вяло восприняли их. Чтобы показать пример, я решительно съел пять или шесть ложек грибного блюда — больше не смог. Алексей тоже немного поел. А Толя сказал: "Я есть не буду. Я и дома-то их стараюсь не есть... Желудок их не принимает". Но Алексей, воспользовавшись авторитетом врача, заставил и его съесть несколько ложек.

Если вдуматься, гадость, конечно, эти грибы... Подозреваю, что каждый из нас подумал так же, но вслух мы высказали бодрую мысль о том, что грибы все же вкусны и, главное, очень питательны. Так что можно считать проблему пищи на время эксперимента закрытой.

Ну что ж, теперь, подкрепившись, пора трогаться в путь. Хотя, по правде сказать, нам больше хотелось лечь и соснуть — пока спят комары. Но тут же возник новый вопрос: а куда, собственно, двигаться? Неплохо бы сориентироваться, определить, где север, где юг...

"Сейчас, — сказал Коваленко. — Определим части света по солнцу". Мы дружно подняли головы. Все небо было сплошь затянуто тучами. Ни проблеска! Подумалось, что солнце в этот момент наверняка сместилось с обычной орбиты и освещает другую планету.

Тогда мне пришлось сознаться, что я знаю несколько проверенных способов ориентирования в лесу. Например, по мху на стволах старых деревьев. Дело в том, что мох растет всегда на северной стороне дерева. Или на южной. Забыл, на какой... Но это пока не важно. Важно найти деревья со мхом.

Обежав несколько гектаров тайги, взмыленный, я вернулся к товарищам и сообщил неприятную новость: не обнаружено ни одного дерева, поросшего мхом. Я высказал предположение, что здешние деревья страдают каким-то заболеванием, раз мох к ним не пристаёт, и сказал об этом товарищам. Они тут же объяснили, что я сам, по-видимому, страдаю каким-то заболеванием, если не заметил вот этого пня и упавшего дерева, благодаря которому я едва не остался калекой.

Приблизившись к нему, я увидел, что пень действительно густо порос мхом. Только он почему-то покрывал пень по всей поверхности. Я внимательно изучил дерево и с удивлением обнаружил, что мох на нем растет исключительно на стороне, обращенной земле.

Ни слова не говоря, показал пальцем на это необъяснимое явление природы в надежде на то, что, может быть, Толя, кандидат наук, объяснит, как это получается. Что север (или юг) находится у нас под ногами. Кажется, так быть не должно!

"Это от влаги", — объяснил Коваленко.

Да, влаги в тайге больше, чем нам хотелось бы... Определенно, от ее недостатка мы не страдали. Вода выступала вокруг ступни буквально на каждом шагу. А мы еще отважились улечься спать на этой земле, позабыв о наших радикулитах и пестром букете заболеваний, которые обычно приносит с собой простуда. Следующую ночь, вероятно, придется провести на деревьях, хотя там, наверное, очень сквозит...

И тут мне пришлось выложить резервный способ ориентации — по кронам деревьев. С южной стороны; это я уже точно запомнил, они много гуще. Мы тщательно оглядели крону ближайшей сосны, и мнения наши разделились как раз на четыре части: я показал дважды в разные стороны. Поскольку совпадений во мнениях не было, мы решили, что данный экземпляр дерева не характерен, и принялись изучать другую сосну. Но и ней получилась такая же картина. Кроны других деревьев настолько переплелись, что у нас зарябило в глазах. Поэтому мы взяли и пошли куда глаза глядят. То есть прямо.

Но наши попытки сориентироваться в тот день не закончились. Мы наткнулись на обширный участок леса, где множество деревьев обросли пышным мхом. Радостно бросились к ним и тут же увидели, что одно дерево обросло с одной стороны, в то время как его ближайший сосед — с другой. И наоборот. Да, в этом лесу царила полная неразбериха!

Следуя старой примете, нам оставалось только одно: разойтись на все четыре стороны. Хорошо, что мы так не поступили, а то бы никогда больше не встретились.

— Придется сделать прибор, — вроде бы самому себе сказал Коваленко.

— Какой? — спросили мы с надеждой.

— Увидите, — уклончиво ответил ученый.

Где моя большая ложка!

Уже три дня мы блуждаем в тайге. Все это время старались идти в одном направлении, чтобы не повторять типичных ошибок заблудших — большинство из них бродит по лесу кругами. Солнца и звезд мы ни разу не видели, поэтому никак не могли определить, хотя бы приблизительно, в какую сторону движемся.

Во время переходов комары особенно не докучали нам. Но стоило остановиться на отдых или расположиться на ночлег, как они начинали нас есть поедом. Ни одной ночи мы так и не спали — из-за треклятых комаров и сильного холода. Не знаю, сколько градусов показал бы термометр, но, когда мы пили воду из фляги, зубы ломило.

Кулинарные достоинства грибного блюда, которое трижды в день подавал нам Алексей, убывали в геометрической прогрессии. Мы ели по необходимости, чтобы сохранить хоть какие-то силы, но с каждым разом это делать становилось трудней и трудней. Две-три ложки пресного грибного отвара — больше мы не могли заставить себя съесть.

Попадались и ягоды. Крупная, сочная костяника — студенистые, полупрозрачные ягоды, с крепкой косточкой в середине. Таких больших ягод я никогда не встречал. Пробирались мы и через заросли спелого шиповника, с удовольствием поедая его алые, вяловатые ягоды. Алексей делал из них вкусный напиток, хорошо утоляющий жажду.

Мы находили обширные поляны, сплошь покрытые глянцевитыми кустами брусники. Но ягод на них почему-то не было, как не было черники и голубики. Наверное, их время прошло. И только однажды нам повезло: на одной из стоянок Толя и Леша, взяв котелки, отправились на поиски каких-нибудь ягод. Через три часа они принесли котелки, почти доверху наполненные малиной.

Ели ее с полным блаженством! Мы высыпали малину в кучу и, вооружившись Лешинной ложкой, по очереди въедались в нее. В эти минуты жизнь представлялась нам прекрасной. Подумать теперь об обеде, в которую на первое, второе и третье подаются грибы без соли нам просто противно...

Однако утром — куда деваться — пришлось есть грибы. У Леша получился очаровательный грибной супчик темно-коричневого цвета, в котором если чего не хватало, так это картошки, лука, сметаны и соли.

Едва до Толи донесся соблазнительный запах только что приготовленной пищи, как он моментально изменился в лице и с подозрительной поспешностью заявил, что отказывается от своей доли завтрака в нашу с Леше пользу. Мы принялись его уговаривать, и он заколебался было уже, но, заглянув в котелок и увидев изобилие маленьких беленьких червячков, очень мило смотревшиеся на темно-коричневом фоне, возмутился: "С червям! есть не буду!"

Леша веским доводом тут же сразил его наповал "И совершенно напрасно: это же мясо!"

Белок в чистом виде". Довод возымел силу, и Коваленко, кривясь и тихо поругиваясь, немного похлебал.

Несмотря на то, что мы все-таки что-то ели, силы очень быстро уходили. Особенно это ощущалось утром, когда выползали из-под укрытия, и ночью, когда приходилось вставать, чтобы подбросить пищи в огонь. Голова тут же начинала сильно кружиться, и приходилось какое-то время стоять на месте, выжидая, когда все пройдет.

Толя нашел хороший способ борьбы с таким состоянием: нужно сразу же резко наклониться вперед — и все моментально проходит. Не проходит только общая слабость, нежелание двигаться и вообще что-то делать. Тем более идти.

Куда? Если бы знали — куда... Впрочем, мы относились спокойно к тому, что шли без троп и дорог: верили, что рано или поздно, но найдем выход из леса.

Работы у нас было много. Собирать грибы — просто и даже приятное. В радиусе пятидесяти метров от каждой стоянки мы находили больше грибов, чем было нужно.

А самой трудоемкой работой стала заготовка на ночь дров для костра. Собирали буквально гору старых коряг, из-за которой нас самих не было видно... Но ночь от всего этого оставалось лишь несколько горстей серого пепла.

С водой никаких проблем пока еще не было. Каждый день шли дожди. Кроме того, однажды в распадке нашли ручей с кристально чистой водой. Пили мало — дни стояли прохладные, а по ночам из-за холода совершенно пить не хотелось. Иногда, правда, мы ставили котелок на огонь, чтобы согреться горячим.

С того момента, как мы открыли малинник, все наши гастрономические помыслы были связаны с ним: вдруг поняли, что совершенно не хотим от него уходить. Так пришло решение, психологически вполне оправданное: остаться на стоянке еще на день и сделать запас малины.

На этот раз мы отправились с Толей. За те же три часа набрали два полных котелка и полностью истощили малинник. Так что к обеду у нас опять получилось превосходное второе блюдо. Если же добавить, что было и третье — отвар из шиповника, то наш обед вполне можно назвать царским.

Покончив с ним и благоразумно оставив малину на ужин и даже на завтрак, мы пришли к единодушному мнению, что так вполне можно существовать.

Сытая жизнь всегда губила и губит человека: она его развращает. Вкусив ее, он ни в коем случае не желает от нее отказаться и всякие изменения в худшую сторону воспринимает как катастрофу. Кроме того, обеспечив себе сытую жизнь, человек непременно начинает обзаводиться предметами роскоши. А это означает уже полную деградацию личности. Так случилось и с нами.

Сытно (насколько это было возможно) поев, Коваленко сообщил, что ему надоело есть одной с нами ложкой и он твердо намерен обзавестись собственной. Я сразу подумал, что это начало падения: сначала он сделает ложку, потом соорудит индивидуальный шалаш и обнесет его изгородью, потом посадит личный малинник, потом построит телегу, потом... Дальше все ясно: мы потеряем его как товарища и полноценного члена нашего коллектива.

Все доводы он пропустил мимо ушей, срубил небольшую березу, отделил от нее поленце сантиметров в тридцать длиной. Потом взялся за топор — я сразу подумал, что его работа будет, наверно, топорной, — и, как скульптор, воплощающий замысел, принялся отсекал лишнее Дерево.

Через некоторое время у него в руках оказалось нечто напоминающее внешне гантель. "К чему бы это? — подумал я. — Маловата гантель для него, да и, пожалуй, легка..." Но Толя был так увлечен, что я не осмелился задать впрямую вопрос.

Вооружившись ножом, он перешел к тонкой части работы и к исходу второго часа показал нам изделие: "Вот... Ложко-вилка". И действительно, на одном конце этого уникального и наверняка единственного в мире столового прибора была вилка, а на другом — ложка.

По странному стечению обстоятельств эта часть ложки-вилки и фас и в профиль совершенно потрясающим образом походила на ковш землечерпалки средних размеров. Я только на мгновение представил ее в котелке, как сразу понял: нам с Лешинной ложкой за ним не угнаться. Наверное, поэтому, а также потому, что дурной пример заразителен, я тоже решил сделать ложку.

Неожиданно для себя увлекся и стал с ожесточением резать. Забыл о собственной слабости, и, странное дело, силы неизвестно откуда пришли, наполняя желанием скорее закончить работу и увидеть ее результат.

Ложка получилась очень удобной, даже красивой, по ее бокам — поближе к черенку — я вырезал пару глубоких выступов и назвал их- «ограничителями» — чтобы ложка не проходила в рот далеко. Кажется, Толя позавидовал этому новшеству. Тем более что ложка вопреки намерениям получилась еще и вместительней, чем у него.

А вечером грянул ливень. Мы его ждали, и он не смог застигнуть нас врасплох. Сначала закапал маленький, какой-то безликий дождик, а потом разгулялся, щедро полил. Толину пленку мы туго натянули на четыре кола. По бокам и сзади из свежих ветвей соорудили что-то вроде плетня — так чтобы вода под нас не текла. И, прижавшись друг к другу, смотрели, как ливень хлестал по кронам деревьев, по высокой траве. Вмиг он почернил стволы сосен, покрыл блестящей глазурью березы. И только до нас пока не добрался.

Костер потух под настилом воды, подобрал в себя пламя, и мы с беспокойством подумали, как бы он совсем не угас. В такую погоду новый уже не разжечь...

Тогда мы решили сделать крышу огню, наложив на него побольше коряг. Во-первых, они мокрые и будут долго сушиться, прежде чем загорятся, а во-вторых, защитят костер от дождя.

Так и сделали. Скоро пламя ожило, и никакой ливень ему уже не был страшен.

Дождь нарастал. Я подумал, что, если и завтра он; не утихнет, придется весь день просидеть под укрытием. Бессмысленно вылезать в такую погоду на улицу.

Укладываясь спать под частую трескучую дробь дождя, заглушавшую все остальные лесные звуки, Толя сказал очень вежливо:

— Леша, включи, пожалуйста, свет, а то совсем темно стало.

Алексей молчал, продолжая укладываться. Тогда Коваленко уточнил просьбу:

— Люстру, пожалуйста.

— Да он выключатель найти не может! — ответил я за Лешу.

— Не в этом дело, — печально сказал Алексей, — пробки перегорели.

И пришлось нам ложиться спать в кромешной тьме, изредка нарушаемой слабыми проблесками от огненных языков, лижущих мокрые коряги. Когда-то, очень давно, они были корнями старых деревьев...

Прибор для определения...

Столько животных мы здесь загубили! Собаку, кабана, теленка, барана, кролика, акулу... Так мы назвали живописные коряги, найденные в лесу для костра. Удивительно, до чего они напоминали этих животных. Поистине нет пределов возможностям природы, когда она берется сотворить что-то подобное тому, что в ней обитает. Баран, например, так

выразительно жарился, что мне показалось: еще немного, и донесется невыносимо

Притягательный запах шашлыка... Увы...

У меня на этой стоянке есть и любимая коряга — персональное кресло. Она похожа на собаку, изогнувшуюся в характерном движении, когда та на бегу оглядывается. Сидеть на таком кресле очень удобно. Жаль с ней расставаться — як ней уже привык. Хоть с собой бери!

Как же быстро мы привыкаем к вещам, о существовании которых еще недавно не помышляли... Вот эта коряга. Что она для меня? А теперь привычная вещь, собственность. Как те ложки, которые мы только что сделали. И вот уже подлый, хваткий инстинкт нашептывает: "Возьми! Она твоя! Она тебе пригодится! Тебе будет с ней удобнее!"

Удобнее, может, и будет, да только я ее не возьму. А вообще-то ведь именно так — постепенно и незаметно для себя самого — человек становится рабом вещей. Привыкает к ним и уже не представляет своей жизни без них. А ведь если вдуматься, то окажется, что рядом с нами крайне немного вещей, без которых мы действительно не могли бы обходиться.

Что нам нужно? Крыша над головой, простая, удобная постель, предметы первой необходимости в домашнем обиходе. А чем мы окружили себя? И не упомнишь всего! Многие вещи, приобретенные не то по горячности, не то по безрассудности, лежат дома бесцельно, забытые в разных укромных местах, и, только случайно натыкаясь на них, мы вспоминаем: "Ах, черт возьми! И как я мог забыть о ней? Какая хорошая штука!" А раз забыл — значит, она не нужна.

Мы отказывались от всего этого. Конечно, легко, даже приятно, отказаться на время, зная, что потом вернешься к привычным вещам — своим сомнительным сокровищам.

Но нам очень хорошо в эти дни. Почти все необходимое у нас есть. Понадобилась крыша — мы ее сделали. Понадобилась максимально удобная в таких условиях постель — она у нас есть. Понадобились столовые приборы — мы и их сделали. А в других вещах пока потребности никакой не испытывали.

И все-таки думаю: нет, не умеем мы — во всяком случае, подавляющее большинство из нас — отказаться в повседневной жизни от ненужных вещей. Жажда накопительства — вот что еще приобрел человек в процессе развития цивилизации. Приобрел в этой погоне вместе с инфарктом, инсультом, раком и разнообразным ассортиментом нервных болезней. А жил бы человек спокойнее, разумнее, скромнее — ничего бы этого не было. Во всяком случае, в массовом масштабе.

Эта ночь показалась теплее. Пламя костра благодаря нашим усилиям все время оставалось высоким и хорошо согревало ступни, до нестерпимого жара разогревая подошвы на обуви. А выше колен все тело мерзло.

Рано утром, когда еще и шести не было, Леша поднялся, с полужакрытыми глазами вылез наружу, убедился, что дождь перестал, принес корзину с десятком грибов, оставшихся после вчерашнего дня, и мы принялись чистить их. И еще на завтрак есть остатки малины... Случилась странность какая-то: она нам опротивела тоже. Видимо, за последние три дня мы переели ее. Но зато появилось новое блюдо: чай из смородиновых листьев.

На этот куст мы наткнулись случайно во время последнего перехода. Ягод на нем не нашли, а листьев набрали, решив приготовить отвар. Чай получился чудесный — цвет, вкус, аромат — ничуть не хуже, чем у настоящего!

Пока мы с Лешей занимались грибами, Толя взялся за изготовление давно обещанного прибора. Спрашиваю его: "А что это все-таки будет?" Отвечает: "Он будет указывать части света". Спрашиваю: "Значит, компас?" Отвечает: "Нет. Он называется "Прибор для точного ориентирования на местности в трудных условиях".

Спрашиваю: "Трудные условия — это то, что мы все Время ходим голодные?" На этот

раз я получил в ответ лишь презрительный взгляд. Можно безнаказанно обидеть изобретателя, но безнаказанно обидеть его создание вам никогда не удастся. "Дай-ка лучше булавку", — угрюмо попросил он.

Толя трудился в одиночестве не слишком-то долго, а потом торжествующим голосом разрешил подойти. Приблизившись, я сразу увидел самое последнее слово науки и техники, если только в ту же секунду неведомый изобретатель где-нибудь в джунглях Африки или Южной Америки уже не завершил работу над своим изобретением.

В крышке от котелка в воде, набранной из родника, плавала моя булавка с распрямленными концами. Разумеется, моя булавка ничем не отличалась от всех остальных и не обладала какой-то особой плавучестью. И, видимо, Толя подумал об этом, потому что насадил ее на два маленьких кусочка коры.

Стараясь не задеть самолюбия моего Кулибина, я бодро отреагировал, втайне сожалея о потере булавки:

— Очень интересно получилось! Потом не удержался и спросил:

— И это что, все?

— Да посмотри, как работает! — Толя подтолкнул сооружение пальцем, и оно, естественно, поплыло в одну сторону, потом медленнее в другую. И наконец, замерло.

— Дай я потолкаю немножко, — робко попросил я, смутно ожидая неожиданных результатов и готовый, как экспериментатор, на все.

— Да ты посмотри, как точно указывает!

Я вгляделся. Действительно, головка булавки с непостижимой точностью указывала на Алексея, которому именно сейчас впервые за все истекшие дни вздумалось расчесывать бороду. Увидев и сопоставив все это, я подивился наблюдательности и проницательности прибора.

— Вот-тут север, — уверенно сказал Коваленко и ткнул пальцем в небо.

— А там — юг. — Я тоже ткнул пальцем, но в противоположную сторону. — А вон там — Москва.

— А без прибора ты сейчас мог бы это сказать? — не без злорадства спросил Коваленко.

Небо, все сплошь затянуто тучами. Поэтому я решил промолчать.

— А прибор работает в любую погоду, — беспощадно добил меня его автор.

Короче: ночью он встал погреться к костру и застал кусок чистого неба. Ему повезло, и он нашел Полярную звезду. Потом Толя заметил дерево, находившееся точно под ней. Таким образом, он узнал точно, где север. А утром, сделав прибор, определил, какой конец булавки показывает на то самое дерево.

Увидев мое замешательство, он объявил: "Но это пока не прибор. Это только его имитация. Увидишь, что я еще сделаю", — припугнул он меня напоследок. Но я представить себе не мог, что возможно сделать еще что-то.

За завтраком мы ели диетический грибной супчик, приготовленный Лешей, с удивлением отмечая, что в нем появились какие-то новые вкусовые оттенки. Можно было бы, конечно, попытаться отнести их на счет возросшего мастерства нашего повара. Но, распробовав, мы поняли, что все дело в самих грибах.

До сих пор мы ели одни подберезовики и подосиновики, пренебрегая маслятами и моховиками. Когда благородные грибы в нашей корзине иссякли, мы, чтобы не ходить далеко, набрали маслят. Они-то и придали свежий вкус супу.

Потом мы съели по паре ложек малины — уже остатки. Потом — желанный чай из листьев смородины, неизбежно напоминавший нам о гастрономических прелестях цивилизованной жизни.

И снова — в дорогу. Каждый день после завтрака мы покидали место ночлега, хотя уже успевали привыкнуть к нему, и уходили в том направлении, которое выбирали. Исключение составляли те дни, когда нас держал на привязи дождь.

Мы не могли пока еще довериться Толиному прибору, его было проверить, а для этого нужен был хоть один солнечный день, хоть одна ясная ночь. Да что там день или ночь! Хотя бы час, хотя бы минута... Но небо не оставляло нам ни малейшей надежды.

Мы шли по крутым склонам сопок, спускались в распадки, где воздух становился холоднее, тяжелее, вновь поднимались по сопкам, пробирались через завалы, перелезали через поваленные ветром, а может, и временем, одинокие стволы старых деревьев.

Некоторые из них были столь велики, что не шло и речи о том, чтобы попытаться через них перелезть. И тогда мы под них подлезали. Если, конечно, между землей и деревом оставался просвет.

Высокие травы, хлесткие после дождей, цепляли нас за ноги, словно бы не желая смириться с нашим вторжением. И ни следа человека, ни следа топора... Иногда думал невольно: да были ли здесь когда-нибудь люди?

Двигались мы медленно, не имея ни малейшего представления о том, сколько прошли. Да и зачем это нам! Пройденное расстояние могли бы определить с очень сомнительной точностью. В эти дни мы поняли, что в тайге путь удобнее всего измерять с помощью времени. Отправляясь в дорогу, мы говорили: идем три часа, потом отдохнем, потом идем еще три часа и разбиваем стоянку.

Устроить ночлег мы старались задолго до наступления темноты, чтобы засветло заготовить дрова для костра. Для нас это стало самым важным занятием. Потому что ничто, пожалуй, нас так не мучило — ни голод, ни комары, как холодные бессонные ночи.

Мы знали всегда наперед, что будет ночью. Будем лежать, тесно прижавшись друг к другу, тщетно пытаюсь сохранить остатки тепла. А вскоре встанем и подолгу будем стоять возле костра, протягивая к пламени остывшие руки. В такие часы мы мечтаем лишь об одном: чтобы скорее кончилась ночь.

И все-таки мы ждали, надеялись: вдруг утром появится солнце. Хоть немного тепла — вот чего так хотелось.

Если нам повезет...

Однажды, поднявшись на вершину круто выгнутой сопки, мы остановились передохнуть и сразу же поняли, что отсюда уходить не захочется. Перед нами открылась обширная поляна, поросшая высокой травой и окруженная могучими березами с пышными кронами. Кое-где между ними виднелись темная зелень, сосны и пихты. Сухо шелестели атласные листья осин, деловито позуживал шмель — и это все, что можно было услышать прислушавшись.

Но главное даже не это, не то, что здесь красиво и тихо. В безветрие в распадках бывает и тише. Впервые за все время блужданий в тайге мы вышли на открытый простор. Для нас уже стало привычным, естественным ощущение тесноты, некой странной придавленности — из-за того, что постоянно жили в окружении нескончаемого строя исполинских деревьев. Мы привыкли видеть перед глазами чащобу.

А тут вдруг лес расступился, и перед нами открылись зеленые дали. Всюду, куда ни взгляни, — плавные, округлые линии сопок, словно бы накрытых зеленым шерстяным одеялом.

Удивительные чувства мы испытали в эти минуты. Ощущение никогда прежде не

испытанной легкости, желание подняться во встречном потоке воздуха и воспарить над этими зелеными сопками, которые издали кажутся безобидными и манят к себе, обещая уют и покой, а на деле встречают труднопроходимой чащей, завалами, сумрачными лощинами и неисчислимыми полчищами своих цепных псов — комаров.

Так хорошо нам было стоять над всем этим, чувствовать на лице теплое прикосновение ветра, а не холодное, влажное... Так хорошо, когда взгляд не упирается в стволы вплотную подступивших деревьев, а свободно устремляется вдаль...

А внизу, у основания сопки, метрах в двухстах от вершины, мы нашли светлый ручей и два родника, впадавших в него. Эти две сотни метров приводят в настоящие таежные дебри. Дикие места... Глушь... Даже не верится, что в нескольких минутах спокойной ходьбы существует такое мрачное царство.

Живности, за все дни наших блужданий, мы встретили немного пока: вспугнули зазевавшуюся жирную куропатку- почти из-под ног взлетела; неспешно поднялся тетеревиный выводок; как-то, поздно вечером, неслышно пролетела сова; суетились хлопотливые белки; бурундучки подбегали и изумленно взирали на нас, уставившись черными бусинками немигающих глаз; сновали под ногами непуганые мыши-полевки. А в небе, попискивая, парила какая-то хищная птица...

Прилетела шоколадница и с детской доверчивостью уселась на мой воротник. Прибежала и застыла на раскрытой странице блокнота крошечная ящерка — изящная, как украшение. А большие звери нам не встречались. Скорее всего, они просто избегали людей. Когда мы отправились в тайгу, в Москве нас вооружили советами на случай встречи с медведем. Создавалось впечатление, что все советчики хаживали на медведя с рогатиной. Среди рекомендаций были такие: Медведь нападает даже на тигра и, победив, съедает его. Свирепый хищник. Это только в сказках он добренький! Его лучше обходить стороной". Еще одно наставление: "По бурелому медведь развивает скорость до семидесяти километров в час. Но попытаться убежать, конечно, можно..." Я тут же подумал: "В таком случае И. Борзов вряд ли смог бы удрать от медведя..." Короче говоря, все эти разумные предостережения нам пока не пригодились. Хотя, если честно, очень хотелось повстречаться с медведем. При условии, что это будет сытый, добрый медведь, с характером робким, покладистым, и что при этом он не будет страдать от одиночества, скуки и любопытства.

Толя усовершенствовал свой прибор. На крышке котелка с внутренней стороны на поразительно равном расстоянии друг от друга он нанес 180 делений. Спрашиваю: "Как тебе это удалось?" Удивление мое при этом самое искреннее.

Оказывается, все очень просто: взял веревочку, обернул ее вокруг крышки, отрезал лишнее — так, чтобы она в точности была равна длине окружности крышки. Потом сложил ее пополам, нашел середину и нанес ножом рисочки. Таким образом он поделил окружность на четыре равные части. Сложив еще — на восемь. И так далее. В результате получился отменный лимб компаса.

Смотрю на прибор и думаю: вот ведь действительно вышла полезная вещь. Буквально из ничего! Поразительно, сколь изобретателен бывает порой человек. Особенно, если этого требуют конкретные обстоятельства жизни.

И вот, наконец, мы увидели солнце. Наша большая поляна преобразилась мгновенно-стала еще просторнее, светлее. Солнечные блики позолотили траву, морщинистую кору старых сосен, заставили свечами вспыхнуть белые стержни берез. Лучистое тепло согревало нас, наполняя блаженством. Наверное, мы были совершенно счастливы в этот момент.

Понежившись немного, Толя взялся доводить свой прибор. На это у него ушло что-то около часа. Потом он объявил: "Ну вот, теперь все в порядке. Можно пользоваться".

И сразу же в нашей жизни — мы это тут же почувствовали — возникло нечто, похожее на определенность. Мы знали, что находимся на правом берегу Енисея, стало быть, идти надо на запад, чтобы встретиться с ним. Конечно, мы и не предполагали, как далеко забралась в тайгу. Но теперь, по крайней мере, знали, в какую сторону двигаться.

Ручей под нашей сопкой струился почти точно в нужном нам направлении, поэтому мы решили идти по нему. Должен же он когда-нибудь и куда-нибудь привести! И если нам повезет и он впадает в речонку, а Толя опять исхитрится и изобретет какое-нибудь рыболовное средство, и если окажется, что в той речке водится хоть какая-то мелочь, тогда, возможно, в наш рацион попадет что-нибудь, кроме грибов.

Конечно, мы понимали, что этих «если» слишком уж много. Но зато и перспектива пахивала ухой, а не, грибным Лешиным супчиком. И, кроме того, впервые перед нами забрезжила цель, к которой мы могли устремлено направиться.

Мы решили пожить на этой стоянке один полный день — просохнуть как следует, отогреться, пока солнце гуляет по небу, и прийти в себя после продолжительного общения с гнусом. Здесь, на верху сопки, его практически не было: свежий ветер почти без следа выметал эту нечисть.

Ночь мы провели точно так же, как и все предыдущие. Руки и лица стыли, приходилось то и дело вставать и подходить греться к костру. Искры от него плавно возносились к звездному небу, медленно блекли и угасали, не в силах соперничать с голубым светом звезд. Звезды эти были такие холодные!

Утром снова тронулись в путь. Толя последний раз наметил курс, мы спустились по склону сопки и сразу же оказались под плотным пологом леса. Множество поваленных деревьев преграждало нам путь, большие камни, покрытые мхом, предательски подрагивали, когда мы на них наступали. И тихо звенел ручей, неспешно бегущий неизвестно куда. Соединится ли он когда-нибудь с сильной, полноводной рекой?

На нашем пути часто встречались большие деревья, сраженные ударом молнии. Они так и стояли — обуглившиеся, расщепленные, без ветвей и коры. Черные, печальные обелиски. Их видно издали — они четко вырисовываются на фоне жизнерадостной зелени. Сколько — *i* они еще так могут стоять? Когда упадут? Или будут стоять до конца, пока не рассыплются в прах? Встречаясь с ними, я всякий раз внимательно разглядывал их, пытаюсь восстановить хоть что-то в безмолвной таежной драме, после которой не осталось свидетелей. Молния наверняка выбирала самые рослые, самые сильные деревья. Они были так неосторожны, что позволили себе вырасти выше других. И вот — сражены. Странно, но буквально ни разу я не увидел вокруг черных останков деревьев следов огня, пошедшего дальше. Дерево выгорало до самого корня, и никогда после этого не занимался пожар. Так и не смог найти приемлемого для себя объяснения...

Мы шли все время вдоль ручья, иногда перешагивали через него, иногда, прыгая с камня на камень, переходили. Здесь, в распадке, нам стала чаще попадаться черемуха, и мы тогда останавливались, с удовольствием поедая ее сладкие ягоды, но почти моментально набивая оскомину. Здесь больше встречалось рябины — мы не пренебрегали и ею. Но разве съешь много рябины? Леша, однако, набирал ее впрок: обычно он давил ее в котелке, наливал побольше воды, давал настояться, и получался довольно вкусный напиток.

Для разнообразия, а также из желания придать новые аспекты эксперименту на выживание, он готовил еще отвар из еловой хвои. Вероятно, ему хотелось узнать, как эта отравка действует — постепенно или мгновенно. — По правде сказать, это его изобретение успехом не пользовалось. Мы предпочитали отвар из шиповника или "рябиновку".

В тот день мы совершили самый большой свой переход. Ручей, вбирая в себя родники,

рос на глазах, потихоньку превращаясь в речушку, через которую при всем желании не удавалось бы перешагнуть. Но лес о нас позаботился: множество деревьев, упавших поперек русла ручья, послужили мостами, и мы, балансируя, подобно канатоходцам, переправлялись на нужный берег.

Иногда, обходя препятствия, незаметно поднимались по склонам сопок, а потом с удивлением замечали, как далеко внизу шумит на камнях наш ручей. Тогда мы снова спускались и шли по мокрой траве, сметая с нее всю влагу себе на ноги, осторожно переходили с камня на камень, держась обеими руками за нависший обломок скалы. Но предпочитали все же такой путь: обходить скалы поверху было бы много труднее.

Мы давно уже вымокли так, что, погрузившись в ручей с головой, вряд ли промокли бы больше. Но, странное дело, на нас напала неутолимая жажда движения. Мы не только не хотели и не могли остановиться, но постоянно наращивали скорость ходьбы, как будто спешили куда-то или нам наступала на пятки погоня.

Не сразу я понял причину столь непривычного состояния. Мы думали лишь об одном в эти часы: не может быть, чтобы ручей, все ширивший свои берега, не привел нас к какой-нибудь таежной деревне. Мы ждали, едва ли не после каждого поворота: вот-вот выглянет сруб... И эта мысль подгоняла.

Потом все же благоразумие взяло верх, и мы надумали отдохнуть в самой чащобе. Что нам нужно сейчас? Воды — сколько угодно... Полная корзина грибов. Подосиновики, румяные, ядреные, как с картинки из книжки сказок... Нам все равно, где остановиться и спать... Любое дерево даст приют.

Стали готовить с Алексеем ночлег, а Толя, упаковав свой прибор, пошел за дровами. Все чаще и чаще поглядываю на него, не решаясь спросить: не сможет ли он попытаться сделать какое-то приспособление — разумеется, из подручного материала — которое смогло бы перерабатывать грибы на картошку?

Опасность

По-прежнему не ели ничего, кроме несоленых грибов. Один только вид их вызывал отвращение! Но мы все же заставляли себя съесть хотя бы по паре ложек три раза в день.

Как-то Толя поднялся и сказал: "Пойду, посмотрю, как там речонка..." Я присоветовал ему поохотиться на лягушек, если они, конечно, водятся в здешних местах. Услышав эту просьбу, Алексей содрогнулся. Я тут же поспешил успокоить его, объяснив, что в сравнении с кузнечиками лягушки — истинный деликатес. И, если кузнечиков дают всего 225 килокалорий, то одна упитанная лягушка гораздо больше. Но еще лучше чередовать и то и другое блюдо.

Вернулся Толя быстро — возбужденный, с круглыми глазами: не думаю, что он был взволнован больше, если бы повстречал у реки водяного. Едва приблизившись, объявил: "Рыба есть! Много рыбы!"

Я сразу побежал к берегу — хоть посмотреть на рыбу. И действительно: по мутной, темно-зеленой поверхности речки то тут, то там расходились круги. Рыба беспечно гуляла, явно не подозревая о нависшей над нею опасности.

Постояв немного на берегу, живо представил себе уху в котелке, почувствовал аппетитный запах, струившийся от рыбы, зажаренной на углях. Можно сделать даже шашлык из рыбы, или какое-нибудь заливное, или приготовить ее в томате...

Разумеется, никаких рыболовных снастей у нас не было. Зато был А. П. Коваленко, поэтому я и мысли не мог допустить, чтобы он не изобрел все необходимое для рыбной

лови.

Так и получилось. Когда я вернулся к стоянке, Коваленко сидел возле шипящего костра и увлеченно расплетал длинный белый шнурок из кеды. Значит, можно считать, леска у нас уже есть... Завтра он сделает еще из чего-нибудь пару крючков, мы наловим много рыбы и наконец как следует поедим. "Правильно, Толя?" — на всякий случай спросил я его, хотя нисколько в этом не сомневался. Ответил Коваленко коротко и обнадеживающе: "Завтра будем есть тройную уху".

Утром, когда густой туман еще цеплялся за кусты, делая лес неприветливым, Толя принялся возиться с остатком булавки. Минут за пятнадцать он сделал Два превосходных крючка. Потом срезал два длинных удилица. Смастерил из коры поплавки. И поспешил на рыбалку.

Часа три его не было, и все это время мы с Лешей мучились возле костра, истекая слезами от едкого дыма, сражаясь с гнусом и тщетно стараясь добиться успеха. Но костер никак не разгорался. Напрасно нам раньше не пришло это в голову: плюнуть на него в сердцах. Потому что, едва только мы это сделали, как над хорошо просохшей осиной тотчас возникло пламя.

И тут же пришел Коваленко. Он производил впечатление человека крайне расстроенного. Я не хотел верить в непоправимое и заглянул в котелок, еще сохраняя остаток надежды: там плавало три недоразвитых пескаришки, сантиметров по шесть-семь длиной. Теперь я знал, что это такое — тройная уха: это уха из трех пескарей.

Второй день мы идем вдоль реки. Берега ее раздвигаются, воды делаются быстрее, светлее. Она вьется в теснине меж сопок, открывавших над нею щербатые скалы, бурлит на порогах, вскипая и сразу после них успокаиваясь. Или вдруг совсем затихает в укромных заводях, словно бы отдыхая после бурной, стремительной жизни.

На наших глазах случайно встреченный в распадке родник превратился в ручей, потом стал вот этой рекой... Приведет ли она нас куда-нибудь? Должна привести. Даже самые большие реки где-то кончаются.

Во время переходов я ловил себя на том, что часто поднимаю рукав, чтобы взглянуть на часы. И всякий раз при этом думал: зачем мне часы? Зачем мне знать точно, сколько сейчас времени? Я могу сказать приблизительно, и этого окажется вполне достаточно. Разве мы куда-то спешим? Разве нас кто-нибудь ждет?

Это в городской современной жизни, где день разделен на часы и минуты, как движение поездов в расписании, не обойтись без часов. Такой суетливый век... Человек задыхается на бегу, пытаясь выкроить лишнюю минуту, и радуется, когда это ему удастся, а потом беспечно тратит часы, дни, месяцы, годы... И, даже сознавая невозвратимость и необъятную величину этой потери, снова торопится, чтобы сэкономить минуты. Но что значат минуты в сравнении с жизнью? А иначе мы жить просто не можем. Здесь, в тайге, время течет по-другому. Для человека, в ней потерявшегося, оно несетя скачками. А потом — безнадежно, медленно тянется. Всякая поспешность чужда тайге. Все в ее жизни вершится неторопливо. Она живет как бы в другом измерении времени. Если бы человеку было дано проникнуть в него — в другой жизненный ритм, — и пожить в нем немного, он бы увидел любопытные вещи. Увидел, как, вспучивая землю, шевелятся, движутся, прорастая вглубь и вширь, корни деревьев. Как стволы их раздаются и поднимаются к небу. Как лопаются почки ранней весной и как из них появляются листья и тотчас почти опадают, сраженные холодом осени. В том измерении и вся-то Земля преобразается заметно для глаза. Но это увидеть нам не дано. У нас свой жизненный ритм. Мы предпочитаем спешить, бежать, опаздывать, снова спешить... И сами не замечаем уже, как мало нам остается времени для того, чтобы подумать.

Леше приснился гастрономический сон: его якобы кто-то угостил банкой шпротов и сыром. И он, якобы не успев толком выразить благодарность, все это тут же схватил и спрятал. Не стал есть, а спрятал! Чтобы потом растянуть на несколько дней.

Алексей, проанализировав сон, объяснил, что это не что иное, как типичный "синдром голодания".

Теперь я точно знаю, что и у меня был такой же синдром: мне приснилось, что мы вышли к какой-то деревне, я кинулся со всех ног к магазину, а подбежав, увидел, что он закрыт на обед.

В это утро мы впервые увидели на березах осенние краски. Еще вчера вечером — я это точно запомнил! — береза напротив стояла совершенно зеленой, а теперь одна из ее средних ветвей сделалась желтой. Я даже не сразу понял, как изменился лес вокруг нас: за одну только ночь он сделался светлее, просторнее. Украдкой, под пологом ночи, колдовала здесь осень...

Часто вглядываюсь в лица своих товарищей. Как изменились, как устали они... У Леша — даже взгляд утомленный, немного печальный. У Толи сильно ввалились щеки, чувствуется, что иногда он заставляет себя через силу что-нибудь делать. Хотел бы увидеть и себя самого, да вряд ли это теперь скоро удастся.

Темнело: в тайге быстро сгущается тьма. Эту ночь мы встречали в старом сосновом бору — чистом, сухом. Сосна царствовала здесь безраздельно, пропитывая воздух пряным, бодрящим запахом.

Мы с Лешей нашли и прикатали большой пень, оставшийся от упавшей и сгнившей сосны. Он был без коры, абсолютно гладкий, как будто его специально полировали. Пень можно было бы определить как квадратный, если бы он не уродился цилиндром: высотой около метра и диаметром — тоже что-то около этого. Сначала мы хотели оставить пень на ночь: чтобы он сох и дольше горел. А потом передумали и решили сразу положить на огонь. Мало ли? Вдруг он совсем не станет гореть?

Пень вспыхнул сразу, как вязанка соломы. Как если бы его начинили хорошим зарядом пороха. Из его недр вырвалось высокое пламя, он загудел, завыл, как ракета на старте, и мне показалось даже, что еще какое-то мгновение, и он подобно ракете взлетит.

Пень, к счастью, не взлетел, хотя и продолжал угрожающе гудеть и дрожать, суля в скором времени разлететься на объятые пламенем обломки.

Все бы это еще ничего, но внезапно налетел сильный ветер, пламя на пне вытянулось, и из него роем вырвались крупные искры. А кругом — сухая трава, старая хвоя, подсохшие сосны, вплотную подступившие к нам... Я даже замер, представив вдруг себе, что может случиться, если хотя бы одна из всех этих искр найдет благодатную почву. И мы кинулись рубить топором, резать дерн ножами, собираясь для начала обложить пень с разных сторон.

А в нем тем временем выгорела насквозь сердцевина, и огонь моментально втянулся внутрь будто в трубу. Теперь пень весь был охвачен бушующим пламенем. Подойти вплотную уже не представлялось возможности — такой жар от него исходил. И нам приходилось с силой метать тяжелые плиты дерна, пытаясь сбить мощное пламя.

Постепенно мы все же закидали пень дерном со всех сторон, хотя он и не сдавался, высовывал хищные огненные языки в малейшую щель и нещадно дымил. Тогда мы стали брать землю руками и пригоршнями засыпать эти щели. Было невыносимо жарко. Пот лил с нас, как будто мы стояли под сильным ливнем. Все измазались землей, копотью. Руки от мелких ожогов зудели. Но мы только потом это заметили...

Полтора часа длилось наше сражение.

Вода в реке была ледяной. В ней плавал неведомо откуда взявшийся круглый кусок ослепительно чистого льда. И сразу захотелось приложиться к нему щекой, чтобы остыть.

Только позже понял, что это — луна.

Утром я взглянул на поле сражения: все оно изрыто и перепахано. Если бы такую работу проделал роторный экскаватор, его машинист наверняка получил бы премию за перевыполнение нормы.

Заворочались, закричтели друзья. Из-под капюшонов курток торчали только носы. Мы всегда так заворачиваемся на ночь, надеясь, что станет теплее. Но это лишь самообман!

— Уж небо осенью дышало... — продекламировал я им натоцак, надеясь с помощью классики отразить сегодняшний день. — Уж реже солнышко блистало...

Алексей сел, протер глаза грязной ладонью (отмыть ее вечером не удалось) и произнес таким тоном, каким обычно говорят:

— Прекратите! Короче! — Он огляделся, потянулся и добавил спокойнее: — Становился день.

И мы, медленно и весьма неохотно переставляя ноги отправились собирать грибы.

Не знаю, как мои друзья, но я уже начал потихоньку (про себя, разумеется) поругивать день, когда надумал ввязаться в эту историю.

Последняя дорога

С радостью и сожалением ушли мы из соснового бора. С радостью — потому что постоянный холодный ветер нас измотал и проморозил, казалось, насквозь. А с сожалением, потому что приятно все-таки жить в чистом сосновом лесу, где нет комаров и мошки.

Мы спустились еще дальше вниз берегом речки и к концу дня выбрали место для новой стоянки. Спасаясь от ветра, укрылись в низине, под защитой лесистого склона сопки. Ветер тут много тише, зато сразу же объявились комарики, и мошка с надоедами-мухами. Отмахиваюсь от них и время от времени думаю: "А чем, собственно, они все тут питаются, когда нас нет?"

Толя после последних неудач на рыбалке забросил удочки: что в них толку, если рыба не ловится? Да и червей трудно копать — сил-то мало. А здесь, в низинке, Коваленко не удержался: взял, размотал удочки. Минут за десять он поймал трех пескарей. А потом, сколько ни сидел, — ни единой поклевки! Очень непоследовательно ведет себя рыба в этих местах...

Вечером, перед тем как лечь спать, Толя повстречался с гадюкой. Оба проявили благоразумие и поспешили мирно разойтись в разные стороны.

Чуть позже, когда стемнело, над нашими головами неожиданно раздался странный — гудящий, с сильным свистом — звук. Подняли головы и увидели трех уток, летевших необыкновенно стремительно. Никогда не думал, что утки могут так быстро летать... И тут же пришло в голову: может, неподалеку где-то большая вода?

В пять утра нас разбудил мелкий дождичек. И эту ночь мы спали урывками, просыпаясь через полчаса, через час... Дремлешь, а в сознании прокручивается только одно: как бы костер не погас!

Часа через три дождичек кончился, и Алексей, словно под выстрел стартового пистолета, выскочил и принялся готовиться к завтраку: сходил с котелком за водой, подкинул веток в огонь. Готовить ему, конечно, особенно нечего. Вряд ли есть на свете кулинар, который всю свою жизнь готовил только одно: "грибы несоленые, разные, в собственном соку". Похоже, что мы ими наладились на всю жизнь вперед!

Спрашиваю друзей: "А что бы мы ели, если бы не было грибов?" Алексей: "Наверное, кору..." Толя: "Вообще бы ничего не ели. И то было бы легче!.." А яду-маю, ели бы один только шиповник. В тайге в это время его сколько угодно. Однако, конечно, неплохо бы

съесть и что-то другое...

Все чаще говорим мы о том, что купим в первом же магазине, который встретится на нашем пути. Я твердо решил: куплю банку сгущенного молока с какао, сделаю в ней две дырочки и, сев на ступеньки, тут же, у магазина, высосу до конца.

И вдруг почему-то подумал о змее, с которой встретился Толя. Лягушек мы в тайге до сих пор не встречали, поэтому лишены были возможности продегустировать их. А та змея живет рядом с нами, буквально под боком...

В общем, я говорю: "А почему бы нам не поймать эту змею?" Сказал — сам по себе, просто так. Но Толя сразу поднялся, взял длинную палку и, не говоря лишних слов, тут же устроился в засаду возле упавшего дерева, где, как видно, обитала змея.

Леша тоже сказал сам себе: "Змея, изжаренная на углях, — это угорь". Некоторое время он молча сидел у костра, потом опять, очень некстати, без всякой связи с чем-либо добавил: "Змеиный частичек в томате". Я понял, что, внутренне, он решил приготовить змею.

Прошел час, может, больше, когда раздался возбужденный крик Коваленко:

— Иди скорей сюда! Вот она! Голову видишь? — Толя показывал палкой в нору. Там, прижавшись к земле, свернулась гадюка. Мне она показалась величиной с анаконду средних размеров.

Подбежал Алексей, вооруженный суковатой дубиной, габариты которой наводили на мысль о предстоящей охоте на мамонта.

— Осторожно, — сказал я товарищам, — змея может ударить на расстояние, в полтора-два раза превышающее длину ее тела.

Я думал, что Коваленко тут же отреагирует: "Погоди, ее надо измерить..." Но на этот раз ошибся — уж слишком его захватила охота.

Я подцепил змею своей рогулькой, наспех выхваченной из кучи дров возле костра, она сразу же поползла из укрытия. И Алексей, изловчившись, нанес ей страшный удар своей дубинкой: этот удар мог бы проломить череп пещерному медведю.

Но он промахнулся. Земля от удара дрогнула... На нас посыпалась хвоя старой сосны... Алексей в возбуждении снова поднял дубинку.

— Погоди, — попросил я его, — ты еще нас перебьешь! И тут мне удалось прижать гадюку к земле. Толя

ударил два раза палкой, но змея вырвалась. Следующая сцена была очень похожа на главный эпизод из документального фильма о тигроловах. Возгласы и реплики у нас в точности соответствовали азартным крикам таежных охотников, берущих живьем матерого зверя.

— Держи крепче, а то уйдет! — кричал Коваленко, нанося удары палкой, от которых я с трудом успевал уворачиваться.

— Отойди!! — страшным голосом отвечал ему Алексей, не имея возможности опустить свое орудие смерти.

— Да возьми ты топор! — подсказывал я Коваленко. И Толя размашистым ударом канадского лесоруба

отсек змее голову. Топор так глубоко вошел в землю, что нам пришлось довольно долго его вытаскивать.

Мы не хотели ее убивать, но нам очень хотелось есть...

Я снял со змеи шкуру, выпотрошил, разрезал на равные кусочки, положил в крышку котелка и уже собирался было отнести на костер, как вдруг обратил внимание на большой пенек, который кто-то из нас прикатил от реки.

Это оказался удивительный, ни на что не похожий, прекрасный пенек! Потому что это

был не безобразный обломок старого дерева, а аккуратно отпиленный пень. Его отпилили! Значит, неподалеку отсюда бывали люди! Как это взбодрило и обнадежило нас...

Мы съели змею всю без остатка, вместе с костями, и сошлись на том, что это деликатес без всяких натяжек. Да, если бы удавалось ловить их штук по шесть в день — по две на брата, — мы бы скоро окрепли!

Ночью, когда я грелся у костра, отчетливо слышались оживленные женские голоса. Они звучали где-то очень близко от нас. Уже хотел будить Толю и Алексея, как вдруг понял: это наша речка журчит на камнях.

Ярко сияла луна. Серебряный свет заливал всю землю вокруг, словно бы покрыв ее светящимся инеем. Перевернутый ковш висел среди звезд, и казалось, что так непривычно — ручкой книзу — он повешен чьей-то небрежной рукой.

Иногда на черной поверхности реки в лунном свете вспыхивали гребешки ряби — голубоватые, фосфоресцирующие язычки на фоне бездонной, аспидной черни. Тихая, таинственная игра света и тени...

Утром я подошел к пню, чтобы еще раз его оглядеть. Это был очень старый пень: более трехсот годовых колец ажурным узором расходилось от центра. Наверное, он долго плавал в реке, потом сох на солнце, обдуваемый ветром, пока не стал таким вот — серым, морщинистым. Откуда принесла его на этот берег река? А может, именно здесь стояло то старое, могучее дерево?

В этот день мы покинули место ночевки чуть позже обычного. Поднялись на обрывистый берег — низом по нему не пройти, прошли по верху сопки, спустились в распадок, снова взобрались на кручу и сразу остановились. Потому что перед нами внезапно, как будто в кино или во сне, открылась большая река. Енисей.

Мы совершенно не были готовы к такой неожиданной встрече и потому испытывали странные чувства, в которых радость почему-то мешалась с печалью. Я и до сих пор не знаю — откуда она, эта печаль!

И вот мы стоим на макушке сопки и молча глядим на деревню — пустынную, тихую: люди все на работе, наверное. Эти люди живут здесь, в тайге, и каждый день ходят в тайгу на работу... И, странное дело, мы почему-то не спешим в эту деревню, а по старой привычке рубим колья и ветви, собираем дрова для костра, а Леша без промедления принимается чистить грибы, которые нашли по дороге.

Да, мы рвались из леса, хотели скорей выйти к людям. А когда цель оказалась видимой, близкой, остались в тайге. Мы не могли уже просто взять и уйти из нее! Почему-то не хотели с ней расставаться.

Вышли мы к деревне, названия которой не знали. А как узнали, поняли, что за время блужданий в тайге завершили вопреки нашей уверенности большой замкнутый круг. Правда, для того, чтобы назвать его замкнутым, нам пришлось пройти еще десяток-полтора километров.

Уже в Москве, вернувшись к привычным делам, я часто вспоминаю нашу таежную жизнь. Все-таки многому нас она научила! А вечером, когда за окном сгущается тьма, и еще позже, когда одно за другим гаснут окна высоких домов, мне время от времени вспоминаются ночи в тайге: холодные, бессонные. Если светила луна, тогда можно было подсмотреть, как шевелит ветер кроны кряжистых сосен. Как он треплет пышные прически берез — то колышет их, то взбивает нетерпеливо, то распускает их ветви, будто девушки распускают косы. Старый баловень-ветер...

Толя, поскольку он был в сапогах, «перевез» меня на другой берег, осторожно ступая по камням, а там начиналась дорога, наезженная тяжелыми самосвалами. И мы, не теряя времени,

по ней припустились.

Злющие собаки брехали на нас, почти бегущих, выскакивая из-за оград, и к тому времени, когда мы добрались до магазина, вокруг нас собралась злобная стая.

А магазин был закрыт! На засове висел тяжелый амбарный замок. Внутри все оборвалось. Что, если сегодня его вообще не откроют? Впрочем, нет. Перерыв на обед. И нам оставалось только одно: опуститься на деревянные ступени и ждать. Что мы и сделали.

Зато потом... Мы купили хлеба — черного и белого. Две банки соевых бобов в томате. Двенадцать банок разных рыбных консервов. Четыре банки кофе со сгущенным молоком и четыре — простой сгущенки. И еще четыре — джема из инжира. Мы набрали разных круп, макарон, вермишели.

Продавщица решила, видимо, что покупаем впрок на всю геологическую партию, и потому не удивилась, когда мы попросили взвесить огромный кусок масла, какого прежде я никогда не видел и, как вскорости выяснилось, не едал; потом — килограмм сахара, печенье, конфеты и чай. Ну, и конечно, долгожданную соль! Уф... Кажется, все.

— А как все это понесем? — озадаченно спросил Коваленко.

Да, действительно... Мы накупили столько продуктов, что могли бы накормить не только геологическую партию, но и какое-нибудь воинское подразделение, только что принявшее пополнение из новобранцев.

У нас был с собой рюкзачок, с которым прилетели из Москвы в Красноярск, но в нем, по предварительному расчету, могло поместиться не более половины. И все-таки мы набили его до отказа, а остальное рассовали по карманам и взяли в руки, завернув в бумагу.

Когда я попробовал рюкзак приподнять, ляжки его затрещали, а сам он остался лежать без движения. Тогда Толя, поднатужившись, поднял рюкзак и помог мне надеть его ляжки. После этого тронулись в путь. Наверное, мы были похожи на Али-Бабу, возвращавшегося из пещеры с сокровищами. А по дороге ели печенье.

И какое же пиршество мы учинили на нашей последней стоянке! Это была настоящая оргия. Леша попробовал было нас урезонить, но сделал он это столь робко и неуверенно, что нам с Толей не составило труда поразить его наповал своим аргументом: а почему, собственно, мы должны себя ограничивать?

Да, мы голодали семнадцать дней, но это было неполное голодание! Каждый день мы хоть понемногу, но ели, и желудки наши работали. И он не только как доктор, но и как полноправный член экспедиции не может это не знать по себе.

После мучительных профессиональных раздумий, длившихся секунды полторы или, может быть, две, доктор решительно сдался.

И мы набросились. Мы отрезали толстый слой белоснежного масла и клали его на изумительно пахнущий кусок черного хлеба. Потом мы ели ложками рыбу в томате, а после снова принимались за хлеб с маслом, нагрузив ломоть невероятным количеством джема. А покончив с ним, вновь накидывались на рыбу в томате.

"Заморив червячка", мы попили настоящего чая, а я высосал больше половины банки сгущенки, как и мечтал.

После обеда мы пришли к единодушному мнению, что так в тайге вполне можно жить. И мы еще на день остались здесь, потому что было бы безумием тащить все продукты с собой.

А к вечеру принимали гостей. На дым от костра явился молодой парень-пастух с двумя большими собаками. Он сообщил несколько заинтересовавших нас новостей: в реке, по которой мы шли, оказывается, обитают одни пескари. И брать их надо исключительно на короёда. Где же брать короёда, он не сказал. А в Енисее полно тайменя, только его надо с

лодки ловить. И, кроме того, в этих местах за неделю до нас, объявился медведь, задрал корову и утащил ее в лес. Он выел у коровы язык и вымя, после чего ее закопал — видимо, собираясь вернуться.

Покидая последнюю стоянку в тайге, мы оставили почти все, чем обладали. Пленка наша, с прожженными во многих местах дырами, была прочно натянута на крепкие колья и долго еще наверняка простоит. И оба котелка оставили тоже — как знать, может, кому-нибудь и сгодятся... В тайге есть обычай: на заимке держать что-нибудь для других. Ну а нам, кроме этого добра, оставить ведь и нечего.

Часа через четыре пути мы вошли в тот самый поселок, из которого вышли, как мне показалось, бесконечно давно. Мы вернулись в него точно с противоположной стороны.

Судя по всему, наше появление прошло для всех незамеченным: поселок был очень большой, люди занимались своими делами, а одеты мы были так, что интереса да вызывали ни в ком. Разве только в столовой. Кассир я буфетчица долго шептались, глядя на нас. Подозреваю, что со дня основания этой столовой вряд ли за один присест кто-нибудь съедал столько же, сколько собирались съесть мы.

Мы прожили в тайге трудное, но и счастливое время. Тайга подарила нам дни, которые мы, несомненно, никогда не забудем. Еще и еще раз мы спокойно взглянули на самих себя со стороны и даже в глубь своего «я» заглянули. У нас было время о многом подумать и кое-что переоценить.

Вышли мы из тайги обновленные, хочется даже сказать — очищенные. От чего? От тех волнений, которые ежедневно поставляют нам жизнь. А может быть, и еще от чего-то наносного...

Ели мы в тайге то, что смогли в ней найти. Ее земля была нам постелью. А ее звездное небо служило нам пологом. Впрочем, почему только звездное? Каждую ночь, ложась спать, я невольно ощущал себя где-то между небом и землей. Странное это было чувство. Пусть до звезд далеко, но и земля, казалось, обреталась где-то за нами...

Мы были одиноки все это время. Насколько могут быть одиноки три человека, затерянные в дремучем лесу! Не знаю, как мои товарищи, но я очень часто физически ощущал свое одиночество, даже и не думая о том, что на многие километры вокруг нет ни одного, не считая нас самих, человека. Только в горах, в пустыне и в море можно испытать еще такое же одиночество.

Я думал не раз: нам-то еще хорошо — нас трое. А как же тяжело остаться в тайге одному, имея в руках только то, что было у нас! Что ж из того, что мы не всегда сразу находили общий язык и временами чувствовали, что друг от друга устали? Зато сколько раз каждый нас ощущал поддержку товарища!

Что я раньше знал о тайге? Очень немного, хотя приходилось и прежде бывать в ней. Само слово «тайга» означало для меня только одно: грозный лес. Бескрайний, жестокий и молчаливый. Грозный.

Теперь же я научился лучше ее понимать. Я теперь знаю, что можно заставить ее сменить гнев на милое если со знанием и со спокойной уверенностью. Воспринимать то, что она предлагает.

Да, верно, тайга молчалива, сурова. Она может приют, накормить, но она же может и бесследно поглотить человека. Она снисходительна к тем, кто верит, кто понимает ее или, по крайней мере, хочет понять. И она же оборачивается безжалостной к тем, кто бон ее, кто не в состоянии — от страха или по безрассудству — оценить ее грозную силу.

Мы полюбили тайгу. И если бы кто-то спросил "Пошел бы ты снова на эти холодные, бессонные ночи, на эти несоленые грибы, вид которых вызывал у нас вращение, пошел бы

снова на это, зная, насколько все тяжело?"

Конечно, пошел бы! И оба моих товарища говорили об этом.

В жизни каждого человека, наверное, есть такие периоды, в которые ему по каким-либо причинам нелегко, а может, вовсе тяжело. Но предложите ему казаться от всего пережитого — ведь ни за что ни жется! Потому что были и светлые моменты в той; трудной жизни.

Так мы устроены. Нет худа нам без добра. И нет ощущения полного счастья без трудностей и неудач.

Особенно затруднено было восхождение наше тем, что на нашем пути стали попадаться казавшиеся совершенно свежими трупы животных, лежавшие в самых разнообразных позах, в которых их застала внезапная смерть. Между ними всего чаще встречались лошади, но было немало верблюдов, баранов и крупного рогатого скота, а два раза встретили мы и трупы людей. Все они прекрасно сохранились со времени их гибели в ледяной атмосфере верхней альпийской зоны.

Наш подъем по горной выемке, ведущей на вершину горного прохода, продолжался не менее двух часов, так как каждый неосторожный шаг мог стоить нам жизни. Наши лошади ступали робко, приходя в испуг перед лежащими поперек тропинок трупами. На одном повороте моя лошадь, испуганная неожиданной встречей с таким трупом, шарахнулась в сторону; я успел соскочить с нее на скалу, а она сорвалась вниз, но удержалась на обрыве, зацепившись задними ногами за торчавший камень. Почти в то же время одна из наших вьючных лошадей, вследствие подобного же испуга, сорвалась со своим вьюком, упала в пропасть и разбилась насмерть. На самых крутых частях подъема мои спутники вынуждены были идти пешком и вести лошадей в поводу, а я сам под конец подъема сошел с лошади и также шел пешком, причем был поражен тем, что беспрестанно должен был останавливаться, задыхаясь вследствие трудности дышать редким воздухом на такой высоте.

П. П. Семенов-Тянь-Шанский. "Путешествие в Тянь-Шань в 1856–1857 годах"

1. Спуск с горы Эверест (Юрий Рост)

Они вышли из палатки на высоте 8500 метров в шесть часов пятнадцать минут утра. Сколько усилий было предпринято ради грядущего дня!

Балыбердин — без кислорода, с рюкзаком, на котором были ключья, карабины, кошки, камера. Сразу за ним — Мысловский с двумя баллонами кислорода.

Никто пока не знал, когда они вышли и в каком направлении. Шли они довольно медленно. Мысловскому, экономя кислород, поставили расход один литр в минуту, и двигался он тяжело.

Было очень холодно. Солнце, скрытое облаками, не грело, спасибо, что светило. Пока они шли две веревки (метров, значит, девяносто) по «нашему» гребню к Западному, ведущему к вершине, ветер не особенно мучил. Но когда вышли на Западный гребень, на северную его сторону, страшный холод пронял их.

Видимо, они были слишком сосредоточены на самом процессе ходьбы, потому что не оставили отметку, в каком месте сворачивать при возвращении с Западного гребня на «наш», где палатка, чтобы не проскочить ее. Впрочем, возможно, они считали, что найдут дорогу домой и так, поскольку предполагали вернуться в пятый лагерь засветло.

С первых шагов оказалось, что путь к вершине сложнее, чем предполагалось. Тогда, вечность назад, все считали, что путь от пятого лагеря до вершины много легче того, что преодолели до пятого: чуть не пешая ходьба. А оказалось, что надо лазать, а лазанье это не везде

простое...

Скорость движения двойки была невысока, но они шли к вершине, медленно преодолевая сопротивление горы. Слово «шли», которое мы употребляем, даже отчасти не передает передвижение по горе. Есть много съемок этих передвижений, и зрители могут убедиться, что наиболее подходящие слова — "ползти вверх", "лезть по скалам", «карабкаться». Но мы говорим «шли», как говорят сами альпинисты.

С таким темпом они могли оказаться у цели слишком поздно. Балыбердин, двигавшийся первым в связке, увеличил расход кислорода Мысловскому до двух литров в минуту, и Эдик сразу ожил. Теперь они пошли быстрее. В восемь утра экспедиция узнала, что двойка — на пути к вершине. С этой минуты рация базового лагеря постоянно была на приеме.

Они шли и шли, и с каждым шагом становилось труднее. Вот уже у Эдика кончился первый баллон кислорода, начинался последний, а до цели пока не дошли. Чтобы сэкономить кислород, уменьшили Мысловскому расход вновь до одного литра. Он пошел медленнее, но уже не тормозил Балыбердина, который сам невероятно устал.

Они шли. Они не знали, сколько времени идут и до какой высоты добрались, но чувствовали, что дело затягивается. Бесконечная работа на горе отвлекала настолько, что они не замечали изменения своего самочувствия: вымотались вконец, не понимая этого. В четырнадцать часов пятнадцать минут Балыбердин вышел на связь. Он сказал, что они все идут и конца этому нет. И сил нет тоже — ни физических, ни моральных: каждый взлет, каждый пупырь принимают за вершину, а ее все не видно, и когда это кончится, он не знает.

В базовом лагере все сидели в то время в кают-компани. Начальник экспедиции Е. И. Тамм пытался ободрить Балыбердина, просил его чаще выходить на связь.

И вдруг тот, двигавшийся, понял, что дальше идти некуда. Он так вспоминает выход на вершину:

— Мы шли до нее восемь часов и в конце концов выползли туда. Смотрю: туда — спуск, сюда — спуск. Здесь — Непал, там — Тибет. Чо-Ойю не видно, Махалу не видно. Только Лхоце сквозь облака тяжело так чернеет. В общем, почти ничего не видно вокруг. Я вышел на самую макушку и увидел метрах в трех дальше железку белого металла. Тряпки в ней цветные, выгоревшие привязаны... Ну, думаю, наконец-то. Достал рацию и связался с Таммом:

— Во все стороны путь только вниз. Что будем делать?

Это был великий момент в жизни Тамма.

Балыбердин утверждает, что, не оценив юмора — довольно тонкого (учитывая состояние Володи и наличие Всего одной трети кислорода в воздухе по отношению к уровню моря), — Тамм деловым тоном спросил, где Эдик, спросил снять панораму и описать вершину. — Какое сегодня число, — спросил Балыбердин, — и — который час?

— Четвертое мая, четырнадцать тридцать пять, — сказал Тамм.

Это был важный момент в жизни экспедиции.

Усилия многих сотен людей, которые готовили, организовывали экспедицию и участвовали в ней, были увенчаны блестящей победой. Миллионы советских любителей спорта могли гордиться спортивным подвигом альпинистов экспедиции. Балыбердин, впрочем, чувствовал еще и великое облегчение: что не надо ползти вверх. Он раскопал камеру и ждал подходившего Эдика. Он говорит, что специально не дошел до тревоги, чтобы снять проход Мысловского по девственному снегу.

Эдик подошел. Володя попросил его подождать, чтобы подготовиться к съемке, но Мысловскому не хотелось ждать. Он слишком долго и трудно шел, чтобы останавливаться. Он прошел мимо Балыбердина, сделав несколько шагов по нетронутому снегу, и сел возле металлического штыря треноги.

Тут можно вспомнить первовосходителей на Эверест — Хиллари и Тенцинга, которые старались подчеркнуть, что в парном восхождении не может быть первого (и даже создали документ, подтверждающий, что они ступили на макушку ПОЧТИ ОДНОВРЕМЕННО). Можно вспомнить и других восходителей, которые последние шаги к вершине делали обнявшись и в ногу, чтобы не сеять раздор.

Мысловский и Балыбердин вышли к вершине с интервалом. Но вышли они вдвоем, единой связкой. И хотя Балыбердин первым ступил на верхнюю точку планеты, это была не только его заслуга или заслуга двойки, а результат усилий всей команды. Дело было сделано.

Володя потом, вспоминая этот момент, говорил, что ни торжественных, ни высоких мыслей в голову ему не приходило. Он был просто рад, что первым из советских альпинистов они ступили на вершину.

Потом начали снимать. Сначала Балыбердин — Эдика, потом Эдик — Бэла. Облака были высоко, и панораму снять не удалось. Потом они снова связались с базой. Из-за дикого холода питание в рации подсело, и было слышно не очень хорошо.

Тем не менее ребята с вершины сообщили, что они оставили у треноги пустой кислородный баллон, а Тамм посоветовал им снять панораму и быстро спускаться вниз: он боялся, что в темноте Балыбердин с Мысловским не найдут, где сворачивать с Западного гребня к лагерю-5.

Они и сами понимали, что нужно торопиться. Пробыв час на вершине, начали двигаться вниз. И тут пошел снег.

Двигались очень медленно. Цель была достигнута, задание выполнено, и они, возможно, исчерпав запас моральных и физических сил на подъем, не оставили себе ничего на спуск. Подъем принадлежал всем, всей экспедиции, всему советскому альпинизму, спуск-только им.

Может быть, так казалось Балыбердину и Мысловскому и несколько деморализовало их? Нет, это рассуждение — после события, когда свершившейся практике пытаются послать вдогонку хоть какую-нибудь теорию, чтобы было посолиднее... Здесь этого не надо, потому что само происходившее было моментом, а момент нельзя расчленять. Он существует как единое целое и вмещает в себя больше чем практику и теорию: он вмещает в себя жизнь. Иногда целиком.

За полчаса они спустились совсем немного, оставалось часа два с половиной светлого времени, и они смогли серьезно застрять на сумасшедшей высоте, обессиленные, голодные, жаждущие. И без кислорода. Балыбердин сказал об этом Мысловскому. Он сказал Эдику, что им грозит холодная ночевка.

Способность трезво оценивать трудности, реалистически подходить к своим возможностям полезна не только для альпинистов. Обманывать другого человека — плохо, никуда не годится, но это хотя бы объяснимо. А обманывать себя — просто бессмысленно. И вдобавок может быть чревато непредсказуемыми последствиями...

Значит, Балыбердин сказал, что им грозит холодная ночевка. Мысловский поначалу не оценил ситуации: он считал, по-видимому, что у них есть шанс спуститься, Балыбердин убедил Эдика, что надо сообщить базе и группе Иванова о возможной их холодной ночевке.

Это был нормальный поступок. И сильный.

Ни Мысловский, ни Балыбердин не знали, что четверка Иванова в полном составе сидела в пятом — предвершинном — лагере. Вернее, не сидела: ребята работали, расширяя лагерь, чтобы в нем могли ночевать четверо.

Сначала они собирались разделиться, если взошедшей двойке негде будет ночевать, а потом, узнав, что Мысловский с Балыбердиным ушли с вершины поздно, решили их дождаться, уложить отдыхать, а самим пересидеть как-нибудь и утром пораньше выйти вчетвером на штурм.

Устроив палатку, они забрались в нее и занялись приготовлением пищи.

— Зона смерти, а чувствуем себя нормально, — говорит Сережа Ефимов.

— Все, мужики, завтра будем там, — отвечает Бер-шов. И в это время рация, которая постоянно была включена, заговорила напряженным голосом Балыбердина.

Было шестнадцать сорок пять 4 мая 1982 года. Балыбердин просил:

— Хоть бы вы вышли навстречу с кислородом, что ли? Потому что исключительно медленно все происходит. Если есть возможность, принесите горячий чай и что-нибудь поесть.

— Это говорил Бэл, — рассказывал мне потом Ефимов. — Уж если он просил помощи, значит, дело было действительно плохо. Мы поняли, что им грозит холодная ночевка.

— Что это значит?

— В их ситуации это значит — конец.

Потом, правда, Мысловский скажет, что они могли бы спуститься к пятому лагерю сами. Никто не знает, что было бы, не вызови Балыбердин помощь. Но все сходятся на мысли, что помощь была необходима и дала возможность избежать последствий куда более серьезных, чем обмороженные пальцы.

Тамм, услышав сообщение Балыбердина, насторожился. Он спросил, как Володя оценивает высоту и как идет Эдик. У Эдика кончился кислород, а высоту они определили в 8800. С начала спуска они не сделали и пятидесяти метров.

Иванов предложил им спускаться, пока есть светлое время.

— А мы вам навстречу пойдём немного. Но Бэл просил кардинальной помощи.

— Я считаю, что надо двойке выходить, — сказал Тамм.

В пятом лагере тоже так думали. Балыбердин из-под вершины поинтересовался, сколько у четверки кислорода.

— У нас с кислородом нормально, — успокоил его Иванов.

В базовом лагере воцарилась тишина. Там, внизу, они ничем не могли помочь, кроме совета. Никто ведь не знал, в каком состоянии альпинисты наверху! Да и ситуация у них была совершенно неясная. Понятно было одно: что пятьдесят метров — это слишком мало, ненормально и что нужна помощь.

— Валентин, надо выходить вперед. Второй двойке не двигаться. Брать кислород на двоих.

Балыбердин, мы помним, шел без кислорода. — В общем, вы решайте, а мы продолжаем спуск, — сказал Бэл.

То, что они «продолжали», было мало похоже на спуск. Это мучительно тяжелое сползание с горы. Выпавший снег сделал скалы, по которым они недавно шли наверх, неузнаваемыми и скользкими, как обледенелая черепичная крыша.

Эдик, шедший на спуске впереди, ошибся в выборе направления и ушел в сторону от маршрута на сложную стенку. Желая облегчить работу, обессиленный Балы-Бердин снял рюкзак и оставил его на скалах, намечая себе завтра быстро «сбегать» за ним из пятого лагеря. Ощущение места и времени стало притупляться. Темп движения еще больше замедлился. Они шли, страхуя друг друга, и каждый метр спуска давался с трудом. Услышав просьбу Балыбердина, четверка Иванова стала решать.

Идти или не идти — вопроса не было. Был вопрос — кому идти. Готов был выйти на помощь каждый. В этот момент Эверест превратился для четверки в цель номер два, уступив место тому, что стало главным в этой ситуации — помощи товарищам. Тот, кто пойдет за Балыбердиным и Мысловским, дойдет до них и спустится в лагерь, возможно, уже не увидев вершины: может не хватить ни сил, ни кислорода на вторую попытку.

Выполнить эту сложную работу должны были самые ловкие и выносливые в четверке. Им бы по бытовой логике и быть на вершине, раз они быстрее. А по логике Эвереста все получалось наоборот.

Бершов и Туркевич стали готовиться к выходу. Но тут Сережа Ефимов, вспомнив, что Туркевич после прихода в пятый лагерь долго не снимал кислородную маску (а это могло означать, что Миша не очень хорошо себя чувствует), предложил идти в паре с Бершовым. Возник спор. А ведь речь шла не о восхождении, а о Деле, в результате которого победившие в споре, вероятно, лишались выхода на вершину. Иванов не был среди Кандидатов: он понимал, что уступает всем трем (особенно Бершову с Туркевичем) в скорости хождения по Скалам.

Туркевич убедил всех, что должен идти с Бершовым. И в том, что они шли вдвоем, своей связкой, были логика и смысл.

Бершов с Туркевичем — великолепные скалолазы. Не раз они выигрывали призы за скоростное прохождение стенных маршрутов и у нас в стране, и за рубежом. Опыт высотных восхождений у них был меньше, чем у Иванова и Ефимова, но зато в гималайском опыте они все были равны. А на прошлых выходах для провешивания веревок — работали впереди, и то, что делали, делали быстро и надежно.

Внизу волновались, каждый шорох в динамике принимали за вызов. Рация в базовом лагере была включена постоянно. Пока ничего страшного не произошло, и будь первая двойка в хорошем состоянии, она, начав спуск в половине четвертого, могла бы к вечерней связи вернуться в пятый лагерь. Ведь возвращались же и Мысловский и Балыбердин с обработки маршрута, что называется, после ужина! Но тут все было иначе. Тут Балыбердин

попросил помощи. "А если уж Бэл..."

Выйдя на связь где-то после шести вечера 4 мая, Тамм узнал от Туркевича, который нес рацию, что их двойка уже в пути. В это время Балыбердин с Мысловским продолжали мучительно медленное движение вниз. Ветер выдувал из них последнее тепло, невыносимая жажда мучила альпинистов: шел тринадцатый час после их выхода из пятого лагеря. Время нормальное для того, чтобы выйти в гору с высоты 8500 и вернуться обратно.

Они взошли, а вот вернуться — получалось плохо. Наступала их четвертая ночь на высоте выше 8000 метров. Две они провели на 8250, одну — на 8500. А эту? После просьбы Балыбердина принести кислород Мысловскому и горячее питье прошло еще часа полтора, а спустились они хорошо, если метров на 100...

Связавшись с Таммом, Балыбердин усталым голосом сказал:

— Мы ничего не знаем, как вы внизу, что решили?

— Володя, минут двадцать назад к вам вышла двойка с большим набором медикаментов, кислородом, питьем, — ответил Тамм.

Под вершиной, в темноте, в холоде, вымотанному до изнеможения Балыбердину пришла мысль, которую он, как только это стало возможным, записал в дневнике: "Мне на помощь пришла группа, которую я когда-то ("когда-то" — это было всего неделю назад, но время для них уплотнилось) назвал "хилой командой" и высказал сомнение в их надежности. Жестокий урок!"

"Сообщение о выходе Туркевича с Бершовым, — запишет в дневнике Володя Балыбердин, — с одной стороны, радовало, с другой, мы, видимо, совсем расслабились. Пожалуй, и соображал я плохо, так как прошел мимо собственных кошек вместо того, чтобы надеть их. Очень хотелось снимать рукавицы на таком морозе. Одна рукавица была порвана, рука в ней мерзла, потому я Постоянно менял рукавицы местами..." У Эдика кончился кислород.

Связанные единой судьбой, Балыбердин и Мысловский продолжали свой мучительный путь. Без кислорода, подмороженными руками, обессиленный Мысловский чувствовал себя чрезвычайно тяжело. Чудовищным усилием воли он заставил себя двигаться, показывая и себе Балыбердину свое место в связке.

Балыбердин, обессиленный бескислородным восхождением с тяжелым спуском, тем не менее выполнял функции сильнейшего. Он шел большей частью вторым, страхуя двигавшегося впереди Мысловского, который вбирал маршрут.

Этим утром проводили из базового лагеря передовую Связку четверки Хомутова — Алексей Москальцев и Юрий Голодов по ледопаду вверх, полные сил и желания завершить свой путь на вершине. На следующий день вслед за ними должны были выйти Валерий Хомутов и Владимир Пучков.

Но вышли они раньше... и не на вершину, а к трещине на ледопаде, куда упал Леша Москальцев. Поначалу никто в лагере толком не понял, что произошло, поскольку Голодов произнес по рации странные фразы:

— Значит, Евгений Игоревич, здесь, у выхода на плато, где был завал, Леша упал с лестницы в трещину. Подвернул ногу. Я сейчас его вытащил. Он наверху Вообще, все нормально. Он не так сильно подвернул ногу.

Получилось, что Москальцев упал, но не очень страшно. Все. Но все-таки Голодов попросил подослать заместителя начальника экспедиции по хозяйству Л. Трощиненко и доктора Орловского.

Позже Голодов объяснит, что реальную ситуацию решил не описывать, поскольку знал, что Балыбердин и Мысловский идут к вершине, и не хотел, чтобы они, услышав о том, что

произошло с Лешей, расстроились.

А произошло вот что. Москальцев с Голодовым, воодушевленные выходом первой двойки к вершине, шли по ледопаду, по которому ходили уже не раз. Но ледопад — коварная штука. Сколько ни ходи, нельзя к нему привыкать. Ты не имеешь права на автоматизм, потому что это — начало пути или конец его.

...Однажды я спросил знаменитого летчика Владимира Коккинаки, что отличает испытателя от обычного летчика, и был готов услышать целую гору разностей.

Владимир Константинович тем не менее назвал одно самое важное отличие. Оно заключалось в том, что испытатель не должен иметь привычку летать. Он каждое движение должен делать не механически заучено, а осмысленно. Это очень непросто — быть постоянно в напряжении и не давать себе возможности расслабиться, включив внутренний автопилот. Вероятно, вообще следует жить так, как летают летчики-испытатели. Но не получается...

Москальцев и Голодов, как и остальные участники гималайской экспедиции, — испытатели. Они испытывали в Непале себя, свои возможности, способности, свое умение, мастерство, свои человеческие ресурсы. Испытание Эверестом требовало максимальной концентрации сил.

Но каждый из них в обычной, не эверестовской, жизни был простым человеком, не суперменом отнюдь, со своими привычками и слабостями. Увидев упавшего Москальцева, Голодов повел себя по-житейски привычно: хотел, как говорится, "подготовить родных и близких", поэтому-то к реальной информации подбирался постепенно.

В следующий сеанс связи он уже сообщил, что ситуация несколько хуже, чем он ожидал — у Алеши сильно шла кровь из носа, и даже холод не останавливал ее. Кроме того, с ногой сложности — видимо, основательно подвернул...

Доктор экспедиции, Свет Петрович, велел, чтобы Москальцев лежал не двигаясь. А Тамм отправил к месту происшествия Хомутова, Пучкова, Трощиненко, Орловского. Потом ушли Овчинников, Романов. Все двигались встречать, помогать и нести Москальцева.

Позже Трощиненко рассказывал:

— Мы с доктором, Пучковым и Хомутовым вышли к месту, где стоял Голодов: его было видно издалека. Что произошло — толком никто не представлял, потому что Голодов что-то темнил. Во время радиосвязи не сказал четко, что там на самом деле. Сочинял что-то... Поэт! Мы пришли раньше Орловского и думали взять Лешку за шкуру и вести вниз. А как посмотрел я на него, нет, думаю, пусть лежит парень до доктора., Зрелище, было, по свидетельству спасателей, тяжелое. Огромный синяк- гематома — закрывал пол-лица. Москальцев лежал на снегу. Смотрел не мигая на Эверест одним только глазом. Увидев подходящих ребят, закрыл его, а когда открыл, родившаяся в нем слеза поползла по щеке. Он все понял. До этого момента, может быть, еще надеялся, что обойдется.

Хотя как могло обойтись? Счастье или случай, что остался жив. Но об этом Леша не думал. Он думал, что ребята завтра пойдут на гору и вернутся "со щитом". А его "на щите" теперь отнесут вниз. Это было, вероятно, не самое опасное место на ледопаде — две соединенные в стык лестницы образовывали узкий мостик через трещину. Параллельно с мостом натянута веревка, за которую нужно было зацепиться карабином. Но чувство испытателей покинуло ребят. Они помнили, что самое сложное их ждет впереди, у вершины, там, куда теперь приближаются Балыбердин с Мысловским. А ледопад — вещь привычная.

Не мне им напоминать, что ничего привычного в их маршруте быть не могло. Каждый шаг, даже по проложенному пути, таил в себе огромную опасность.

Москальцев не пристегнулся к веревке. Проходя покосившуюся лестницу, он остутился

и, влекомый тяжелым рюкзаком, стал падать.

Я написал: "стал падать", и получилось ощущение, что все происходило медленно. Это результат рассказа самого Москальцева. Мягкий, обаятельный, спокойный, Леша рассказывал об этом событии так, словно видел его в замедленной съемке.

Вот он наклоняется и понимает, что, опрокинувшись, упадет вниз головой. А это хуже, чем ногами...

Вот хватается за перильную веревку, и веревка под тяжестью падающего тела вырывается. Но успевает "поставить его на ноги" в воздухе...

Вот он долго (пятнадцать метров — это высота современного шестиэтажного дома) летит, ударяясь о ледяные выступы...

И, наконец, лежит. И видит далеко на фоне неба фигуру Голодова. Тот спускает ему веревку, Москальцев

сам (потому что кто ему может помочь в этой ситуации?) привязывается и с помощью Голодова начинает выбираться из ледяного мешка...

Все это было удивительно. И то, что он жив. И то, что сам после падения выбрался из трещины. И то, что плакал не от боли, а от обиды, что не увидит Эвереста в тот момент, когда все муки подготовки и прохождения маршрута были позади и оставался только праздник. Трудный, великий праздник восхождения на Эверест.

Так, на "ровном месте", выбыл из команды Хомутова Леша Москальцев. Была четверка. Стала тройка.

Минут через сорок после Трощиненко к Москальцеву поднялся доктор Орловский. Он определил серьезное сотрясение мозга, остальное — пустяки: ушибы....

— И все! — продолжал рассказ Трощиненко. — Взяли станок (на нем носят рюкзаки и прочую поклажу), погрузили человека и понесли по очереди, метров по тридцать, по сорок. Так и тащили. Он был в совершенном шоке. Не потому, что упал или ударился. Он просто, как всякий человек, очень хотел залезть на гору...

Я его успокаивал, как мог. Говорил: Леша, когда мне дали высоту не выше базового лагеря и я понял, что горы мне не видать, я всего две недели не спал. Ну и ты не поспишь две недели. Но ведь ты в основном составе! Ты нюхал воздух выше восьми тысяч метров! У него от удара на лбу отпечаталась шерстяная шапочка. Значит, удар был очень приличный. Так мы его и несли...

Потом встретили нас Овчинников, Романов, шерпы. Появились носилки. Стало совсем просто нести. К этому времени мы уже перевалили его через трещины, где установлены в качестве мостков такие же лестницы, как та, где он... Ну мы перенесли его четко. Не первый раз!

К этому моменту, когда Леша Москальцев занял свое печальное место в палатке, Бершов и Туркевич, поставив себе расход кислорода на два литра, быстро шли на помощь Балыбердину и Мысловскому.

Они надели на себя все теплые вещи, потому что никто не знал, что такое ночное восхождение на Эверест. Поначалу им было жарко — так резво стартовали. Рюкзаки, по ощущению, были килограммов по двенадцать: три баллона кислорода, кошки (у Мысловского свои пропали с рюкзаком, и ему несли ефимовекие), питание, фляги и фонарик, который перед выходом из па-рглатки сунул Туркевичу в карман Сережа Ефимов.

Быстро пройдя две веревки до Западного гребня, они вышли на него и повернули к вершине так же, как и первая двойка, не оставив метки у поворота. Впрочем, возможно, ночью они бы и метки не нашли. Временами луну затягивало облаками, и снежная крупа

неслась с неба...

В это время Балыбердин с Мысловским продолжали мучительно медленно движение вниз. Холод и невыносимая жажда донимали альпинистов. Особенно Балыбердина, который дышал сухим — «забортным» — воздухом. Шел тринадцатый час после их выхода из пятого лагеря.

Бершов с Туркевичем приближались к месту встречи. А где это место, они не знали. Пока шли по гребню — вверх, а вот за каким «углом» находится первая двойка, не представляли. Иногда они видели следы на снегу, потом теряли их...

— Двойка имеет рацию? — спросил Балыбердин Тамма.

— Да, — ответила база. — Володя! Если ты в состоянии двигаться с открытой рацией, то двигайся с открытой.

Но Балыбердин ответил:

— Врожде-то это сложно. Если они к вам обратятся, — сказал он прерывистым голосом, — скажите, что маршрут наш проходит так: если идти от них, снизу, то все время надо брать правее и по самым верхушкам гребешков. Не нужно брать влево.

— Как ваше самочувствие и как вы спускаетесь? Какой темп?

— Спускаемся очень медленно. Но все-таки спускаемся, работаем потихонечку... Постоянно идет снег. Видимость сто метров.

Туркевич с Бершовым все переговоры слышали и по голосу почувствовали, что Володя очень устал.

Но даже при почти запредельных для жизни нагрузках они сохранили способность реалистически мыслить, хотя сначала Мысловский считал, что вызов на помощь группы Иванова не был необходим, что они могли дойти до пятого лагеря сами.

Балыбердин, наоборот, утверждал и утверждает сейчас, что сделал правильно. Трезвая оценка своих возможностей — один из признаков здоровья и высокого класса. Возможно, не будь снега (они ведь оба шли без кошек) и свети им полная луна, они сохранили бы шанс дойти и выжить. Но на Эвересте надо рассчитывать только на себя, на свои возможности, не при благоприятных, а именно при экстремальных условиях.

При экстремальных условиях Балыбердин с Мысловским до пятого лагеря сами могли и не дойти... Впрочем, не будем додумывать ситуацию.

Итак, Мысловский спускался первым, за ним, страхуя, Балыбердин. В одном месте Эдик — по ошибке или в поисках лучшего пути — уклонился от маршрута метров на тридцать влево, и Володя долго не мог сползти за ним...

Дело в том, что спускаться последним, свободным лазаньем, сложнее, чем подниматься первым. Там перед глазами зацепки и есть возможность забить крюк или завести страховочную веревку за выступ. Здесь же и крюк и выступ останутся позади. У спускающегося первым надежная верхняя страховка, можно воспользоваться веревкой. А последний лишен этих преимуществ, он идет с нижней страховкой. Первый может пройти хоть по гладкой стене, второму нужен путь, где он мог бы хоть за что-нибудь цепляться.

Сойдя кое-как, Балыбердин увидел, как ему показалось, две фигуры в сотне метров ниже. Он сообщил об этом базе, и Тамм, хотя все, кто был в радиорубке, сомневались в этом, объяснил, что Володя видит двойку. И Туркевич сомневался.

В этот момент связь с базой была нормальной. Через несколько минут Тамм снова вызвал тех, кто на горе. Но рации молчали. Он твердил:

— Миша! Миша! Володя, Володя. Ответьте! И снова:

— Ответьте! Миша! Володя! База на приеме! Потом через некоторое время опять:

— Вы спускаетесь вниз или нет? Все вчетвером? Как хотелось Тамму, как ему было бы

спокойно,

если бы они сказали — спускаемся... Судьба Бершова и Туркевича, то, что они пожертвовали горой, его сейчас не занимало. Да и не могло занимать! Тамм понимал: если, начав спуск в половине четвертого вечера, Мысловский и Балыбердин в девять часов встретились с Бершовым и Туркевичем всего метрах в ста пятидесяти от вершины, значит, самостоятельный их спуск в пятый лагерь чреват осложнениями.

Когда по предложению Тамма двойки должны были встретиться, он снова вызвал Эверест:

— Миша, Миша! Володя, Володя! Если все в порядке вы вчетвером спуститесь вниз. Скажи несколько раз: четыре, четыре, четыре, и мы пойдем, что все в порядке, вы спуститесь вниз все четверо.

Но гора не отвечала.

Бершов с Туркевичем подошли к двойке в девять вечера, предварительно отозвавшись на голос в ночи. Теплового компота и еды было не так уж много. Но были и кислород, и окончание одиночества.

Те двое стояли, не двигаясь, поджидая своих спасителей. Бершов спросил Мысловского, как он себя чувствует, и тот с трудом проговорил: «Нормально». Балыбердин сказал про себя: "Плохо, устал, вымотался". Потом они попили, перехватили "карманного питания", если честно — "три инжиринки на двоих, и все", — замечает Балыбердин. Туркевич надел кислородную маску Эдику, Бершов — Володе. То, что Мысловский был без кошек, они знали: его кошки упали в пропасть вместе с рюкзаком. Но отсутствие кошек на ногах Балыбердина их удивило. Потом они, как и сам Володя, поняли, что тот прошел мимо кошек, лежавших на его пути, с вершины не случайно: это было следствием усталости. Отсутствие достаточного количества кислорода, считают медики, при длительном пребывании без маски на такой высоте может привести к тому, что человек начинает хуже соображать, забывать, что делал, неправильно оценивает время и расстояние...

Альпинисты рассказывали, что скорость работы без кислорода падает раза в два по сравнению с работой при потреблении двух литров газа в минуту. Что сильно мерзнут конечности. Что от сухого морозного воздуха и усиленной вентиляции горло воспаляется настолько, что становится невыносимо больно проглатывать слюну, к будто глотаешь битое стекло. Что садится голос, становясь слабым и хриплым.

Две двойки стояли друг против друга.

— Сколько до вершины? — спросил Бершов.

— Часа два с половиной, — сказал Балыбердин. Дедовский кивнул — правильно. Сами они спускались пять с половиной часов, но понимали, что Бершов с Туркевичем спрашивают их о другом. — Сможете двигаться сами?

Вышла луна. Она заливала светом дикое нагромождение Гималаев, мертвые, промерзшие камни высочайшей из гор и четырех людей у ее вершины, двое из которых должны были сказать, что могут идти сами вниз, чтобы двое других пошли вверх.

— Давайте! — сказал Балыбердин.

Он прекрасно понимал, что задумали Бершов с Туркевичем. Продолжить теперь путь к вершине — это единственный шанс для второй двойки увидеть ее.

Балыбердин вызвал их на помощь, поставив под удар исполнение Сережиной и Мишиной мечты. Теперь он имел возможность помочь ее воплощению в жизнь.

Балыбердин, связавшись с Таммом, сказал, что ребята принесли кислород, накормили их, и спросил, можно ли им идти на вершину.

— Нет! — категорически запретил Тамм.

— Почему нет?! — закричал Бершов, выхватив рацию у Балыбердина.

— Сколько у вас кислорода? — спросил Тамм, уловив решительность собеседника.

— По триста атмосфер на каждого, — ответил Бершов.

Тамм замолчал. Это было тяжелое ожидание, хотя длилось оно всего секунд пять. Но в эти пять секунд решалась судьба всей их альпинистской жизни.

— Сколько до вершины?

— Часа два-три.

— Хорошо.

Евгений Игоревич, запретивший сначала ночную попытку, потом в необыкновенно сложных условиях быстро сориентировался и не настаивал на самом спокойном для себя, для Эдика и Володи варианте. Он взвесил интересы участников драматического спуска и счел возможным устроить счастье для Бершова и Туркевича.

Ситуация, в которой Тамм мог разрешить или не разрешить ночной подъем, сама довольно сложная и дает возможность для толкований и обсуждения. Я помню, как мы беседовали на эту тему с радистом и переводчиком Юрием Кононовым.

Он — обладатель бесценных для истории магнитофонных записей переговоров с вершиной, свидетель всех споров, рождений решений. Словом, у него по экспедиции собран очень интересный материал. И главное, достаточно достоверный. Неизвестно, что происходило в лагерях, никому не известно, кроме самих участников тех событий. Но известно то, что они по рации рассказывали себе. Другими словами, сама жизнь неведома, но образ ее, образ той жизни, которую рисовали альпинисты, вполне постижимы.

Так вот, Кононов, обладая большим набором магнитных слепков образа жизни альпинистов и выварившись в гуще событий, с улыбкой, обаянием, но совершенно безапелляционно сказал, что Туркевич с Бершовым вдвоем спасли экспедицию от трагедии. Если бы не

они, то все закончилось бы очень печально.

Я не владею всеми магнитофонными записями. Но, поговорив с участниками событий, имевших, как говорят, место на горе 4 мая 1982 года, пришел к выводу, что Кононов неточно оценил ситуацию.

Дело было бы, возможно, совсем худо, если бы вся четверка Иванова не оказалась в пятом лагере. Тогда помощь первой двойке была бы более проблематичной. Из четвертого, а тем более третьего, лагеря выходить к Балыбердину и Мысловскому было поздновато. Не окажись в пятом лагере Бершова и Туркевича, я уверен, что без тени сомнения на помощь вышли бы Иванов с Ефимовым или любая другая связка.

Другое дело, что Иванов с Ефимовым, встретив Балыбердина с Мысловским, вероятно, не пошли бы, как они сами говорили, ночью на вершину. Не только потому, что уступали в скорости движения по горе Сереже и Мише (хотя это — существенно, потому что Иванов с Ефимовым пришли бы к первой тройке позже и выложились бы больше), но и потому, что Мысловский — Давний друг Иванова: с ним он не раз ходил в горы, не раз рисковал. А увидев Эдика в не очень рабочем состоянии, Иванов не рискнул бы его оставить.

Справедливости ради подчеркнем, что и Туркевич с Бершовым долго не решались оставить Мысловского и Балыбердина без присмотра: не очень уверенно те начали спуск. Но потом вроде немного взбодрились, и тогда Бершов с Туркевичем отправились к вершине.

Впоследствии этот шаг Сережи и Миши обсуждался альпинистами — участниками и не участвовавшими в экспедиции. Среди других бытовало мнение, что им нельзя было бросать Балыбердина и Мысловского и надлежало спускаться с ними вместе.

Не знаю и не представляю, кто, кроме тех четырех и Руководителя, мог и может это

знать. Если исключить возможность самостоятельных решений, то альпинизм можно закрывать. Никакими правилами и нормами не оговоришь всех ситуаций, которые могут возникнуть при восхождении, да еще таком. Да, там, над всем миром, оторванные от родных, близких, от товарищей, они решают все самостоятельно: и это естественно! И они сами, коллективно так решили: одни способны идти вниз, другие — быстро вверх и назад. На помощь. Тогда все — и первые и вторые будут лишены главного груза, главной тяготы: одни — ощущения, что из-за них не вышли на вершину не менее достойные, чем они, ребята, другие — что они, достойные вершины, не вышли на вершину из-за первой связки.

Если бы Бершов с Туркевичем почувствовали беспомощность первой двойки, или те сами бы попросили возвращаться вчетвером, тогда разговор был бы предметным. Точнее, его совсем не было бы, потому что они — немедленно и без сомнений — начали бы спуск вчетвером...

А так можно только подивиться, с какой скоростью вторая советская двойка поднялась на вершину, в каком блестящем стиле... Словно они всю свою спортивную жизнь занимались высоким альпинизмом!

На путь из пятого лагеря до вершины, включая остановку для встречи, переговоров и помощи, Бершов с Туркевичем потратили всего пять часов пять минут. По дороге они нашли и подобрали кошки, оставленные Балыбердиным. В двадцать два часа двадцать пять минут Сергей Бершов и Михаил Туркевич поднялись на вершину Эвереста, освещенную луной.

Всего один час (!) они потратили на подъем от места встречи. Огляделись. Красота была страшной в этом холодном свете. Временами их накрывали снежные облака с Тибета. Ребята оставили вымпелы и значки спортклуба «Авангард», членом которого состоит Сережа, и «Донбасс» Мишиного спортивного общества. Потом принялись фотографировать.

Глаза их настолько привыкли к свету луны, что он им показался недостаточным для того, чтобы сфотографировать друг друга на фоне Лхоцзе. К сожалению, света было недостаточно, и фотографии не получились.

Перед уходом они сняли маски, чтобы подышать воздухом Эвереста, и заторопились вниз. Попытка вызвать базу ни к чему не привела. Внизу услышали щелчок и два слова:

— База, база...

Рация, постоянно включенная на ночном морозе, истощила свои возможности.

Первую двойку ночные восходители неожиданно догнали очень быстро — минут через сорок после того, как покинули вершину.

...Получив кислород, Балыбердин и Мысловский двинулись вниз, но спуск продолжался вяло. Отсутствие кошек затрудняло движение, а возможно, подсознательно они уже ждали возвращения Туркевича и Бершова. Подошли к месту, где надо было искать перильные веревки, оставленные японцами. (Когда первая двойка шла вверх, эти веревки не трогали, опасаясь их ненадежности. Но Сережа с Мишей укрепили их, и теперь хорошо было бы их найти, чтобы облегчить спуск.) Снег изменил картину, сделав и без того крутую и скользкую «черепицу» непроходимой в ботинках на резиновом протекторе.

Балыбердин предложил Мысловскому подождать связку, идущую с вершины, тем более что он слышал голоса. Но Мысловский все еще пытался найти путь. Поиски эти, возможно, имели одно достоинство — альпинисты шли, двигались! Услышав крик "Стойте!", Балыбердин остановился. Мысловский же продолжал двигаться.

Когда Бершов с Туркевичем увидели их сверху, им показалось, что Мысловский идет к пропасти.

— Стойте на месте! Подождите нас! — закричал Туркевич, и Мысловский остановился.

В полночь они продолжили спуск вчетвером. Бершов и Туркевич хорошо помнили

маршрут: они пришли сюда в темноте и по снегу и уходили отсюда по снегу и в темноте. На сложных участках Бершов и Туркевич натягивали веревку, а Балыбердин с Мысловским спускались по ней. Потом вторая двойка снова натягивала веревку.

Потом вновь операция повторялась.

Временами приходилось первую двойку подталкивать — уж очень ребята устали. Шли медленно, очень медленно.

Пройдя скалы, Мысловский вдруг сел на камень и сказал Бершову:

— Все! Здесь хорошо! Я больше никуда не пойду.

Бершов посмотрел на манометр кислородного баллона Эдика: он показывал ноль. Ни секунды не размышляя, Сережа Бершов, шедший с кислородом чуть ли не от второго лагеря и привыкший работать с ним, для которого кислородное восхождение было уже не принципом, а необходимостью, снял свой баллон и отдал его Эдику.

В три часа ночи спряталась луна, стало совершенно темно. Туркевич шел впереди и, освещая фонариком поднебесную гору, искал и находил путь.

После каждой остановки Мысловского все труднее было сдвинуть с места. Главное — сдвинуть. Потом он пойдет... Как же человек устал. Как, вероятно, болели его обмороженные руки! Эдик обижался на неловкое слово. Долго бурчал. Но шел!

— Иди, иди, Эдик! Там чай внизу! Горячий чай! Там палатка! Там ждут!

Да, там, в палатке, их ждали.

Но Иванов и Ефимов ничего толком не знали: рации у них не было, и о происходящем на горе они могли только догадываться. Ветра нет. Луна. Погода хорошая. Восходи!

Но это были трезвые и опытные альпинисты. Обычно они, взвесив все за и против, рассматривают свой шанс, как один к сотне. И тут неизвестно, в каком состоянии придут Балыбердин и Мысловский... С каждым часом надежда на благополучный исход убывает и убывает. По расчетам Иванова и Ефимова кто-то — или все вместе — должен вернуться к полуночи.

Они готовили ужин, горячий чай (Эдика не обманывали!). Временами Ефимов высовывался из палатки и кричал в ночь. Но никто не отвечал. Был момент, когда они хотели выйти навстречу. Но бессмысленность затеи остановила их.

Они сидели в палатке, ждали и сэкономили кислород. Только если не будет тронут штурмовой запас, у них сохранится возможность выйти на вершину.

Пятый лагерь стоял, если вы помните, примерно в двух веревках от Западного гребня. Ни первая, ни вторая двойка не оставили метки на повороте к нему. Если в темноте они проскочат место, где надо сворачивать, и уйдут вниз по гребню, ни Мысловскому, ни Балыбедину не хватит сил подняться опять. И тогда уже ни Туркевич, ни Бершов, ни Иванов, ни Ефимов им не помогут.

"Я включаю приемник и ловлю Москву, — пишет в дневнике Иванов. — В конце выпуска неожиданно слышу сообщение: "Сегодня в четырнадцать часов тридцать минут двойка советских альпинистов впервые поднялась на высшую точку планеты — Эверест, 8848 метров, по новому сложному маршруту — по контрфорсу юго-западной стены..."

В Москве сейчас ломают голову. Двое? Почему двое, когда хотели восходить четверками? Кто эти двое и где другие двое? Почему не сообщили фамилии? А раз так много вопросов, значит, что-то не в порядке. Так, разумеется, думали люди, хорошо знающие альпинизм, и родные. Для них мы не просто участники восхождения на Эверест, а дети, отцы, мужья, которых ждут дома живыми и невредимыми".

Наступило пятое мая. Иванов с Ефимовым, предположив, что до рассвета четверо, возможно, закопаются в снег, решают ложиться. Хоть немного поспать! Завтра в любом

случае их ждет большая работа.

Они могли спать без кислорода, но стоило закрыть глаза, как начинал душить кашель, дыхание прерывалось, судороги сводили ноги. Высота явилась к ним с визитом ночью... Но и без сна им не обойтись, если завтра идти на штурм.

Сон в пятом лагере — не отдых, это говорили все. Ночевка выматывает на этой высоте почти так же, как работа. Но отсутствие сна вынимает из запасников организма последние силы.

В палатке они нашли на три четверти опустошенный кислородный баллон. И одному бы этого кислорода было мало для ночлега, но они вдвоем присоединили шланги и заснули моментально. Подача кислорода была минимальной, а может быть, и вовсе символической. Возможно, мизерная доза ничего не добавляла легким и сердцу. Но она защищала психику. Сознание отметило: кислород есть, можно довериться ночи.

Им не понадобился будильник, чтобы не проспать утро. Оранжевое тело баллона лежало между ними бездыханным. Кислород кончился, сознание включилось. Опасность! Они проснулись в три часа утра. В палатке, кроме них, никого не было. Двадцать часов назад вышли к вершине Мысловский с Балыбердиным. Девять часов, назад покинули их Бершов и Туркевич.

Опять высовываются из палатки, и опять тишина. За стеной холод и темень... Луна зашла...

С рассветом, решают они, надо выходить на помощь, а пока разжигают примус и начинают готовить чай и кашу. Это долгое занятие: набрать снег, растопить его, вскипятить. Просто так, без подготовки, ни чай, ни кашу не сварить — вода кипит, но там не то что ста, а и восьмидесяти градусов тепла не наберется.

Еду можно приготовить только в автоклаве, который сработал Сережа Ефимов. По его же покрою сшиты и пуховки и жилеты для участников гималайской экспедиции. Сейчас сидят они с Валею Ивановым в жилетах Сережиного фасона, варят в его автоклаве кашу с икрой, поскольку соли не нашлось, и вдруг слышат крики...

Пять часов тридцать минут! Четверке еще полчаса хода, но уже ясно, что живы!

Двое уставших и двое уставших смертельно. Но все идут своими ногами. У Володи Балыбердина закончился кислород, и он вновь без него. И Сережа Бершов без кислорода. Но это уже не имеет значения.

Ефимов высунулся по пояс из палатки, что-то кричит. Иванов изнутри тербит его:

— Все идут?

— Все!

Праздник! Самое страшное, что может быть, — обморожение. Но это уже не самое страшное. Первым в палатку ввалился Бершов.

— Живы?

— Живы!

— Были?

— Были!

Потом появился Туркевич. Мысловского и Балыбердина буквально втаскивают внутрь. Все возбуждены.

То, что сделали сначала Балыбердин с Мысловским, а затем Бершов и Туркевич, в обиходе называют спортивным подвигом. Я не сторонник очень громких фраз и наименований. Но то, что произошло, ей-богу, можно так назвать.

Первая двойка в нечеловеческих условиях, проложив: путь от четвертого лагеря в пятый, установив лагерь, проложила первую тропу к вершине. Двадцать три часа в лютом холоде,

один — без кислорода, другой — с кислородом, непрерывно работали на высоте, начиная от 8500 — до вершины и обратно. Удивительно, что они выдержали это.

"Не знаю, сколько я мог бы проработать, — запишет Балыбердин в своем дневнике. — Когда у меня кончился кислород (речь идет о кислороде, который принесли Бершов с Туркевичем, и который кончился задолго до пятого лагеря), я отдыхал через каждые несколько метров. Казалось, что в палатку я вполз на самом последнем пределе. Но где этот последний предел? И что после него? Никогда за свою альпинистскую жизнь я не был так близок к концу. И до сих пор не могу толком понять, в чем причина, где ошибка?"

Восхождение Бершова и Туркевича можно назвать, раз уж мы употребили эффектные слова, феерическим. Мало того, что помогли первой связке, они еще буквально взлетели на вершину. Всего на дорогу — вверх и вниз — у них ушло одиннадцать с половиной часов. А ведь они в течение добрых семи часов помогали спускаться Мысловскому и Балыбердину...

В палатке стало очень тесно. Мысловский и Балыбердин утомлены страшно. Глаза косят, язык еще ворочается, но они замерзли так, что не могут сами раздеться. Всей четверкой снимали им ботинки, растирали ноги. У Эдика кончики пальцев почернели, в некоторых местах кожа лопнула. Их напоили чаем и уложили отдыхать.

Шестерым в палатке тесно. Помощь Иванова и Ефимова не нужна, и они через час после возвращения четверых восходителей тоже отправляются на штурм.

Ефимов выходит первым, за ним — Иванов. Валя на морозе долго не может завязать кошки, нервничает. Возвращается в палатку, в тепле быстро крепит их и уходит.

Не спеша, по-деловому движутся они к вершине. Идут по маршруту, пройденному сначала Балыбердиным с Мысловским, потом Бершовым с Туркевичем. Но двигаются довольно медленно — без конца то у одного, то у другого слетают кошки.

Надевать их на морозе очень неприятно: надо снять перчатки, но тогда мерзнут руки. А в рукавицах их не удастся наладить толком, хотя у Вали и Сережи было время проверить такую малость как кошки, до восхождения. Случалось, что они больше сидели, чем шли.

Когда вышли на гребень, стали попадаться следы прошлых экспедиций: японская веревка, чужой баллон... Потом свой баллон... Потом, не доходя полусотни метров по высоте до вершины, Иванов, шедший вторым, нашел рюкзак Балыбердина...

А в это время сам Балыбердин все еще находился в пятом лагере вместе с Мысловским, которому каждый прожитый час нес не облегчение, а страдания, и двумя "братьями милосердия" — Бершовым и Туркевичем.

Предполагалось, что все четверо после консультации с врачом двинутся вниз из пятого лагеря и в четвертом останавливаться не будут, а сразу опустятся на 7800. В этот день в этот же лагерь собирались подняться Ильинский и Чепчев, а Валиев с Хрищатым должны были выйти из третьего лагеря, забросить кислород в четвертый и вновь вернуться в третий, где группа Ильинского наконец должна была объединиться.

Но не судьба, видимо, этому случиться. В результате аварийного спуска Балыбердина, Мысловского, Бершова и Туркевича третий лагерь не сможет принять Валиева и Хрищатого, и соединение в этот день не состоится. Валиев с Хрищатым, захватив кислород, уйдут в четвертый лагерь на 8250 и останутся ночевать там, а дистанция в один день и в один лагерь между ними, Ильинским и Чепчевым сохранится.

Выполнив все указания врача и сделав необходимые уколы Эдику (Балыбердин от инъекций отказался, он только глотал таблетки), все четверо начали готовиться к спуску.

В это время Валентин Иванов и Сергей Ефимов приближались к вершине. Рюкзак Балыбердина едва удалось оторвать от земли. Там было немало интересного: кинокамера «Красногорск», "трофейная" японская рация, которую хозяйственный Володя взял, чтобы

попусту не валялась, и редуктор, чтобы сравнить с нашим (наш лучше), а остальное — камни. Полрюкзак камней с вершины!

Захватив кинокамеру, Иванов с Ефимовым продолжили путь. Скоро они вышли на узкий скальный гребень, который вывел их на снежный. По снежному гребню, лежащему на уровне южной вершины, они шли спокойно, и вдруг Ефимов, двигавшийся первым, почувствовал, что веревка натянулась: Иванов резко замедлил ход.

Ефимов показал тому на баллон — кислород, мол, подкрути. Да, кислород иссяк, и моментально скорость движения замедлилась. Иванов заменил баллон, и скоро без приключений они вышли на вершину.

Погода была неважная. Они достали камеру и лишней раз подивились Балыбердину, втащившему такую тяжесть на вершину без кислорода. Позвали к рации оператора Диму Коваленко. Тот поздравил с восхождением и передал микрофон Тамму.

Потом оказалось, что «Красногорск» замерз. Дима посоветовал сунуть его под пуховку и отогреть. Так они и сделали. Сунув за пазуху аппарат, осмотрелись: где же это они?

Весь Непал закрыт облаками. В Тибете иногда видна долина, и даже по цвету и свету чувствуется, как там жарко. Лхоцзе еле видна. Почти не просматриваются Чо-Ойю- это далеко. А под ногами — верхушка треноги, к которой прикреплены баллон Мысловского, баллон Туркевича и вымпелы, которые ночью привязали ребята. Ближе к основанию треноги — флажок. Красно-белый возле дровяка. Вероятно, польский...

Камера отогрелась, и они стали снимать панораму. И вдруг Иванов заметил, что счетчик пленки не работает. Открыл, а она, оказывается, кончилась. Надо бы Володе забрать отработанную пленку вчера, да, видно, не до того было.

Ефимов кладет отснятую Балыбердиным и Мысловским кассету за пазуху. Но на спуске она выпадет и потеряется. Такая обида! А Ефимов с Ивановым на лютом морозе будут долго бороться с ломающейся пленкой, с убегающей петлей...

Тут не в чем упрекнуть альпинистов, тренеров и руководителей экспедиции: это не их забота — обучать восходителей пользоваться киноаппаратом. Да и сам аппарат мог быть проще, легче и надежней! И пленку можно было подготовить, чтобы не ломалась на морозе. Словом, обидно — два года экспедиция готовилась к событию, а оказалась к нему не очень готова.

Полтора часа провели на вершине Иванов и Ефимов. В три часа они, предварительно описав все приметы офицеру связи, начали движение вниз. На спуске неприятности с кошками продолжались. Теперь у Ефимова ломается одна из двух, и темп спуска замедляется. Они идут в лагерь, попеременно страхуя друг друга и дивясь, как Балыбердин с Мысловским шли по заснеженной горе вовсе без кошек. Когда пришли в пятый лагерь, там никого не было.

После того, как Бершов сделал укол Мысловскому, после того как они с Балыбердиным после стимулирующих кровообращение таблеток поели и часа два отдохнули, решили двигаться вниз. Скорее вниз!

Надо было готовиться к выходу. Но Мысловский не мог сам себя ни одеть, ни обуть. Пальцы на его руках были так обморожены, что любое прикосновение вызывало острую боль. Бершов помог обуться Мысловскому, Туркевич — Балыбердину, у которого пальцы тоже были прихвачены морозом.

Потом они вышли. Бершову с Туркевичем потребовалось немало усилий, чтобы сдвинуть с места первую двойку. Особенно трудно было с Мысловским. Но самому Эдику труднее всех. Как бы ему ни помогали надевать одежду или шнуровать ботинки, какой бы расход кислорода ни ставили, идти вниз ему предстояло самостоятельно, и никто не мог ему помочь.

("Помочь можно, — заметит старший тренер команды А. Г. Овчинников. — Но первый принцип — заставить двигаться самого. Даже если потребуется ледоруб или грубое слово, это впоследствии оборачивается величайшей гуманностью!.. Этого иногда не понимают...")

Три раза на каждой веревке (в местах, где забиты крючья, в конце и в начале перил) своими обмороженными, нестерпимо болящими руками Мысловский отстегивал карабин и снова застегивал его. И так шли они от пятого лагеря до третьего лагеря добрых полтора километра.

Этих двоих сопровождал Туркевич. А Бершов двигался впереди — прокладывая дорогу по заснеженным скалам. Когда прошли острые снежные гребешки, стало полегче. В четвертый лагерь они пришли через четыре часа. Посидели, попили чаю. Мысловский, волей и терпением радовавший ребят во время спуска, в палатке расслабился, пригрелся и вновь с трудом двинулся в путь.

Предстоял тяжелый участок от четвертого лагеря вниз. Здесь они встретили Валиева с Хрищатым, рассказали все, что знали, про путь к вершине. Валиев, видя страдания Мысловского, отдал ему свои варежки из собачьей шерсти. Путь был долог и труден.

Так они добрались до третьего лагеря на 7800, где встретили Ильинского и Чепчева. Бершов продолжал свои медицинские занятия. Уколы, сделанные вовремя, дали эффект: некоторые из почерневших пальцев светлели на глазах.

Два дня и ночь непрерывного бодрствования первой двойки требовали сна. И он пришел...

Вечером 5 мая Иванов с Ефимовым, вернувшись с вершины, готовились ночевать в пятом лагере. Кислорода у них было мало, и так же, как накануне, он кончился в три часа ночи... Поэтому они решили выйти на спуск пораньше.

Вечер 5 мая застал Иванова с Ефимовым в пятом лагере, а Валиева с Хрищатым в четвертом. В третьем лагере ночевали Ильинский и Чепчев плюс Мысловский, Балыбердин, Бершов и Туркевич, в первом лагере — тройка Хомутова. В базовом лагере с надеждой ждали своей очереди Шопин и Черный.

Итак, к 6 мая на вершине побывала двойка Балыбердин — Мысловский и четверка Иванова, хотя и порознь.

Была еще четверка Ерванда Ильинского, которая могла выйти на вершину в полном составе.

Все группы, кроме этой, алма-атинской- сборные. Под знаменем Ильинского собрались его ученики. Покорение этой четверкой Эвереста было бы для них не просто успехом, это был бы акт благодарности учителю, который, впрочем, ненамного старше подопечных.

Ильинский и Сергей Чепчев вышли из базового лагеря на день позже двойки Казбека Валиева и Валерия Хрищатого. К тому же Валиев и Хрищатый, как более подготовленные, должны были из третьего лагеря забросить необходимый для восхождения кислород в четвертый лагерь (8250) и снова вернуться в третий, чтобы, подождав Ильинского с Чепчевым, всем вместе отправиться на штурм. Однако события, происшедшие накануне, изменили планы.

Валиев и Хрищатый (который, кроме командной задачи, поставил себе личную — достичь вершины без кислорода) утром 6 мая отправились в последний лагерь, а Ильинский и Чепчев — в оставленный ими четвертый. Идея выхода на вершину всей четверкой стала проблематичной, как только оказалось, что Валиев с Хрищатым остались на ночлег в четвертом лагере. Ждать Ильинского и Чепчева на высоте 8250 — значит просто расходовать кислород Валиеву, поскольку Хрищатый поднимался без кислорода, и силы — обоим. К тому же в четвертом лагере была палатка на двоих.

Казбек с Валиевым из четвертого лагеря, попив чаю с Ефимовым, который не спеша спускался сверху, пропустив вперед Иванова, а Ефимов, наоборот, скорое снижение для доброго самочувствия считал противопоказанным.

Валиев с Хрищатым начали подъем вверх в предвершинный лагерь, а Ефимов двинулся за Ивановым вниз. Время уже было встретить Ильинского и Чепчева, которые должны были подниматься в оставленный только что четвертый лагерь.

В половине двенадцатого Иванов, спустившийся третий лагерь, застал там всех шестерых. То, что Мысловский, Балыбердин и провожающие их Бершов и Туркевич не сошли вниз, было вполне объяснимо. Первая нормальная для отдыха ночь могла затянуться. А вот задержка Ильинского с Чепчевым не очень понятна.

Туркевич, ночевавший с ними в одной палатке, приготовил завтрак, и Ильинский ушел на маршрут. В четырнадцать часов он связался с базой и сообщил, что дошел до шестой веревки и ждет Чепчева. Тот должен был выйти через час, но все никак не мог собраться: сидел на рюкзаке и зашнуровывал ботинок.

Пришедший в третий лагерь Ефимов застал его той же позе, в которой видел его часа полтора назад Иванов. Кроме Чепчева, в третьем лагере на 7800 Ефимова поджидал пришедший в себя Балыбердин. Ефимов отдал Володе рюкзак, сказав:

— Ты уж извини, что половину камней пришлось высыпать.

— Спасибо, хоть что-то оставил, — улыбнулся Бэл.

В базовом лагере были обеспокоены заторможенным поведением Чепчева. Но, преодолев апатию (к счастью она оказалась не "горняшкой"), он постепенно разошелся и за несколько веревок до конца пути догнал Эрика Ильинского. В четвертый лагерь на высоту 8250 они поднялись одновременно, но поздно — где-то после девяти часов вечера.

(Овчинников замечает, что "этот темп движения привел к разрыву между двойками Валиев — Хрищатый и Ильинский — Чепчев". И разрыв этот возник, по-видимому, "по причине различной утомляемости... И условиях той штормовой ночи вряд ли они смогли бы достигнуть вершины. Ведь первая (Валиев — Хрищатый) двойка это сделала на пределе возможности". Но об этом наш рассказ еще впереди.)

К этому времени первые четыре восходителя — и ними Иванов — спустились в первый лагерь на ледник. По дороге они заглянули во второй, где Хомутов с Мишей Туркевичем сварили им рис с луком и салом.

Уют царил во втором лагере, где Ефимов задержался в гостях у Хомутова, Пучкова и Голодова. И здесь пили чай, и здесь накапали спирт в кружки с чаем за восхождение четверых и за завтрашний день.

Ранним утром 7 мая Валиев и Хрищатый покинули палатку лагеря и отправились на восхождение...

Еще в Непале, а потом в Москве, в разговорах с ребятами, участвовавшими в этом событии, и с людьми, которые были не сторонними наблюдателями, я пытался выяснить: можно ли хоть в малости упрекнуть Валиева и Хрищатого за то, что они, не дождавшись своего тренера Ильинского и напарника его Чепчева, отправились на восхождение.

Но тут вмешалась судьба. Помните первый сеанс связи после возвращения четверых в пятый лагерь? Бершов через Ильинского передал, что нужно всем освободить третий (воссоединительный) лагерь для спускавшихся с горы...

Прогноз погоды был удручающим. Максимум непогоды обещали на 8–9 мая. Каждый последующий день оказывался хуже предыдущего. Валиев с Хрищатым были в отличной форме, и теперь, в пятом лагере, для них уже не было вопроса — идти или ждать. Расходовать кислород и силы на пустую дневку на высоте 8500 было просто бессмысленно.

Но, кроме здравого смысла, были еще Ильинский и Чепчев...

Погода становилась хуже. Сегодня, 7 мая, еще можно попытаться. А завтра? День промедления на Эвересте... Мы уже говорили об этом. К тому же Ильинский с Чепчевым смогут завтра, если будет нормальная погода, сходить двойкой. Да они так и договорились ведь...

Вышли из палатки утром в ураганный ветер. Хрищатый — без кислорода. Пока они шли две веревки до западного гребня, было холодно, но терпимо. Но едва вышли на гребень, на них обрушился шквал. Дышать было невозможно. Ветер грозил сбросить их вниз. Все тепло, накопленное за ночь, моментально улетучилось.

Потом они рассказывали, как Хрищатый вышел на гребень и остановился...

Они даже не могли определить, с какой стороны ветер. Резкими порывами и все время. Если бы они ушли еще на пару веревок, то, вероятно, уже не смогли бы вернуться. Их качало, срывало ветром, для которого определение «ледяной» — великая лесть. Потом начали отказывать руки. Хрищатый пошел, без кислорода, надеясь на хорошую погоду. Он провел бескислородную ночь спокойно и даже видел прекрасные сны.

Ввалившись в палатку, они сообщили базе, что вернулись, и легли в спальные мешки, договорившись с Таммом, что повторят попытку в любое время суток, как только стихнет ветер. А ветер не стихал...

В это время из четвертого лагеря в пятый, где в ожидании погоды лежали Валиев и Хрищатый, двинулись Ильинский с Чепчевым. Казалось, скверная погода, посочувствовав Эрику и задержав Казбека и Валерия, сделает возможным хотя бы формальное объединение всей четверки. Впрочем, почему формальное? Если погода будет свирепствовать до следующего утра, то...

Но к середине дня ветер убавился до уровня "просто штормового" — восемьдесят узлов. Эверест осветило солнце. И они решили: идти.

Ильинский с Чепчевым были уже в часе пути от пятого лагеря, когда Валиев и Хрищатый, на этот раз с кислородом, решились на вторую попытку.

— Это было вынужденно, — скажет потом Хрищатый, — потому что погода намекала нам: то ли вы пойдете, то ли нет... Мы решили брать вожжи в свои руки.

Первая попытка, по-видимому, не прошла для них бесследно, несмотря на ее быстротечность. Часть сил была потрачена. Они лежали в спальных мешках, прислушиваясь к ветру, а когда он стих, ушли на гору. Но это уже вторая попытка.

Кто-то в газете написал, что первое ночное восхождение было вынужденным, а второе — обдуманным и запланированным. Я бы сказал иначе: что и первое и второе были вынужденными. Зачем планировать трудности специально, когда на горе их и без того достаточно? Задумывалось чисто бескислородное восхождение Хрищатым, и, будь погода идеальной, оно осуществилось бы. А ночного же выхода в плане двойки не было.

Когда они отправились в пять часов вечера, было безветренно. В этот раз, надев на себя все теплые одежды, они не могли идти быстро потому, что "стало жарко", как рассказывал Валиев. Но скоро ветер поднялся вновь, похолодало, и начало смеркаться. Полная луна, на которую было- столько надежд, все не выходила, скорость подъема упала, потому что по заснеженным скользким, скалам в наступившей темноте продвигаться пришлось; буквально на ощупь.

К тому времени, когда луне полагалось осветить путь началась пурга. У Валиева трижды подмерзала кисло родная аппаратура, приходилось останавливаться, снимать рюкзак, доставать баллон, надевать рюкзак... Каждая остановка казалась им короткой, но они, как каждый человек на этой запредельной для нормального существования высоте, не могли

оценить быстроту своих действий. А если бы и знали, что все делают медленно, все равно не было у Валиева и Хрищатого сил двигаться быстрее. К тому же Хрищатый стал мерзнуть, особенно во время остановок...

Но они лезли и лезли вверх.

Одна из сильнейших двоек, несмотря на яростное сопротивление погоды, все же достигла вершины, потратив на подъем почти девять часов. Они взошли глубокой ночью. Попытались вызвать базовый лагерь, но рация безнадежно замерзла.

— База, база... — звали они с вершины. Был один час сорок семь минут ночи.

Найдя в темноте треногу, Валиев и Хрищатый оставили по традиции пустой баллон и в два часа ночи двинулись назад. Ни соседних вершин, ни дальних гор не видно. Путь вниз был сложнее, чем путь наверх. У Валиева заныл бок, каждое движение, каждый вдох причинял боль. Хрищатый мерз. Не мудрено — мороз достигал сорока градусов!

Во второй половине пути Гималаи наградили их за мужество рассветом...

Валиев говорил о спуске и, дойдя до этого места, замолчал. Потом осторожно, словно опасаясь спугнуть видение, рассказал о том, как в ночных Гималаях вдруг родился свет.

Сначала он не имел цвета. Потом вдруг словно миллиарды золотом горевших прожекторов осветили горы на фоне иссиня-черного неба, и само небо, опаздывая, стало золотиться. Свет набирал силу... Золото, быстро миновав зеленоватый оттенок, потом цвет спелого колоса, стало розоветь.

Я оглянулся на Хрищатого; он сидел опустив голову, словно глядя на землю, по которой с трудом теперь ходил. Его улыбка, такая же таинственная, как у Казбека, не принадлежала никому, кроме него самого. Я отвернулся, представив, как небо над ними полыхнуло отраженным рубиновым цветом и посветлело..."

Гималаи потребовали расплаты за открытую альпинистам красоту утра. На высоте 8650 метров у Валиева закончился кислород. Метров через тридцать опустел баллон у Хрищатого.

Измученные, томимые жаждой, промерзшие, без рации, которая, не выдержав испытаний морозом, ветром и ночью, молчала, они, еле передвигая ноги, спешили к пятому лагерю.

Не успел простыть на диком морозе след ушедшей двойки, как в палатку на 8500 вошли Ильинский и Чепчев. После перехода из четвертого лагеря они должны были отдыхать до утра, готовясь к своей попытке, но в азарте не думали об этом.

— Можно нам выйти вслед за ними? — спросил Ильинский.

Тамм, совершенно естественно, отказал.

— Тогда мы выйдем с утра пораньше.

— Подождите возвращения, выход обговорим завтра утром, — ответила база.

Это было законно. Как можно планировать завтрашний день, когда перед глазами Тамма был обмороженный Эдик Мысловский, вместе с Балыбердиным, Туркевичем и Бершовым вернувшийся в базовый лагерь.

В тот момент, когда Ильинский с Чепчевым, собранные наконец к выходу, сообщили торопившему их Тамму, что выходят наверх, за тонкими стенками палатки раздался крик. Это не был крик о помощи. Это был сигнал. Кричал Валиев, чтобы его услышали и поняли, что все в порядке. Он кричал издали. Ему казалось, что с криком легче дышать...

Ильинский и Чепчев надели Валиеву маску, но он не мог вдохнуть живительный кислород. Они увеличили подачу до двух литров. Потом до трех, до четырех... Казбек приходил в себя медленно. Ввалился Хрищатый, вымученный до крайности.

Полчаса до следующего сеанса прошли мгновенно.

База вызвала пятый лагерь в девять утра 8 мая.

— Обморожения есть? — спросил Тамм.

— Есть, незначительные, — ответил Ильинский. Тамм еще спрашивал, решение пока не пришло, но

зрело. Страшное для Ильинского и Чепчева решение... Только вчера в базовом лагере встретили первую двойку, и перед глазами руководителя экспедиции стояли обмороженные руки Мысловского...

Он знал, что все пальцы Эдику спасти не удастся, что потребуются ампутация нескольких фаланг. Теперь, Валиев с Хрищатым... Почти шестнадцать часов непрерывной работы в дикий мороз! Шестнадцать часов из них несколько — без кислорода.

Ильинский уловил в голосе Тамма готовящееся решение и попытался предотвратить его. — Ну, — сказал он будничным голосом, — пальцы на руках незначительно. Ну, волдыри. Изменений цвета нет.

Эрик не сказал базе об общем состоянии Валиева и Хрищатого, надеясь, что они, надышавшись кислородом, попив горячего и поев, быстро придут в себя. Ему очень хотелось на вершину! И Сереже Чепчеву тоже. Они прошли все муки отбора. Все тяготы подготовительных работ. Они находились совсем рядом с целью их альпинистской жизни!

Никогда Ерванд Ильинский не был так близок к вершине своей судьбы. И никогда не повторится для него этот великий шанс, момент!

Как часто мы замечаем его лишь тогда, когда он проходит. Как сильны наши желания возвратить мгновения, чтобы правильным, единственно верным поступком увенчать его. Обогащенные опытом несделанного, мы готовы, если случится точно такая же ситуация, избрать правильный путь.

Но она не случается, и опыт новых потерь, обогащая нас мудростью утраты или поражения, лишает счастья победы.

— Эрик, Эрик! — услышали Ильинский, Чепчев, Валиев и Хрищатый. — Значит, э-э... (Тамм искал форму, которая не обидела бы Ильинского, но исключила бы иносказание), — э-э... задерживаться там не нужно, в пятом лагере. Спускайтесь все вместе, вам двоим сопровождать ребят вниз.

Он запрещал. Решение созрело.

И были еще два человека, к которым подходили восходители с сочувствием. Владимир Шопин и Николай Черный готовились к выходу ("зашнуровывали ботинки"), когда Тамм не дал «добро» на их восхождение, так как пришла телеграмма, в которой от Тамма требовали исключить всякую опасность и больше не выпускать на восхождение никого "в связи с ожидающимся ухудшением погоды".

Думаю, что Тамм, как ни жаль ему было Володю и Колю, почувствовал некоторое облегчение. Ему было трудно по своей инициативе запретить попытку Шопину и Черному. А попытка эта была бы, возможно, хлопотной. Дело в том, что по временам она приближалась к границе (весьма зыбкой) муссонного периода.

Вот так Володя и Коля — люди, достойные вершины, — не увидели ее.

Днем 8 мая базовый лагерь вышел на связь с Катманду. Тамм спокойно, будничным голосом сказал представителю Спорткомитета Калимулину, что двойка Валиев — Хрищатый была на вершине и идет вниз, что Ильинский и Чепчев их подстраховывают, хотя те в полном порядке, что вчера вся шестерка — Балыбердин, Мысловский, Бершов, Туркевич, Иванов и Ефимов — вернулась в базовый лагерь, что состояние упавшего в трещину Москальцева улучшается.

Калимулин поздравляет Тамма и передает приказ Спорткомитета о присвоении альпинистам звания заслуженных мастеров спорта.

— А теперь, — говорит Калимулин, — запишите телеграмму из центра: "В связи с

ухудшении погоды в районе Эвереста и полным выполнением задач экспедиции необходимо прекратить штурм вершины..."

Это означало, что Тамму предлагалось вернуть из-под вершины тройку Хомутова. Новое осложнение... В последние дни судьба ставила перед ним задачи, одну занятнее другой, словно испытывала его человеческие качества.

Вот сейчас он сказал Калимулину, что тройка Хомутова надежна и что она может достичь вершины. Но тот не в силах отменить телеграмму, а значит — решить за Тамма проблему, которая встала перед ним: возвращать Хомутова, Пучкова и Голодова или вопреки приказу, даже неведомо кем данному из центра, разрешить им штурм?

Он ушел от палаток и бродил по леднику, определяя свое отношение к делу, которое он затеял и которое достойно хотел довести до конца. "Имею я право принять свое решение или должен слепо подчиняться приказам, основанным... На чем могло быть основано запрещение? Только на желании, чтобы все завершилось без жертв. На вершине уже было восемь человек. Все живы. Хватит. Ура! А кто там еще пойдет вверх и чем это кончится — неведомо".

В этот вечер радио, телевидение, а наутро газеты сообщили, что в связи с ухудшением погоды в районе Эвереста в экспедиции отдана команда: "Всем — вниз!"

А команда отдана не была. Возвращаясь в лагерь после своих раздумий, Тамм встретил Юрия Сенкевича.

— Надо спускаться, Евгений Игоревич, — сказал Сенкевич. — Выполнять приказ.

Тамм покивал головой, думая о своем.

На пятичасовой связи он передал Хомутову в четвертый лагерь текст телеграммы. Подчеркнув, что это приказ, пересказанный Калимулиным, а не решение руководителя экспедиции. Тамм сказал, что он не возражает, если они продолжают подъем, и предложил Хомутову самому подумать, что предпринимать.

По существу, это было «добро» для восхождения хомутовской тройки. Тот сообщил, что еще не подошел Голодов. Ему нужно время, чтобы обсудить ситуацию. Следующую связь назначили на восемь часов.

В восемь часов вечера 8 мая Тамм вызвал по рации Хомутова. Совещание у них в верхах (выше восьми тысяч!) было моторнее и приняло решение к исполнению, потому что Хомутов беседовал с базой уже не из четвертого лагеря, а с пятой веревки по пути в пятый лагерь. (Впрочем, у Евгения Игоревича не было твердой уверенности, что это не "военная хитрость" Хомутова.)

Хомутов тем не менее спешил сообщить:

— Идем вверх. В четвертом лагере мы даже кошек не снимали. Скоро выглянет луна, и думаю, в пятом лагере будем часов в десять вечера.

Утренняя связь 9 мая застала их в полутора часах пути от оставленной ими палатки...

— Поздравляем с праздником, — сказал Хомутов. — Мы прошли рыжие скалы. Часов до одиннадцати можете выключить рацию.

— Молодцы, сукины дети! — крикнул Тамм.

Тройка шла вверх, а руководитель экспедиции передавал в Катманду, что Ильинский с товарищами спускается из третьего лагеря и все чувствуют себя нормально. Затем Тамм передал Калимулину содержание приказа по экспедиции от 9 мая. Приказ этот содержал два пункта и постскриптом. В первом пункте — поздравление с праздником Победы. Второй был сформулирован приблизительно так: в соответствии с радиограммой Калимулина и рекомендацией собрания сегодня, 9 мая, прекратить восхождение и всем спуститься вниз.

Постскриптом состоял из одной лукавой фразы: последний пункт приказа опоздал,

поскольку группа Хомутова уже на подступах к вершине.

Это была чистая правда — тройка спокойно и напористо шла вверх. На полдороги к вершине они оставили на горе по одному полному баллону кислорода (на обратный путь) и продолжили движение.

У шедшего первым Валерия Хомутова был соблазн точно в одиннадцать, как обещал, выйти к цели. Но он решил не форсировать события. Спустя тридцать минут после назначенного Тамму часа он вышел на связь:

— База, база, ответьте вершине!

Внизу радостно удивились точности расчетов тройки. Они взошли в одиннадцать тридцать, и было солнце. Из рюкзаков достали фотоаппараты и флажки вымпелы СССР, Непала и ООН. Ребята развернули их на высоте 8850 метров: всего на два метра подняв флаги над последней, над крайней перед небом, точкой земли.

Оки стояли на вершине, держа на вытянутых руках трепещущие на ветру символы нашей Родины, родины Сагарматхи и организации, созданной людьми, чтобы этот мир сохранить...

Одиннадцать советских альпинистов с 4 по 9 мая 1982 года по сложнейшему маршруту поднялись на высочайшую точку планеты. Советская экспедиция в Гималаях выдержала испытание Эверестом!

2. Операция "Кратер" (Сергей Лесков)

Кому не известна житейская мудрость: не ошибается тот, кто ничего не делает? Справедливо и другое: риска избегает тот, кто бездействует. В худшем случае лентяй транжирит драгоценное время, тратит свою жизнь попусту.

На пути человека увлеченного, страстного, решившего шагнуть в сторону от проторенной дороги, неизбежно возникают препятствия, порой опасные. Преодолевая их, этот человек рискует.

Доля риска многократно возрастает, когда вызов бросают необузданной стихии. Что там говорить, силы человеческие ограничены, стихия всемогуща, ее порывы зачастую непредсказуемы.

Вулканы... Это не только огнедышащие горы, грозящие разрушительными извержениями. Вулканы — латинское имя Гефеста, бога огня, который ковал в преисподней железную руду. Вулкан, по преданию, был правой рукой и первым советником мрачного Плутона, всесильного властелина подземного царства.

Древние не без основания считали: если есть на Земле место, где можно повстречаться с дьяволом, то искать его надо у этих беспокойных отдышин — там, где огненная масса прорывается через тонкую скорлупу земной коры.

Предания — в прошлом. Но и сейчас даже у записного остряка при виде чутко вздрагивающей горы пропадает желание отпускать на ее счет шутки, а в душе появляется вполне серьезное желание унести подальше ноги из этих небезопасных мест.

Сомнения нет и в том, что сердце самого отчаянного смельчака предательски сжимается, когда кратер вулкана выпускает черные клубы дыма и из гудящего чрева взлетают тонны пепла, магмы, многопудовые камни...

Да, вулканы принято обходить стороной. Однако то, что кажется большинству непреложной истиной, подвергается сомнению со стороны ученых.

Исследования вулканов ведутся уже полторы сотни лет, бессчетное число раз вулканологи решались на отчаянный шаг — в минуту затишья спускались в преисподнюю, в кратер вулкана.

А что делать? Без изучения образцов вулканических минералов, проб газа, лавы немислимо проследить, как зарождаются извержения, значит, нельзя и своевременно подготовиться к ним.

В наши дни достижения научно-технической революции коснулись самых старомодных сторон жизни. Что говорить о вулканах — на штурм их тайн ученые, вооруженные современной аппаратурой, ринулись буквально приступом.

Можно поздравить рыцарей науки: они добились немного. К примеру, по показаниям сверхчувствительных датчиков, которые прикрепляются к стенкам кратера и фиксируют едва заметные колебания почвы, научились улавливать дурное настроение вулкана задолго до того, как он даст об этом знать.

В "Стране вулканов", на Камчатке, построена даже единственная в мире диспетчерская, откуда ведется внимательнейшее наблюдение за наиболее опасными источниками извержений. Недалеко от Петропавловска-Камчатского, на горе с ласковым названием Мишенька, не вполне, признаемся, соответствующим ее предназначению, сооружены лазерные установки, контролирующие пространство в сто километров вокруг. От всевидящего лазерного «ока» не скроется самое загаенное желание хитрейшего из вулканов!

Одна незадача — чувствительные радиодатчики, которые ученые «прописывают» в

кратере осенью, в зимнюю непогоду частенько выходят из строя. Перепад давлений, температур, сильные ветра — и показания приборов вводят в заблуждение лучшие ученые умы, пульс вулкана уже не прослушивается.

А зимой забраться на обледенелую вершину, да еще затащить туда хрупкое сооружение ученым — ГТО а помощь, но не альпинисты же они! — вряд ли по силам. Но не только в датчиках проблема. В студеную пору столь ценных для науки проб газа, лавы, минералов никто до сей поры из жерла камчатских вулканов не брал.

Кто знает, что надумает вулкан за то время, пока он предоставлен сам себе? Известны случаи, когда вулканы просыпались, словно по звонку будильника. Как же быть, как установить за беспокойными вершинами контроль и в зимнее время?

Безвыходных ситуаций не бывает. Нетрудно представить, как заскрипел бы зубами хромой кузнец Гефест, узнай он о намерении ученых и спортсменов из Петропавловска-Камчатского. Они решились проникнуть в жерло действующего вулкана Авачинский поистине вызывающим путем — в декабре месяце прыгнуть туда с парашютом. Не желают, значит, карабкаться по крутому и скользкому склону, идти на поклон горе своим ходом, как приходилось делать поколениям старых добрых вулканологов...

В наш век всеобщего рационализма любая идея проверяется прежде всего с точки зрения сухих соображений целесообразности. Итак, прыжок в кратер действующего вулкана. Экзотика... Сенсация... Не будем лукавить, что-то такое в этой затее ощущается — больно уж она необычна!

Но это не самое главное. Так, первое, а потому и обманчивое впечатление. Доказательством тому — хотя бы горячий интерес к "сенсационному прыжку" строгих кабинетных ученых, людей по своей сути чуждых всякому ажиотажу вокруг их работы. Прибавились и другие «за». Это, к примеру, проверка возможности срочной высадки «десанта» для оказания медицинской или технической помощи попавшим в беду людям.

Как часто бывает, побочные соображения дали ощутимый результат, ибо в скором времени были проверены на практике. Но не будем забегать вперед, ведь в момент организации экспедиции «Кратер» ее успех казался некоторым делом почти фантастическим. Но так уж получилось, что первые роли здесь играли люди, любящие мечтать и бороться за свою мечту.

Прежде чем перейти к рассказу о самой экспедиции, не имевшей аналогов в научной и спортивной практик? представим одно из главных действующих лиц нашей истории. Правда, за время повествования этот герой — вулкан Авачинская сопка — не совершил ничего заметного. Хотя мог бы и совершить. С начала XVIII века за зарегистрировано тринадцать извержений Авачи. Самое сильное случилось почти сорок лет назад — и, кстати, зимой.

...25 февраля 1945 года разбушевавшийся вулкан уничтожил всю растительность на много километров вокруг — лиственницы, березы, ели. Концентрация ядовитых газов была так велика, что в окрестностях сопки погибло все живое — не спаслись даже мелкие грызуны, не успели подняться в небо птицы. Над вулканом сверкали молнии, а в радиусе 20 километров наступила непроглядная мгла. В самом Петропавловске-Камчатском целая пригоршня наполнялась всего за минуту горячим пеплом!

Для полноты картины добавим, что и внешне и по многим другим признакам Авача сильно напоминает печально знаменитый Везувий. В 79 году нашей эры извержение этого грозного вулкана привело к гибели цветущих городов — Геркуланума и Помпеи. Кстати, до той поры Везувий жил тихо-мирно, безмолвствовал по крайней мере 800 лет. Вот и верь после этого вулканам...

Словом, Авача, расположенная из всех 29 камчатских вулканов ближе всего к

Петропавловску-Камчатскому — каких-то 30 километров, — требовала контроля. И чем чаще и дольше он будет, тем лучше.

В декабре 1981 года на Камчатку приехал известный фотомастер, корреспондент журнала "Советский Союз" Май Васильевич Начинкин. Задание от редакции он имел несколько расплывчатое: подготовить материал об экономике северного края.

Но можно ли объять необъятное? Углубляясь в проблему, Начинкин приходил к убеждению: надо сузить тему, остановиться на чем-то более конкретном.

Как человека, прибывшего из областей, далеких от стихийных потрясений и бедствий, его более всего поразило влияние вулканов едва ли не на все стороны жизни Камчатки. Строительство зданий, заводов, ГРЭС в сейсмической зоне — это понятно.

Но сюда же — влияние продуктов извержений, которые содержат практически все минеральные удобрения, на урожаи и производительность скота. Сюда же — маршруты миграций промысловых рыб, которые питаются рачками-дафниями, простодушно считающими, что лучшее лакомство — соли вулканического пепла.

Кроме того, поправки к логиям судов и самолетов... И еще многое и многое другое, вплоть до изменения содержания цинка в крови, который входит в состав гормона инсулина, регулирующего уровень сахара в крови...

Так возник интерес к вулканам. А скоро корреспондент познакомился с виртуозами-парашютистами Вячеславом Федоровым, Львом Желонкиным, Виктором Уздиным, Виктором Шелапугиным, Валентином Дмитриенко. Их послужной список выглядел внушительно: каждый «перевалил» за тысячу прыжков, а Уздин — тот вообще «подбирался» уже к гроссмейстерскому рубежу — три тысячи.

Но дело даже не в количестве прыжков. Каждый из новых знакомых московского спецкора был человеком творческим, наделенным стремлением в деле совершить что-то свое, новое, неизведанное другими. И прыгали они не просто так: их полеты в воздухе специалисты относили к категории ультра-си — архисложнейших. Сама специфика парашютного спорта такова, что человек просто изначально поставлен в условия, где ему надо изобретать, оригинальничать, придумывать свои «фирменные» варианты прыжков.

Не в укор футболу, к примеру, будет сказано — там победа куется в борьбе с соперником, у которого игра на игру не приходится: сегодня он сильнее — завтра слабее. В парашютном же спорте побеждает тот, кто побеждает себя. И каждый день надо быть хоть чуточку мощ-222

нее, чем вчера. Иначе познаешь всю горечь поражения. Слово за слово, оказалось, что парашютисты мечтают о невиданном доселе прыжке — в кратер вулкана. Начинкин загорелся идеей и предложил: "Давайте пробивать вместе". Пошел на прием к директору Дальневосточного института вулканологии, члену-корреспонденту Дальневосточного отделения АН СССР, председателю Всемирной ассоциации вулканологов Сергею Александровичу Федотову.

Титулов много, а человек он оказался простой, что называется, душевный, не признающий псевдонаучного снобизма. Федотов сразу понял всю ценность для науки задуманного прыжка — это как раз то, что так долго искали ученые! Обещал всяческую поддержку и даже дал — для любого директора это невиданная откровенность и доверие — номер своего прямого телефона.

Тот, кто хоть однажды пытался «пробить» какое-то неординарное дело, никогда не забудет, каких усилий это стоит. Необычное предложение — как айсберг. Когда свершенное позади, шесть седьмых усилий остаются "под водой": они незаметны, рассказывать о них — скучнее истории не придумать. Но без этой черновой работы, лишенной всякого налета

романтики, одна седьмая вызывающая всеобщее восхищение, часть айсберга — > невозможна.

Сколько их — ведомственных барьеров, косности отдельных бюрократов, отписок и отговорок... Вряд ли все эти преграды были бы преодолены, если бы не участие Станислава Владимировича Захарова, секретаря обкома партии. При его активном содействии к намеченной экспедиции были подключены многие службы и организации. Он же оказался и ее "крестным".

Название подобрали звучное, чтобы врезалось в память крепко: камчатская научно-спортивная экспедиция «Кратер». Пост начальника экспедиции предложили занять Маю Васильевичу Начинкину.

Назначение неожиданное и, что там скрывать, ответственное. Не за тем Начинкин ехал на Камчатку, Чем еще все это обернется?

Но очень уж интересное задумано дело... Малодушничать, осторожничать в такой ситуации как-то неуместно. И Начинкин твердым голосом, как будто только и ждал такого предложения, ответил: "Согласен".

Ему еще предстояло узнать все об отважных людях, решившихся на прыжок в кратер дымящегося вулкана. Да, они сразу почувствовали симпатию, доверие друг к другу... Без умения расположить к себе любого человека фотомастеру не обойтись — это у Начинкина профессиональное.

Но что скрывается за внешней доброжелательностью, приветливостью участников экспедиции? Ясное дело, характеры у столь отчаянных людей непростые. А в экспедиции возможно всякое — здесь товарища надо знать от и до.

Вячеслав Федоров. Начальник спасательно-парашютной службы авиапредприятия, мастер спорта. Сложения богатырского, но добродушием, мягкостью, свойственным многим силачам, не отличается. Привык быть лидером, привык руководить. Ревностно относится к попыткам посягнуть на его самостоятельность.

Начинкин понял: такой человек — или первый помощник, или неуступчивый соперник даже в мелочах. Чтобы избежать конфликтов, придумал «под» Федорова должность — тренер экспедиции. Уже потом выяснилось, что чисто тактический шаг оказался совершенно необходимым. Тренироваться пришлось больше, чем они полагали первоначально. И без тренера им бы не обойтись! Да еще без такого знающего, твердого, придиричивого, как Федоров.

Привык быть первым и Лев Желонкин, тоже мастер спорта. Сами интонации его голоса — спокойные, наставительные — подчиняли собеседника, заставляли уверовать в непоколебимую правоту Желонкина. А как без этого школьному учителю физики, руководителю юношеской секции парашютизма ДОСААФ? Известно, какой ученик нынче пошел...

Но за внешней невозмутимостью проглядывало чуткое, отзывчивое сердце. В минуту волнения Желонкин забывал о менторских нотках, вел себя как самый обычный, не обремененный необходимостью быть на страже своего авторитета человек.

Впервые Начинкин взглянул на Желонкина по-другому, когда они всей экспедицией пришли посмотреть на первые парашютные прыжки шестнадцатилетних воспитанников Желонкина. "Нет, такой человек всегда будет переживать за других сильнее, чем за себя", — подумал Начинкин в те минуты. Не случайно именно Лев стал капитаном экспедиции. Между прочим, пост тоже видный, самолюбие, если уж оно имеется, согревающий.

Виктор Уздин — человек, покоряющий воображение с первой минуты знакомства. Причем впечатление такое создавалось даже у тех, кто не знал подробностей удивительно

богатой яркими событиями жизни Уздина, и в минуту безмятежного покоя в нем чувствовалась безграничная энергия и отвага, наполнявшая сердца первопроходчиков и пионеров-мореплавателей.

Нет, он не произносил громких фраз, он вообще избегал красочных эффектов, и не было в нем этакой демонической загадочности. Но каким-то образом всякий, едва сошедшийся с Виктором человек понимал: его судьба необычайна.

Ветер странствий и приключений наполнял сердце Уздина — так он оказался на Камчатке, на краю Земли, так стал пограничником, парашютистом и считался среди этих не робкого десятка спортсменов редким смельчаком. Он, кажется, сам искал опасностей и перед их лицом проявлял поразительное хладнокровие.

На Камчатке Начинкину приходилось слышать восторженные рассказы об Уздине от совершенно незнакомых друг другу людей. В составе ограниченного контингента советских войск он принимал участие в оказании интернациональной помощи народу Афганистана. Как-то вместе с товарищами Виктор выбросился в узком горном ущелье. Снайперски точно приземлились, заблокировали проход и несколько часов до подхода наших основных сил сдерживали атаку банды басмачей, численностью превосходившей десант в 20 раз. Уздин был награжден орденами боевого Красного Знамени, Красной Звезды, медалями.

Да, опасности, трудности он презирал. Но в то же время, не задумываясь, готов был отдать товарищу последний глоток воды.

Нарушим хронологию — без этого рассказ о Викторе Уздине останется неполным. Друзья удивлялись, что Виктор словно махнул рукой на личную жизнь, советовали ему остепениться. "Надо мужику свой угол иметь, — говорили ему сверстники, отцы семейств. — Сейчас ты какой-то неприкаянный. Женишься — будет где отогреться, родная душа появится".

Тихий семейный уклад не соответствовал, конечно, бурной жизни Уздина, и не уговоры повлияли на его решение. Вскоре после окончания экспедиции «Кратер» встретил хорошую девушку, полюбил. Назначили день свадьбы. Но словно не дано было отважному парашютисту обзавестись своим очагом... Словно другая, беспокойная судьба была уготована ему...

Накануне свадьбы Уздин отправился в очередной вылет. А в пути случилось непредвиденное. Вертолет, внезапно затрясло так, что Уздин выпал из хвостового отсека. В последний момент успел схватить кусок брезента, расправил его и планировал, как с парашютом.

Пальцы немели от напряжения, ветер рвал ткань из рук. Но Виктор не отпускал ее: это был последний шанс на спасение. До земли четыреста метров, двести, сто, пятьдесят... Казалось, в очередной раз Уздин чудом выкарабкался с того света. Но кусок брезента не парашют, управлять им невозможно. Виктор не смог миновать острых веток ели.

Впрочем, тогда все члены экспедиции были молоды. А кто в молодости страшится будущего? Даже, если занимается таким рискованным делом, как они?

Четвертый в группе — Виктор Шелапугин, прапорщик, инструктор-парашютист. Он был моложе товарищей и, как положено по возрасту, все их решения подвергал сомнению, предлагая взамен свой собственный вариант. Споры, вызванные «несоглашательством» Шелапугина, касались даже самых незначительных деталей экипировки. Что же говорить о буре, возникшей вокруг проблемы выбора парашюта! Все хотят прыгать на одном, Шелапугин на другом. И доводы приводит по-своему разумные.

Хотя мнение коллектива всегда брало верх, «нигилизм» одного из участников экспедиции был весьма полезен — не давал уверовать в собственную непогрешимость,

заставлял еще строже взвешивать правоту каждого решения.

Это, конечно, объяснения несколько отвлеченные. И вовсе не из-за абстрактной пользы многоопытные асы парашютизма относились к Шелапугину с симпатией. Весельчак, шутник, что называется, рубаха-парень, без которого компания серьезных, но несколько хмурых людей просто скиснет. Ну можно ли на такого обижаться? К тому же парашютист Виктор отменный, полет для него — родная стихия.

С некоторым опозданием к этому квартету присоединился Валентин Дмитриенко, кандидат в мастера спорта по парашюту и мастер — "золотые руки", когда надо что-то смастерить, подремонтировать, разобраться в устройстве сложного прибора.

Валентин внес в общую атмосферу свой вклад, частицу своей души. Дмитриенко по натуре — молчун, предпочитал не вмешиваться в бурные дебаты старейших и олицетворявшего "дух сомнения" Шелапугина.

Однако, когда споры заходили слишком далеко и стороны уступать ни в какую не хотели, Валентин умел найти слово, которое успокаивало и устраивало всех. Вывод: такие дипломатические способности пригодятся в любом деле.

Ну, и наконец, начальник экспедиции — Май Васильевич Начинкин. Как часто даже самые смелые люди в «большом» кабинете во время принципиального разговора мельчают, малодушничают, отступают. А вот Начинкин, человек в общем-то далекий от интересов вулканологов и парашютистов, загорелся их смелой идеей, без колебаний взвалил на свои плечи нелегкую ношу по координации всех служб экспедиции. Это тоже риск, тоже мужество. Говорят, удача в совпадении счастливых случайностей. Что ж, тогда первая из них — командировка на Камчатку корреспондента Начинкина.

Конечно, мечтать о прыжке в кратер 55-летнему журналисту, который до этого видел парашют только в прямоугольнике своего объектива, не приходилось. Но ограничиться добросовестным администрированием, не испытать — хотя бы в малой степени — того, что предстоит совершить его новым друзьям, Начинкин считал себя не вправе. Почему-то вбил себе в голову, что чисто по-человечески это не совсем красиво: отсиживаться в тепле, когда другим трудно. К тому же и неутомимое профессиональное любопытство влекло его к неизведанным впечатлениям. И он решился прыгнуть с парашютом, хотя подобного намека Маю Васильевичу никто и не думал делать: в его-то возрасте, согласитесь, осваивать этот вид спорта не рекомендуется. И не единожды прыгнул — так, зажмурив глаза, для очистки совести, — а прошел с участниками экспедиции весь курс тренировочных испытаний. Начинкин совершил тринадцать прыжков с двух-, трехкилометровых высот. А однажды рискнул — и прыгнул на узкую снежную кромку вулкана.

Ну а чтобы не было сомнений в том, что Май Васильевич умеет увлечь всех тем, что увлекло его, расскажу об одном происшествии, случившемся с ним три года спустя после экспедиции. Неприятном происшествии.

Стало пошаливать у Начинкина сердце, и вдруг — инфаркт. Неделю пролежал в реанимации, пошел на поправку, но тихо болеть не мог. Здесь же, в клинике, решил подготовить материал на тему: "Сколько стоит государству каждый инфаркт". Заинтересовал идеей весь медперсонал. К нему в палату приходили нянечки, медсестры, доктора, давали микроинтервью. Потом Начинкин уже и сам добрал до кабинета ведущего профессора, обстоятельно поговорил с ним. Уехал он в санаторий с намерением продолжить и там сбор материала. Что ж, и болезнь надо уметь привлечь в союзницы!

Вот такие люди бросили вызов вулкану Авачинская сопка. Люди сильные, одаренные, упрямые. И если вулканы выделяются среди своих миролюбивых собратьев — гор неприступностью и буйными страстями, то эти смельчаки тоже были из особенного сорта

людей и силой характера ничуть не уступали своему грозному противнику.

Итак, все в сборе — экспедиция начинается. Первым делом решили познакомиться с Авачей поближе, чтобы знать, так сказать, соперника в лицо. В сопровождении группы альпинистов под руководством заслуженного тренера СССР Германа Аграновского (фамилия среди горновосходителей знаменитая. Его жена Людмила — одна из немногих женщин в мире, удостоенных наипочетнейшего титула "снежный барс". Дочь Ольга не так давно спустилась на лыжах с пика Ленина) предприняли пеший поход на Авачу.

Шли туда три дня, вымотались на крутых склонах, да еще при 30-градусном морозе, прилично: вот довод в пользу воздушного десанта. Выяснили на месте следующее.

Конус вулкана вырос на основании старой скалистой горы. Высота довольно крутого обледенелого склона — 750 метров. Высота всей горы — 2790 метров. Диаметр кратера на поверхности внушительный: 460 метров. Но с глубиной он становится все уже. А что творится на дне, до которого 210 метров, сверху разглядеть невозможно — клубы желтого дыма создают непроницаемую завесу. Кратер на всем его протяжении усеян угрожающего вида скалами, найти в жерле ровную площадку для приземления непросто. Со дна бьют мощные струи сернистого газа — фумаролы (от итальянского «фумаре» — дымить, куриться). Обычный противогаз здесь бесполезен: нужны особые фильтры. Достаточно по неосторожности пару раз глубоко вдохнуть сернистый газ — и медицина помочь уже не сможет.

Сами фумаролы имеют характер изменчивый, их мощность сильно зависит от температуры и атмосферного давления — при благоприятных условиях ядовитая струя бьет почище брандспойта, поднимаясь до 200 метров. Иногда это случается неожиданно — в считанные секунды еле курящаяся струйка превращается в столб, сметающий все на своем пути. Зрелище впечатляющее: венчает этот столб пепельно-желтый бутон, который пышно распускается прямо на глазах и разбрызгивает во все стороны горячие лепестки лимонного цвета. Но, не дай бог, зазеваается наблюдатель... Кстати, этих взрывоопасных фонтанчиков в жерле Авачи предостаточно — три десятка.

Если же погода пасмурная, барометр падает, сернистый газ заполняет все жерло вулкана — вход туда запрещен. Впрочем, непогода имеет и еще один существенный минус — с высоты самолетного полета кратер в деталях не разглядишь. А ведь, само собой разумеется, вслепую садиться на вулкан не стоит.

Начались тренировки в чистом поле. Яркими красками нарисовали на снегу широкий круг, обозначили наиболее опасные скальные выступы, красными флажками указали направление выбросов сернистого газа. Из Института вулканологии прислали горизонтальные разрезы Авачи, снятые с помощью аэро-и космической фотосъемки.

Впрочем, все понимали: в жерле вулкана жди сюрпризов — в боковой плоскости будет предостаточно острых каменных шипов, неразличимых при помощи самой современной аппаратуры.

В один из дней совершили пробный вылет на Авачу.

Прыгали пока не в кратер, а на узкую, шириной около 25 метров, снежную кромку. Все приземлились точно в очерченный круг. Бушевавшие над сопкой штормовые ветра не сумели отнести парашютистов в сторону — их мастерство оказалось сильнее бури. Но опыт борьбы с

ветром над Авачей был получен бесценный, окрепла уверенность в своих силах.

Спустились вниз быстро, "с ветерком". Спуск по идеально ровному снежному конусу кратера — сплошное удовольствие. Ложишься на спину, в руках два тормоза — ледоруба, — и стремглав несешься с гигантской горки. Вверх — несколько часов. Вниз — считанные

минуты.

И опять тренировки, тренировки... В Институте вулканологии для каждого участка экспедиции подготовили обширную программу индивидуальных научных исследований. Уздину, который вызвался опуститься на самое дно кратера, поручалось отобрать образцы вулканических пород. Виктору пришлось пройти ускоренный курс минералогии — подберешь не тот камушек, что ж, возвращаешься обратно?

Шелапугина предполагалось увешать кино- и фотоаппаратурой: он был главным оператором экспедиции, и ему поручили запечатлеть на пленку панораму вулкана и его "внутренности".

Дмитриенко, учитывая его пристрастие к технике, за недолгое время пребывания в кратере попросили заменить вышедшие из строя датчики сейсмической активности. Легко сказать! Попробуй приземлиться рядом с ними...

Федоров и Желонкин брали пробы воздуха и газа, отвечали за организацию спасательных работ, помогали альпинистам в поисках и подъеме из кратера своих товарищей.

Словом, дел у каждого хватало, и действия каждого должны были быть отрететированы до автоматизма. Ведь в жерле вулкана вспоминать рекомендации некогда!

Тем временем мнения в Институте вулканологии разделились. Безумием называли экспедицию иные осторожные умы. Парашютистов останавливали в коридорах, спрашивали, как они собираются прыгать, не боятся ли вулкана? Что тут скажешь? С безмятежным видом они отвечали: "Самый обычный прыжок. Даже приятно: снаружи — минус тридцать, а приземлишься — и сразу тепло".

Через некоторое время Начинкину вручили предостерегающее письмо от замдиректора института: "Что вы делаете? Разве можно так рисковать — ведь за вами идут совсем молодые ребята? Посмотрите на себя: пожилой человек, а ввязались в сомнительную аферу. Отмените прыжок, пока не поздно".

Ничего не скажешь, аргументы благородные. Но, как часто случается, речь о возвышенном зашла, когда соображения земные были отвергнуты. Начинкин помнил автора письма по совещаниям у Федотова — там замдиректора был столь же горячим противником экспедиции, но по другой причине: жалко ему было отпущенных средств на нее. Но в том-то и дело, что ученые ждали от парашютистов ценнейших сведений, которые должны были окупить все затраты!

И все же Начинкин показал письмо товарищам. Внимательно прочитали гневный текст. Помолчали. Федоров сказал: "Кто спорит, есть в нашем прыжке риск. Есть. Но вы видели хотя бы одно стоящее дело, где удачу принесли бы на блюдечке?" — "С голубой каемочкой", — засмеялись все. А Шелапугин добавил: "Вот сядем на фумаролу — нас обратно на сковородочке принесут". И опять все рассмеялись.

А если серьезно, то единственным способом не избежать, нет — лишь уменьшить долю риска была скрупулезнейшая подготовка, предельная сосредоточенность, учет всех, без исключения, мелочей, которые могли повлиять на траекторию полета в жерле вулкана.

И они, раз за разом, изучали карты, схемы, хотя, кажется, выучили их уже наизусть. Вновь проверяли экипировку. Отвергали одно и предлагали другое. Тренировались, тренировались, тренировались...

Время у них было. Шестнадцать дней каждое утро запрашивал Начинкин метеостанцию. И шестнадцать раз прогноз погоды оказывался неблагоприятным. Вулкан словно пытался сорвать ущемляющий его вулканическое достоинство прыжок, прятался в тяжелых темных тучах, над его вершиной гуляли ураганные ветра, а низкое атмосферное давление, как пробкой, забило кратер ядовитыми газами.

Но люди терпеливо ждали, и это ожидание, эти мучительные отсрочки — тоже были испытанием экспедиции на устойчивость, на силу характера, на верность цели.

Лишь иногда не выдерживал Шелапугин и безнадежным голо сом обращался неведомо к кому:

— Пятнадцать метров в секунду ветер. Подумаешь! Бывают ураганы и посильнее. Может, прыгнем?

Федоров отвечал строго и спокойно:

— Прыгать будем, когда ветер стихнет хотя бы до десяти метров. Иначе снесет на скалы.

Шелапугин тяжело вздыхал и погружался в изучение выданных ему кинокамер. Он и сам понимал: незачем увеличивать и без того немалую долю риска. Понимал, но хотел, наверное, обрести спокойствие, которое исходило от тренера экспедиции.

А Федоров, казалось, готов был ждать сколько угодно! Не век же вулкану стоять пасмурным... Ведь даже самые хмурые личности изредка предстают в безоблачном виде.

Наконец прояснилось! Авача не выдержала "войны нервов", скинула маскировочное одеяние, сотканное из туч да туманов, и предстала с обнаженной вершиной.

В восемь утра метеослужба обещает благоприятный прогноз. Начальник штаба экспедиции Борис Ксендзов, опытейший пилот, эксрекордсмен мира, дает команду всем службам: "Полная готовность!" Необходимо завершить штурм кратера до наступления сумерек. К подножию вулкана вылетает вертолет с горноспасателями: им, с тяжелым грузом, карабкаться по конусу на вершину.

Управлять вертолетом в горах зимой, когда давление то и дело «скачет», да еще поблизости от вулкана, — тут надо быть настоящим асом. Штаб экспедиции, расположенный в Халактырском аэропорту, доверяет штурвал Герману Ивановичу Кузьминову. Работал он вдохновенно, как и полагается мастеру. И уж потом все поняли: если бы не Кузьминов, экспедиция могла остаться незаконченной.

Вертолет поднимает спальные мешки, палатку, кошки, ледорубы, 450 метров веревки, теплую одежду, пиротехнику, продовольствие на три дня, тюки с комплектом инструментов и медикаментов для оказания любой помощи, вплоть до хирургической операции. И, пройдя на минимально допустимой высоте над вулканом, со снайперской точностью кладет этот груз на небольшую наклонную площадку, в двухстах метрах от кромки кратера. Альпинистам и врачу еще предстоит перетащить все это поближе к жерлу Авачи...

Тем временем в аэропорту Халактыр в последний раз просматриваются карты, парашютисты тщательно проверяют друг у друга экипировку.

"Не забудь взять нож: может пригодиться", — советует Федоров Уздину.

Единодушно решили сменить сапоги на унты — они полегче. Все облачены в обычные парашютные костюмы, лишь Желонкин достал где-то суперсовременный серебристый костюм пожарника, подшитый гагачьим пухом.

— Раскаленные брызги прожечь эту ткань не могут, — наставительно замечает учитель физики.

— Подарок благодарных учеников любимому учителю. На прощание... — мрачно изрекает Дмитриенко.

Начинкин и Ксендзов обращаются к руководителям Халактырского аэропорта с просьбой допустить к полетам пилота, которого — по строгим инструкциям за дисциплинарную провинность — перевели на другую должность. Все верно — проштрафился, но зато какой мастер! По такому случаю пошли на нарушение устава.

И вот самолет Ан-2 вылетает к Аваче. Над вулканом все нормально. Видимость отличная. Сброшены яркой расцветки пристрелочные парашюты, снабженные датчиками.

При ударе о скалы они передают сигналы опасности.

Затем очередь дошла до Большого Ивана — так в экспедиции нарекли симпатичное чучело человеческих размеров. Минуты напряженного ожидания — и Большой Иван приземляется в заданном месте.

Итак, последняя разведка, точки наиболее благоприятных при сегодняшнем ветре выбросов из самолета установлены. Эти данные моментально обработаны в штабе экспедиции, и Ксендзов сообщает их парашютистам. В воздух взвигается сигнальная ракета, выпущенная спасателями, — значит они на месте. К Аваче вылетают вертолеты с сетями, на случай, если придется снимать парашютистов со скал.

Пора трогаться! Дмитриенко проверил у каждого рацию — без нее альпинистам не обнаружить человека в дымящемся кратере. Серьезные, сосредоточенные вошли в тесную кабинку «аннушки». Несколько минут полета — прыжок, о котором мечтали, к которому готовились всю жизнь... О чем думал каждый из них в эти мгновения?

— Ну, мужики, что загрустили, — вдруг весело воскликнул Федоров. — Выше нос! Не может такого быть, чтобы мы и с этим вулканом не справились.

Все заулыбались. Действительно, хорошее настроение — в любом деле помощник. А Федоров продолжал, обращаясь к Уздину:

— Вот ты, Виктор, скажи: прыгать будешь или, может, одумаешься? Время еще есть.

— Прыгну с удовольствием, — простодушно ответил Уздин.

— Не с удовольствием, а с парашютом, — под общий смех поправил товарища Желонкин.

Опять помолчали. Вдруг Шелапугин хлопнул себя по лбу.

— Валентин, ты спички-то не забыл взять? — испуганно спросил он у Дмитриенко.

— Вроде на земле оставил, — стал шарить по карманам главный инженер. — Да, что-то курить захотелось...

— Ну, ничего, фумарола даст тебе прикурить, — успокоил его Шелапугин.

Шутки шутками, но показался конус Авачи, и разговоры в самолете сразу смолкли. Внизу увидели оранжевые и черные огни — фальшвееры, которые зажгли ожидавшие их у входа в кратер люди. Для опытного парашютиста эти огни — как дорожные знаки для водителя: они указывают наиболее безопасный маршрут полета, удобные места для входа в кратер.

А там, в жерле вулкана, каждому предстояло ориентироваться самостоятельно, каждый должен был приземлиться — точнее сказать, «привулканиваться» в заранее вымеренной по картам точке.

Желонкин по рации связывается со штабом. Ему отвечают: "К приему готовы".

— Ну, ребята, ни пуха, ни пера! — вырывается у Федорова.

— К черту! — отвечают ему.

Теперь все решали ювелирное мастерство, точнейший расчет и высшее самообладание: прийти на помощь им уже никто не мог.

— Давай, Слава, — сказал Желонкин Федорову, и тренер экспедиции сделал шаг в воздух. Первый шаг к жерлу дымящегося вулкана.

Ветры закружили, его, но он быстро нашел равновесие, сгруппировался и дернул за кольцо парашюта. Посмотрел вверх — за ним в полет отправились поочередно Желонкин, Дмитриенко, Шелапугин и последним — Уздин.

Снизу смотрели, как, искусно маневрируя, они опускались к жерлу вулкана. Вот яркие купола прошли шлейф Авачи, они то скрывались из виду за желтыми струями фумарол, то вновь показывались замершим в ожидании людям.

Первые трое — Федоров, Желонкин и Дмитриенко — достигли поверхности земли: здесь

полет обычно прекращался. Но на сей раз они опускались еще ниже — туда, где их ждали главные опасности. Парашютисты остановились на глубине от 40 до 60 метров, каждый на своей площадке. Да, обошлось без неожиданностей. Значит, не зря готовились, не зря долгие часы ушли на утомительные тренировки и теоретические занятия.

Связались по радиации с «землей». "Я — кратер один", "Я — кратер два", "Я — кратер три", — передавали они свои позывные. Валерий Овчинников, научный сотрудник Института вулканологии, не теряя времени, давал консультации по выполнению научной программы экспедиции. Горноспасатели под руководством мастера спорта Николая Краева стали готовиться к спуску в кратер.

Но два самых сложных прыжка продолжались. Парили в кратере Шелапугин и Уздин. Они не видели друг друга и едва успевали, бешено перебирая стропы, менять направление движения парашюта, обходя острые скальные выступы, неожиданно вылезшие из тумана.

Наконец Шелапугин достиг заданной глубины — 120 метров, прицелился и точно встал на узкую обледеленую площадку. Но парашют по инерции соскользнул вниз и потащил его за собой. Опоры никакой, руками зацепиться не за что. Эх, надо было ледоруб захватить! Что там, ниже? Уже на обрыве Виктор краем глаза заметил крючкообразный выступ и мгновенно закинул через него стропу. Помахал в воздухе правой, уже соскользнувшей, ногой: ну и ну! Радость захлестнула его, он что-то кричал по радиации, махал руками неизвестно кому...

А Уздина тащило все глубже и глубже — на самое дно. Парашют беспомощно бился о стенки кратера и уже не мог затормозить падение. Кратер становился все уже и уже, концентрация сернистого газа, возрастала. Тогда Уздин выхватил финку, о которой напоминал ему Федоров, и со всей силы всадил ее в стену. Лезвие отскочило назад, как от удара о броню. Виктор снова размахнулся. Потом еще и еще. Какой силы были эти вызванные отчаянием удары?

И вдруг стена мелкими камушками брызнула под ножом, Уздин повис на одной руке и почувствовал, что унты нашли твердую опору. Глянул вниз — вот он, его выступ, совсем рядом. А на дне — глубины величиной с трехэтажный дом. И глубины эти едва заметно подпрыгивают. Фильм ужасов! Где-то здесь искал проход к Центру земли жюль-верновский профессор Отто Лиден-брок...

Итак, до поверхности 190 метров. Самое пекло... Все в порядке... Включил радиацию: "Я — кратер пять. Как там у ребят? Все нормально?" Овчинников закричал в микрофон: "Витя, это ты? Ты где? Жив? Молодчина!"

Вот что они рассказывали о кратере Авача, выбравшись наружу:

— Отверстие наполовину затянуто дымом, в просветах торчат камни, выступы, утесы. Дикость. Черные пятна бесснежья. Хаос какой-то, столпотворение...

— Фумаролы. Газ, пар столбом поднимались. Как деревья в лесу, потому что ветра внутри практически не было.

— Гул почти как от реактивного самолета. Это самая большая фумарола так гудит. Я ее метрах в пятнадцати обошел. А столб от нее метров на сто!

— Я ничего, кроме точки приземления, не замечал, — работал. А когда на ноги поднялся, огляделся, тогда и осознал — жутковато стало.

— Там ведь ни единой розной площадочки. Там все под уклон. Живая земля, дышит... Не по себе как-то...

Надо было торопиться с возвращением. В горах быстро наступают сумерки, когда на полеты дается отбой. Федоров, Желонкин и Дмитриенко без приключений «съехали» с ледяного склона кратера. Внизу их уже ждал вертолет — ночевали парашютисты дома. А вот Уздин и Шелапугин в сопровождении эскорта альпинистов топали по выдолбленным

ледовым ступенькам с фонарем: в темноте уже не до лихого саночного спуска. Заночевать пришлось в маленьком домике на метеостанции в 30 километрах от Петропавловска-Камчатского.

Возвращение с опозданием имело трагикомическую сторону.

Утром после шумной встречи парашютистов — со вспышками юпитеров, фотографированием всех вместе и по одиночке, после долгих интервью и автографов — Шелапугин в своей родной части за неявку на вечернюю поверку был отправлен на гауптвахту. Объяснения прапорщика, что он, дескать, застрял глубоко в вулкане, начальство восприняло с недоверием.

Вот и совершай после этого подвиги!

Впрочем, в тот же день недоразумение было устранено: об уникальном прыжке говорил весь город, а некоторые с крыш домов даже наблюдали, как цветные купола парашютов кружили над дымящимся кратером. Зрелище было необыкновенное...

Остались довольны результатами экспедиции и ученые. Член-корреспондент С. Федотов пришел попрощаться с парашютистами, тепло благодарил их. А потом вдруг стал рассказывать о вулкане Толбачик, извержение которого доставило столько бед в 1975 году.

Парашютисты переглянулись: к чему это Сергей Александрович клонит? Оказалось, в жерло Толбачика даже летом никто не спускался — много обрывов, осыпей, на дне плещется озеро концентрированной серной кислоты. А изучать вулкан необходимо — он сейчас находится в расцвете сил.

Директор института подарил парашютистам подробные карты Толбачика, описание его особенностей. Что ж, время покажет! Может, состоится и такой прыжок...

Но и без того опыт покорения Авачи не стал достоянием архивов. Следующей зимой на Камчатке потерпел аварию пассажирский самолет Ан-24. К счастью, пилотам удалось избежать худшего — самолет лег на седловину между двумя сопками. Держался, что называется, на честном слове — от порывов ветра ходил вверх-вниз, как на качелях.

Из Петропавловска-Камчатского срочно вылетела группа спасателей-парашютистов — Федоров, Желонкин, Дмитриенко, Уздин, Шелапугин. Дело известное: они умело приземлились на сопку, вызволили из самолёта пассажиров, организовали их спуск вниз. Потом — не пропадать же технике! — обвязав крепкими путами самолет, помогли ему на брюхе соскользнуть в долину.

Так счастливо закончилась история с прыжком в кратер действующего вулкана. Значит, риск оправдан. И значит, да здравствуют идущие на риск!

3. Отважный (Владимир Снегирев, Александр Шумилов)

В феврале 1984 года телетайпы информационных агентств отстучали новость, которая взволновала миллионы людей в разных странах мира: на Аляске, спускаясь с горы Мак-Кинли, пропал японский путешественник Наоми Уэмура. 12 февраля он завершил одиночное зимнее восхождение на эту самую высокую вершину Северной Америки (6193 метра). 16 февраля Уэмуру в последний раз видел пилот легкого самолета на отметке 5180 метров, а затем его следы исчезли. Не вернулся к намеченному сроку в базовый лагерь, не вышел на связь.

Может быть, он упал в ледниковую трещину? Засыпан снежной лавиной? Сорвался со скал? Нет, мы не верили этому. Ведь речь шла не просто о рядовом альпинисте. И не просто об искушенном в горных походах человеке. Речь шла о выдающемся путешественнике XX столетия, много раз с честью выходявшем из самых невероятных испытаний. Не верили мы этому...

Вверх по склонам Мак-Кинли отправились спасательные партии, но поискам мешала погода — снежные метели, сильные ветры. Вести с Аляски приходили неутешительные.

Но все равно никто не верил в самое плохое. Думали: выкарабкается, обязательно и на этот раз выиграет Уэмура поединок с силами стихии, вписав в реестр своих подвигов *сine* одно блистательное достижение. Ведь были же и в прошлых его одиссеях чрезвычайные происшествия, когда выходила из строя связь, подводило снаряжение... Может быть, и теперь отсиживается Уэмура где-нибудь в укромном месте, пережидая непогоду, а утихнет буря, выглянет из-за туч солнце — и он вновь отправится в путь. Ну, исхудает, натерпится, не без того. Так ведь — Уэмура! Ему все нипочем.

Помнится, кто-то высказал и такое предположение: японец, дескать, намеренно интригует мир, чтобы его популярность выросла еще больше. Мол, от степени популярности у них там зависит и материальное благополучие, а деньги на свои экспедиции Уэмура всегда собирал с трудом.

Нет, такие трюки были не в его духе. Но, ладно, мы бы простили ему и это. Люди, хорошо знавшие Уэмуру, продолжали верить в то, что все обойдется. Считали дни.

Летчик, тот самый, который последним видел его на склоне горы, даже предложил не спешить со спасательными операциями. Почему? Да потому, что это, по его мнению, могло плохо сказаться на репутации Уэмуры, который все свои удивительные путешествия совершал в одиночку. Летчик опасался, что Уэмура вся эта кутерьма с поисками может не понравиться.

27 февраля альпинисты, отправившиеся к вершине, обнаружили часть снаряжения Уэмуры.

Наступил март. Никаких новых известий с далекой Аляски пока не было. Жив или погиб? В газетах его частенько называли суперменом. Эдакий привычный штамп.

Наоми Уэмура застенчиво улыбался — ну какой он супермен? Рост 159 сантиметров, вес 50–55 килограммов.

"Он мог показаться чудачком из тихого и далеко не фешенебельного пригорода японской столицы"...

"Его можно принять за обычного школьного учителя"...

Он родился в феврале 1941 года в маленькой деревеньке на юго-западе Японии. Младший из семи детей. В школе был незаметен — ни в учебе, ни в спорте не выделялся.

О начале своей необычной «карьеры» сам Уэмура рассказывает так: "Я приехал в город из родного дома в горной деревне, что находится в префектуре Хёга, совершенно

необразованным человеком. Я затерялся в людской толчее и, как любой деревенщина, совершенно был сбит с толку городской суетой. Затем, как самый настоящий провинциал, стал старательно мечтать о том, чтобы городские люди признали меня за своего. Но стать с ними в один ряд мне никак не удавалось. За что бы я ни брался, везде меня опережали... В университете я записался в альпинистскую секцию, но поначалу оказался в этом деле абсолютной бездарностью и в горы не ходил. Я был предметом насмешек: потому что ни разу не поднялся даже на Фудзияму. Это было унижительно... Тогда, не желая выказывать свое неумение, я тайком от своих товарищей по секции стал уходить в ГОРЫ, Постепенно все больше и больше испытывая удовольствие от занятий альпинизмом. Так и начались мои самостоятельные походы..."

В марте 1964 года Уэмура окончил сельскохозяйственный факультет расположенного в Токио университета Мейдзи.

"Я, честно говоря, сомневался, что мне удастся устроиться на работу. Если бы я и нашел место в какой-либо Фирме, то все равно не смог бы выдержать конкуренцию с другими претендентами на него. Я был твердо убежден, что не смогу преуспеть ни в одном деле..."

Скромничает Уэмура. Еще учась в университете, он начал «переделывать» сам себя и уже тогда изумлял товарищей невероятным упорством. Его однокурсник Накадэ Мидзуисао рассказывает: "Жил он скромно, сэкономил деньги на свои походы. Ел в основном рис и картошку. Потом устроился подрабатывать — чернорабочим на стройку, с 8 часов утра до 5 часов вечера таскал тяжелые мешки с цементом, а вечером шел на лекции. Мы были уверены — надорвется. Не для его хрупких плеч такая нагрузка. Но тяжелый труд его только закалил. Внешне Наоми остался все таким же невидным, однако мы знаем, что за мускулы и характер скрываются за этим".

Со 110 долларами в кармане он отправился в США. Зачем? Чтобы заработать деньги на дорогу... до Альп.

"Единственная возможность компенсировать свою неуверенность в собственных силах заключалась в занятиях альпинизмом".

Слово «самоутверждение» произносят иногда с каким-то ироническим оттенком. Непонятно почему? Разве слово «Человек» не должно писаться с большой буквы? И разве вся Жизнь Человека не должна быть Самоутверждением? А что касается спорта — любого вида спорта, не только альпинизма — то он, безусловно, может быть и некой моделью жизни, и прекрасным средством самоутверждения. Трехкратный олимпийский чемпион, бегун Питер Снелл сказал об этом так: "Как только вы уверовали в силу человеческого духа однажды, эта вера становится для вас источником новых дерзаний... Я высоко ценю уверенность, которую приобрел, взойдя на вершину в спорте. Я понимаю теперь, что эту уверенность можно применить и в других областях жизни..."

Летом 1964 года Наоми Уэмура приехал в Шамони, разбил свою палатку у подножия гор. Он знал несколько французских слов и мог кое-как объясниться по-английски. У него не было ни денег, ни знакомых. Во время одного из тренировочных восхождений он сорвался в трещину, пролетел несколько метров, но, к счастью, зацепился рюкзаком за камни. Это его спасло.

К зиме Уэмуре удалось устроиться в лыжный патруль на одной из маленьких альпийских станций. А весной следующего года он участвовал в Гималайской экспедиции, организованной его родным университетом Мейдзи. Первая заоблачная вершина — 7746 метров.

Дальнейший послужной список Наоми Уэмуры воистину триумфален и стоит того, чтобы привести его полностью:

1966 год. Июль — Монблан и Маттерхорн (Альпы).

Октябрь — Килиманджаро и Кения (Африка).

1968 год. Январь — пик Эль-Плата (Анды, Южная Америка).

Февраль — Аконкагуа и Безымянный пик (Анды, Южная Америка).

Сентябрь- гора Сэнфорд (Аляска, Северная Америка).

Заметьте — все эти восхождения Наоми Уэмура совершил в одиночку. А в промежутке между Андами и Аляской — и тоже в одиночку — на плоту проплыл 6000 километров по Амазонке — от истоков до устья.

Его связанный из семи бальсовых бревен плот представлял собой весьма ненадежное плавательное средство. Значительную часть этого «ковчега» занимал шалаш, крытый листьями кокосовой пальмы, а на корме Уэмура соорудил крохотную земляную площадку для разжигания очага.

Он отчалил от пристани небольшого поселка в верховьях реки рано утром 20 апреля, в разгар сезона дождей. Даже здесь, в истоке, Амазонка вздулась, вышла из берегов. Там, где ее русло стискивали отроги Анд, река бешено ускоряла свой бег к океану, кипела на перекатах. За каждым новым поворотом она словно бы меняла характер: то становилась строптивой, то безмятежно-спокойной.

Однажды часть снаряжения смыло за борт. По вечерам тучи moskitov и мух облепляли лицо, лезли в глаза, рот, уши. В эти моменты он с удовольствием вспоминал пронизывающий холод горных вершин. Холодно? Зато нет мух. Находясь среди одной из самых великих рек мира, Уэмура постоянно испытывал дефицит питьевой воды. Дело в том, что вода вышедшей из берегов вспененной, мутной Амазонки никак не годилась для приготовления пищи. Это была не вода, а черная взвесь ила. Уэмуру выручали частые тропические дожди.

20 июня его плот, наконец, причалил к берегу в населенном пункте Макана, вблизи устья, и с тех пор Уэмура водных путешествий не совершал.

Кстати сказать, именно плавание по Амазонке он (Всегда считал самым рискованным предприятием в своей жизни. Главным образом потому, что замысел его возник случайно, оно не было подготовлено

"Тогда мне казалось, что раз я совершил такое сложное восхождение (на Аконкагуа. — Прим. авт) то и спуск по Амазонке мне будет вполне по плечу Я сравнивал несравнимое и не знал, что делаю но был уверен в себе и не ведал страха. Очевидно, именно поэтому все закончилось благополучно. Но если бы мне предложили повторить это, я, наверное, отказался бы"

Отныне все свои путешествия он будет готовить самым тщательным образом.

"Смерть-этот вариант не для меня. Я всегда стремился вернуться в Японию живым»

В 1969 году Наоми Уэмуру включают в состав японской Гималайской экспедиции цель — покорение Эвереста, Джомолунгмы — высочайшего пика мира Японцы предполагают штурмовать вершину "в лоб" по юго-западной скальной стене, очень сложной в техническом отношении. Выполнить этот смелый замысел удастся только в 1982 году советским альпинистам, а первая японская экспедиция вынуждена отступить. Один из участников — шерп — погибает

После окончания периода муссонов, осенью того же 1969 года, японцы повторяют попытку и поднимаются по юго-западной стене до высоты 8050 метров но вновь вынуждены отступить.

Уэмура остается зимовать в Гималаях. От первоначального плана штурма по Юго-западной стене японцы окончательно отказались. Весной 1970 года они наконец, добиваются успеха.

Сетсуко Ватанабэ поднимается на южную седловину Эвереста и первой среди Женщин достигает высоты 8000 метров.

Звезда горнолыжного спорта Миура исполняет рекордный трюк: укрепив на себе стабилизирующие крылья, совершает головокружительный трехкилометровый спуск-полет на лыжах (с южной седловины до западного цирка.)

Трое японцев и шерп обычным маршрутом по юго-восточному гребню поднимаются на вершину Эвереста В первой двойке — Наоми Уэмура.

"В день подъема на вершину у меня из-за кислородной маски разбились очки. Когда я спустился после достижения вершины, то ночью не мог спать, так у меня болели глаза".

При восхождении погиб японский альпинист и шерп. Еще раньше — при сооружении промежуточного лагеря — под ледовым обвалом были погребены семь шерпов. А всего в том году жертвами Гималаев стали 25 человек...

После восхождения на Эверест Уэмура улетает на Аляску и — вновь в одиночку — покоряет там гору Мак-Кинли.

В двадцать лет он не мог подняться даже на Фудзияму — по натопанной тысячами ног тропе. К двадцати девяти — на его "боевом счету" высочайшие вершины Западной Европы, Африки, Южной и Северной Америк. Монблан — 4807 метров, Килиманджаро — 5895, Аконкагуа- 6960, Мак-Кинли — 6194. И Эверест — высочайшая вершина Азии и мира — 8848 метров!

Такого послужного списка не имел еще ни один альпинист!

Согласитесь, большинству из нас для самоутверждения было бы вполне достаточно любого из этих восхождений. Но Уэмура вновь и вновь штурмует вершины.

Очередная — гора Гранд-Жоресе в Альпах — могла стать для него последней. В общем-то ничем не примечательная гора, и ничем, казалось, не примечательное тренировочное восхождение. Разве только тем, что было оно «праздничным» — с группой товарищей, в канун Нового года.

"Был страшный холод, мороз доходил до минус 40 градусов. Руки и ноги мои начинали терять чувствительность. Тогда я стал двигать ими, сжимая и разжимая пальцы, по несколько сот раз, и мне удалось избежать обморожения. А вот у товарищей моих были страшные обморожения. Они произвели на меня ужасное впечатление".

В 1971 году Уэмуру включают в состав "Международной экспедиции на Эверест".

Лучшие альпинисты мира собрались вместе. Штурм должен был проходить по двум маршрутам: одной группе предстояло идти по юго-западному склону, а другой- по западному гребню. Однако ни тот, ни другой вариант к успеху не привели. Лишь одной двойке удалось подняться достаточно высоко, до отметки 8350 метров. При попытке прохождения западного гребня погиб индийский альпинист.

Причин неудачи, говорят, было несколько. Сначала альпинистам досаждала ненастная погода, сильные морозы и штормовые ветры. А потом... Собственно, это главное — то, что случилось потом. Восходители из 13 стран не сумели найти общего языка друг с другом. Каждый из них был силен сам по себе, когда же речь заходила о коллективных усилиях, ничего не получалась. Оказавшиеся на юго-западном склоне Доугэл Хэстон и Дон Уильянс все время рвались вперед, заставляя других обслуживать их — это и стало основным поводом для конфликта.

Знаменитый восходитель и литератор Крис Бонингтон, описавший эту ситуацию в одной из своих книг, подчеркивает, что Уэмура и его соотечественник Ито не позволили втянуть себя в ссору. На протяжении всего восхождения они терпеливо и молча выполняли монотонную, изнуряющую работу по доставке снаряжения в верхний лагерь, прекрасно

сознавая, что это не дает им ни малейшего шанса увидеть вершину.

Собирая материал для книги, Бонингтон спросил Уэмуру, что он думал тогда по этому поводу, и услышал в ответ: "Они (имеются в виду Д. Хэстон и Д. Уильянс. — Прим. авт.) никогда не спрашивали, чего мы хотим или о чем мы думаем. Мы же делали все возможное, чтобы поддержать их. Это был наш долг". Бонингтон намеренно не делает вывод, и так все ясно...

Трудно сказать, в какой именно степени этот случай повлиял на решение Наоми Уэмуры в дальнейшем путешествовать только одному, но так или иначе, а именно с тех пор он всегда отправлялся в дорогу в одиночестве.

"Когда дело доходит до приключений, я становлюсь эгоистом — так объяснял он свою приверженность к "сольным походам". — Для меня истинный смысл моих путешествий — в радости от свершения задуманного... Когда удавалось преодолеть себя и продвинуться хоть еще немного вперед, я чувствовал радость и гордость за то, что все это мне пришлось совершить в одиночку, без чьей-либо помощи".

В начале 1972 года Уэмура побывал на аргентинской станции в Антарктиде, а в августе ненадолго поселился у эскимосов Гренландии. Совсем один — чтобы полностью проникнуться духом жизни этого самого северного в мире народа, воспринять накопленный веками опыт.

"Супруги Инутосоа очень сердечно отнеслись ко мне... Я тоже привязался к этим простым людям и, как мог, отвечал на их любовь. Вскоре пожилые супруги сказали, что берут меня в приемные сыновья, что они оформили какие-то бумаги и получили свидетельство. Приемные дети — весьма обычное явление у эскимосов".

Уэмура научился строить снежные хижины — иглу, научился управляться с собачьей упряжкой и совершил небольшое — всего 3000 километров — путешествие по северо-западному побережью Гренландии.

Это была своеобразная разминка, поскольку с декабря 1974 по май 1976 года он в одиночку прошел на собачьей упряжке по Гренландии, островам Канадского архипелага, Аляске — 12 тысяч километров.

Только тогда, после самой тщательной подготовки, у него окончательно созрел план, обозначилась цель — Северный полюс!

Мы, к сожалению, разучились удивляться. Путешествовать просто... если сидишь у экрана телевизора. Мы совсем забыли, что достижение Северного полюса на протяжении многих веков оставалось манящей, но не доступной целью, мечтой многих прославленных путешественников. Мы совсем забыли, с каким трудом двигался человек к вершине планеты. Мы забыли, что всего сто лет назад газеты мира сообщили «окончательно»: "Северный полюс недоступен!"

Впервые вершину планеты сумели достичь в 1908 и 1909 годах американские путешественники Фредерик Кук и Роберт Пири. Впрочем, современные историко-географы говорят более осторожно: "Они побывали в районе полюса".

Кук и Пири шли по дрейфующим льдам на собачьих упряжках. Потом — в 1926 году — круг почета над полюсом совершил первый самолет, несколько дней спустя — дирижабль.

21 мая 1937 года советский летчик М. В. Водопьянов посадил тяжелый четырехмоторный самолет "СССР Н-170" у точки пересечения меридианов. Вслед за ним «приледнились» самолеты В. С. Молокова, А. Д. Алексеева, И. П. Мазурука. На лед было выгружено около десяти тонн снаряжения и оборудования первой в мире дрейфующей научной станции.

В 1937 году это событие произвело не меньшее впечатление, чем в наши дни первый

старт человека в космос. Весь мир повторял тогда имя Отто Юльевича Шмидта — начальника экспедиции, имена четырех советских зимовщиков — Папанина, Кренкеля, Ширшова, Федорова. И все 274 дня, пока продолжался дрейф, эти имена оставались самыми популярными в мире.

"Экспедиция Папанина превосходит все, что делалось в продолжение долгого времени для мировой науки. Значение ее... можно сравнить только с открытием Америки и первым путешествием вокруг света", — писала зарубежная газета.

Прошло время — дрейфующие станции и сезонные экспедиции в Арктике стали привычным делом.

С 1948 года каждую весну, а иногда и осенью проводятся высокоширотные воздушные экспедиции «Север». Летающие лаборатории «приледняются» в заранее запланированном районе, проводят в течение нескольких суток комплекс наблюдений, а затем перелетают в другой район, на новую льдину.

В 1950 году была организована станция "Северный полюс — 2", а начиная с 1954 года дрейфующие станции работают в Северном Ледовитом океане непрерывно. Общая продолжительность их дрейфа превысила 20 тысяч суток, а путь, пройденный ими в океане, достиг 100 тысяч километров.

Дрейфующие станции и сезонные экспедиции организуют также американские и канадские ученые.

Северный Ледовитый океан — самый суровый, самый труднодоступный из океанов — стал благодаря этим работам самым изученным из всех океанов Земли. Люди научились жить и работать на дрейфующих льдах месяцами, а то и годами. Но вот что удивительно — Северный полюс отнюдь не потерял своей притягательности. Он остается своеобразным полигоном для демонстрации мощи технических достижений человечества. И еще — для демонстрации мужества, воли, выносливости самого человека.

В 1977 году надводный корабль, советский атомный ледокол «Арктика» впервые в истории достиг полюса.

Сорок лет назад известный советский полярник и океанолог Николай Николаевич Зубов писал: "Безвозвратно минули дни, когда отважные люди на санях, запряженных собаками... устремлялись в неведомые им северные дали, умирали от цинги и переносили невероятные лишения, не достигнув желанной цели".

Безвозвратно?

Конечно, цинга ушла в прошлое, да и неведомых далей тоже, согласитесь, нет уже на Земле. Но остался полюс. И человек, который по-прежнему желает проверить себя в борьбе.

В 1964 году с Земли Элсмira к полюсу на собачьих упряжках выходит норвежская экспедиция Бьерна Стайба. Неудача...

В 1967 году на мотонартах-снегоходах стартует американо-канадская экспедиция Ральфа Плейстеда. Неудача...

В 1968 году со второй попытки Плейстед добивается успеха!

В 1968–1969 годах английская экспедиция Уолли Херберта пересекает на собачьих упряжках Ледовитый океан по "большой оси" — мыс Барроу на Аляске — полюс — Шпицберген!

Зачем это нужно? В наш космический век — рискуя жизнью, испытывая невообразимые лишения, идти на собачьей упряжке к какой-то воображаемой точке пересечения меридианов, где уже побывали до тебя десятки людей?..

Зачем? Наверное, этот вопрос задают всегда. Задают тем, кто идет к полюсу, кто поднимается на горную вершину, кто на яхте или на лодке пересекает океан.

Фрэнсис Чичестер, в одиночку совершивший кругосветное плавание, писал: "После... морского путешествия, подобного этому, один из первых вопросов, который мне зададут, будет такой: зачем я отправился в путь? В последние годы я давал не менее двадцати разных ответов на него..."

Аллан Джилл, участник экспедиции Херберта, в ответ на подобный вопрос раздраженно отшутился: "Я лично иду, чтобы избавиться от глупых людей, которых спрашивают: "Зачем ты идешь?"

Английский альпинист Меллори, который первым бросил вызов Эвересту, отвечал просто: "Потому что он — Эверест — существует!"

Человечество делится на тех, кто недоуменно пожимает плечами и задает скучные вопросы, и на тех, кто искренне восхищается "колумбами XX века", кого путешествия (даже чужие) окрыляют, делают сильнее и счастливее. Интересно, что когда Чичестер завершил свое кругосветное плавание, его встречали в гавани тысячи людей. Английская королева возвела яхтсмена в рыцарское звание, коснувшись его плеча кончиком золотого меча, принадлежавшего когда-то адмиралу Дрейку. Имя Чичестера английский народ поставил рядом с именами прославленных мореплавателей — Джеймса Кука, адмирала Нельсона. А скромная яхта "Джипси Мот IV", на которой Чичестер обошел вокруг света, стала национальной реликвией.

Зачем это нужно?

Уолли Херберт ответил: "Я верю, что одной из черт развития цивилизации является дух приключений. Презирать или принижать это качество — значит игнорировать врожденное чувство любознательности, которое заряжает человека энергией".

"Я хочу бросить вызов пределам человеческой выносливости", — словно вторит англичанину Херберту японец Уэмура...

Пятого марта 1978 года, в день его старта с мыса Колумбия — северной оконечности Земли Элсмira, самого северного острова Канадского арктического архипелага — термометр показал 51 градус ниже нуля.

Широта 83°06', до полюса — по прямой — 766 километров. Самолет совершил посадку, а потом взлетел в полутьме — солнце еще не взошло после долгой полярной ночи.

Скулили, жались к ногам семнадцать эскимосских псов. Уэмура взобрался на десятиметровый торос, чтобы оглядеться, наметить путь.

"Начинается мой поединок с природой".

"То, что я увидел на севере, потрясло меня. Сколько раз мне приходилось разглядывать эти места с самолета! Мне казалось, что я хорошо представлял себе все, с чем предстояло здесь встретиться. Но я ошибался... Всюду, насколько хватает глаз, сплошное месиво ледяных глыб. Это нечто фантастическое... Оглядываю простирающуюся передо мной ледяную бесконечность метр за метром в надежде отыскать хоть какой-нибудь проход, через который можно было бы провести собак. Все тщетно... Прохода нет..."

Шестого марта он тщетно пытался отыскать путь в этом хаосе льда.

Седьмого — весь день долбил ломом лед и проложил-таки двухкилометровую тропу, по которой на следующий день надеялся провести упряжку.

Восьмого марта утром увидел, что ночная подвижка льдов уничтожила все плоды его трудов. Тропа, пробитая накануне, была вновь завалена глыбами льда. Провести здесь упряжку опять стало невозможно.

В ночь на девятое Уэмура сквозь сон услышал собачий лай.

"В то самое мгновение, как я открыл глаза, послышалось чье-то непривычное сопение. "Медведь!" Его шаги слышны не более, чем в 10 метрах от моего изголовья. Ружье, лежащее

у меня под спальником, не заряжено. Расстегнуть спальник, вылезти из него и зарядить ружье уже невозможно. Единственная моя возможность уцелеть заключается в том, чтобы лежать не шевелясь. Слышу, как медведь разрывает лежавшую на нартах картонную коробку с провизией для собак. Что-то переворачивает. Кажется, полиэтиленовое ведро с китовым жиром, который я держу вместо приправы. Хрустит в медвежьих лапах раздираемое ведро. Потом слышится чавканье. Звуки его неторопливо приближающихся шагов говорят, что он идет прямо на меня. С треском рвется палаточная ткань. Меня обдает вонючим дыханием, и огромная лапа наступает мне на висок. "Ну, все, крышка мне, — мелькает в голове... — Кимитян, я умираю". Получаю резкий пинок, переворачиваюсь вместе со спальником и теперь лежу вниз лицом. Стоявшая на ящике печка падает на меня. Теперь двинуться невозможно. Ртом и носом я уперся в пол. Пытаюсь дышать — не могу. А шевельнуться нельзя... Наконец медведь оставил палатку в покое. Теперь слышу, он с хрустом грызет что-то около нарта. Время идет. Да нет, оно еле тащится. Звуки медвежьей трапезы прекратились. Теперь слышно, как он ходит по снегу вокруг своей стоянки. Все еще ходит. Опять идет ко мне! Липкий пот покрывает все тело. Я не могу унять дрожь. "Господи, помоги мне, помоги!" Я уже не сдерживаю эти свои последние предсмертные стоны. Медведь бушует совсем рядом. Палатка сотрясается... Совсем неожиданно звуки медвежьих шагов начинают удаляться. Медленно, очень медленно. Все тише, тише. "Спасен? Спасен!"... В десятом часу я связался с Авророй и попросил прислать новое снаряжение, прежде всего палатку и провиант. Завтра прилетит спасательный самолет"...

Изнуряющая работа по прокладыванию пути в торосах, сжимающий душу ужас, когда под нартами трещит и ломается лед, когда рушится снежный мост, по которому ты прошел или только собирался пройти...

"Меня вновь охватывает страх. Что же мне сделать, чтобы вытравить его из сердца? Мне столько раз приходилось испытывать это чувство, но каждый раз, когда оно появлялось, я не знал, как с ним бороться, у меня не было средств против него"...

Эти слова мог написать только очень мужественный человек. Избавиться от страха нельзя, но каждый раз вновь и вновь можно преодолевать его.

За первые семь дней он прошел четыре километра, за первые десять — около пятнадцати. Вплоть до 21 марта на горизонте все еще маячили скалы мыса Колумбия.

К 30 марта, за 25 дней, он оставил позади 100 километров. Первые сто километров...

"Доводящие до безумия торосы!"

"Сегодня по пути ужасные торосы".

Он долбит и долбит ломом лед.

"В голове опять теснятся предательские мысли о том, что невозможно двигаться вперед, что путешествие необходимо прекратить. Тут же сам себя ловлю на них, и мне становится стыдно. Беру себя в руки и снова работаю ломом. И опять все повторяется сначала..."

29 марта в дневнике Уэмуры появляется запись: "Я смертельно устал".

У него обморожено все лицо — щеки, нос, подбородок покрыты струпьями. "Слишком большая роскошь — сдаться из-за обморожения"...

Когда остался позади прибрежный пояс торосов, который всегда образуется на границе между неподвижным прибрежным (припайным) льдом и постоянно движущимися дрейфующими льдами Центрального Полярного бассейна, скорость движения стала возрастать. Но все чаще и чаще на пути возникали разводья, которые зачастую приходилось преодолевать с риском для жизни.

Однажды бежавшая впереди собака совершенно неожиданно провалилась в воду. Что делать? Интуиция подсказала, что останавливаться нельзя. Времени нет даже оглянуться —

боковым зрением Уэмура видит, что собака выкарабкивается из трещины, а сам в это время выбирает места, прикрытые снегом, интуитивно чувствуя, что под ними находится лед. Нарты постепенно погружаются в воду... Каким-то чудом они все-таки добрались до старого льда...

"Я обернулся, и ужас охватил меня: за нами тянулся след, посередине которого лед был разломан и начинал расходиться в разные стороны. Представить страшно, что бы произошло, если бы я тогда остановился выручить собаку. Нечто еще не совсем осознанное заставило меня тогда крикнуть собакам "яя!". Я назвал бы это «нечто» инстинктом самосохранения, животным страхом за жизнь".

18 апреля еще в полудреме Уэмура услышал зловещее потрескивание льда. Трещина шириной в 30 сантиметров прошла совсем рядом с палаткой. В тот день, желая переправиться через широкое разводье, Уэмура вместе с упряжкой очутился на отдельно плывущей льдине, которая крошилась прямо под ногами. Трещины покрывали ее вдоль и поперек, прямо на глазах расширяясь. Кругом — каша мелкобитого льда.

"Я растерялся. Что делать? Что же делать? В панике вытащил передатчик, с отчаянием решив, что мне ничего не остается делать, как сообщить на базу о том, в какое я попал положение, и попросить о помощи. Я настраивал передатчик, когда под палаткой молнией пробежала трещина. Только сейчас увидев ее, я словно пришел в себя... Передатчик в такой ситуации не поможет. К тому времени, как прилетит вызванный сюда сигналом бедствия самолет, со мной будет уже все кончено. В такой ситуации надо рассчитывать только на собственные силы. Другой возможности остаться в живых у меня нет. "Спокойно! Только спокойно!" — уговаривал я себя... Здесь решался вопрос жизни и смерти"...

Нередко говорят, что такие вот современные путешествия Тура Хейердала, Фрэнсиса Чичестера, Уолли Херберта, Наоми Уэмуры, многих-многих других не могут идти ни в какое сравнение с экспедициями, плаваниями минувших веков.

Сам Уэмура согласен с этим. Он безоговорочно отдает приоритет путешественникам прошлого, отправлявшимся в дорогу, пусть и не в одиночестве, как он, но зато без радиосвязи, без авиационной поддержки, без совершенных навигационных приборов. Уэмура признает, что их маршруты не сравнимы с его экспедицией ни по тем трудностям, которые пришлось перенести, ни по результатам, которые были достигнуты.

Данью величайшего уважения к первопроходцам звучат его слова: "Я счастлив был бы проявить хоть толику того упрямства и той силы воли, что находил в себе такой великий человек, как Роберт Пири".

Но это лишь одна грань вопроса. Есть и другая.

Да, Уэмуре помогали летчики: раз в две недели доставляли продовольствие, прилетали, чтобы заменить пришедшее в негодность снаряжение, заболевших или уставших собак. (Одна из собак неожиданно для Уэмуры оценилась во время полюсного похода — щенков и мамашу эвакуировали самолетом и, говорят, в США распродали с аукциона.)

На нартах Уэмуры был установлен специальный радиопередатчик, сигналы которого фиксировал и вновь передавал на Землю американский метеоспутник «Нимбус-6», а на Земле вычислительная машина точнейшим образом определяла координаты японского путешественника. Второй радиопередатчик он использовал для связи со специально организованной на широте 80°30 вспомогательной базой Аврора, где постоянно дежурили японские радисты Тадо Юко и Судзуки Кикудзи. Третий радиопередатчик Уэмура постоянно носил с собой. Достаточно нажать кнопку, и любой самолет, пролетающий в небе Арктики, услышит международный сигнал бедствия — "Мэй дэй".

Как видит читатель, вся современная техника была привлечена для того, чтобы сделать

путешествие безопасным.

"Не будет никакого подвига, если вы не возвратитесь обратно, а пренебрежение мерами предосторожности достойно дурака, а не героя", — пишет Уэмура. И совершенно справедливо пишет.

Однако все это замечательное радиооборудование может совершенно внезапно и в любую минуту отказать из-за неожиданной магнитной бури. А если даже сигнал бедствия и дойдет по назначению, то самолет-спасатель прилетит никак не раньше, чем через 12 часов. Слишком поздно!

Безмерная рискованность одиночного путешествия к вершине планеты очевидна.

Гряды торосов, разводья в течение многих десятков лет отражали все попытки достичь полюса по дрейфующим льдам. Но разве теперь их стало меньше? И разве современная Арктика стала теплее?

Столь же высоки торосы, столь же опасны трещины, столь же труднопреодолимы разводья.

Если полюс и стал доступнее для путешественника, направляющегося к нему по льдам, то только потому, что в наше время в корне изменилось отношение человека к Арктике.

Вспомним историю полярных путешествий.

В 1553 году трагически закончилась первая зимовка западноевропейских мореплавателей за Полярным кругом. Лишь месяцы спустя кочевавшие карелы обнаружили у побережья Мурмана два корабля английской экспедиции Хью Уиллоуби. "Стоят на якорях, а люди на них мертвы ..." Погибли все — шестьдесят три человека.

В 1619 году во время зимовки датчанина Йенса Мунка в живых осталось только трое, шестьдесят один человек погиб.

В 1735 году в отряде Питера Ласиниуса из пятидесяти трех человек погибло тридцать шесть. Семнадцать человек выжили благодаря спасательной партии.

Список навечно оставшихся во льдах Арктики можно продолжить, в нем — многие сотни и тысячи.

Люди Ласиниуса умерли от цинги, люди Мунка — от голода, все участники экспедиции Уиллоуби погибли по неизвестной причине.

Видимо, людей добивали не столько холод и тьма полярной ночи, сколько неизвестность и страх.

Почти каждая зимовка кончалась в прошлом трагедией — необъяснимыми нервными припадками, сумасшествием, цингой.

Ныне принято считать, что цинга — следствие недостатка витамина С. История полярных путешествий наводит, однако, на мысль, что дело обстоит несколько сложнее. Известно множество случаев, когда люди заболели при полном, казалось бы, избытии витаминов. Они ели свежее мясо, зеленые ростки гороха, целебные травы, пили теплую кровь убитых животных... И болели.

Академик Олег Георгиевич Газенко — директор Института медико-биологических проблем — высказал однажды мнение, что организм человека, попавшего в непривычную, стрессовую ситуацию, просто не в состоянии усваивать необходимые витамины. Таким образом, вполне вероятно, что одна из причин цинги — все тот же страх.

Многие века понадобились человечеству, чтобы преодолеть страх перед неизвестностью Арктики.

Современный человек почти начисто лишен страха перед Арктикой. Более того, современный человек склонен недооценивать реальных трудностей Арктики. В зарубежной печати можно найти немало примеров, когда к полюсам, в рискованные плавания, на

рискованные восхождения отправлялись вовсе не подготовленные экспедиции — люди, не имевшие ни опыта, ни знаний. Были бы деньги...

Уэмура, готовясь к полюсному походу, в одиночку прошел на собачьей упряжке 15 тысяч километров. Казалось бы, опыта не занимать! Но неподвижные припайные льды, по которым он проехал эти тысячи километров, и дрейфующие льды, с которыми он впервые познакомился на пути к полюсу — имеют, можно сказать, мало общего.

Вы помните: "Мне казалось, что я хорошо представлял себе все, с чем предстояло здесь встретиться. Но я ошибался... Всюду, насколько хватает глаз, сплошное месиво ледяных глыб... Я не знал, что делать..."

Честь и слава японскому путешественнику за то, что он сумел выйти победителем. Честь и слава ему за то, что он откровенно написал о закрадывающемся в душу страхе, о своих промахах, ошибках.

Был момент, когда подступила — накопилась — усталость, и несколько раз он в самом прямом смысле балансировал на грани жизни и смерти.

"Перебирая в памяти события последних дней, прихожу к выводу, что я часто пренебрегал опасностью. К тому же стал забывчив и рассеян и потерял несколько нужных вещей... В прошлом я не замечал этого за собой. И всю эту историю... когда я ехал по ломающемуся льду, можно объяснить только моим легкомыслием и несерьезным отношением к опасности. Я стал излишне суетлив... стал нервничать, спешить, а в результате и появилась эта цепь ошибок. Я перестал заботиться об обеспечении полной безопасности своих действий, которым должна предшествовать абсолютная уверенность в правильности избранного пути. А ведь в Арктике любая ошибка может стать роковой..."

К 21 апреля Уэмура достиг восемьдесят седьмого градуса. До полюса — 333 километра, да и дорога прекрасная. Три дня пришлось просидеть в палатке, дожидаясь, когда замерзнет широкое разводье, а теперь Уэмура наверстывал время.

Двадцать первого — 40 километров, двадцать второго — 60, двадцать третьего — 50. Полюс все ближе и ближе, Уэмура считает дни. Но вновь — задержка — широкая, труднопреодолимая трещина.

"Нет ничего хуже, когда на человека, уже расслабившегося от наступившей передышки, вдруг сваливается новая трудность. Нервы не выдерживают. Состояние — хоть плачь".

Есть такая японская поговорка: "Половина дороги в 100 ри — 99 ри". Слово «ри» требует пояснения — это японская мера длины, около 4 километров. А смысл поговорки ясен — не считай путь окончанным, пока он не окончен. Не смей расслабляться. Альпинисты знают — люди часто гибнут, уже спускаясь с вершины.

25 апреля вечером Уэмура записывал в дневнике: "В этот день я наметил себе быть на полюсе. И не дошел до него. Планы мои сорваны... Я переоценил собственные силы и недооценил условий Арктики. Но нельзя сказать, что я не сделал всего, что было в моих силах. Впрочем, что это я ищу оправдания себе? Разве в этом теперь дело! И сегодня находились в пути 11 часов, а прошли не более 20–25 километров. Достиг широты 88° 50'. До полюса остается один градус и десять минут, а это целых 130 километров"...

В этот день там, на полюсе, уже стояли победители- участники экспедиции японских университетов. Как и Уэмура, они шли к полюсу на собачьих упряжках — правда, погонщиками были специально нанятые эскимосы.

"Я нисколько не покривлю душой, если скажу, что не считаю этих ребят своими соперниками... Я иду на полюс в одиночку и не соревнуюсь с кем-либо в скорости продвижения... Мне никогда — не приходило в голову соперничать... Но вот сейчас, когда ученые университетов дошли до полюса, а я, срывая все сроки, еще нахожусь в сотне

километров от желанной цели, мне стало не по себе. Было досадно. Так досадно, что на глаза навернулись слезы... Ничего с собой поделывать не мог. Досадно!.. Мне нельзя расслабляться, нельзя тратить свои силы попусту. Каждый день этого путешествия неповторим, и его надо прожить с радостью, без сожалений..."

29 апреля в 18 часов 30 минут по времени мыса Колумбия- в 13 часов 30 минут по Гринвичу — Наоми Уэмура достиг полюса. К лому, которым он прокладывал дорогу, привязал шест, к нему — флаги: Японии, Канады, Дании, США. Потом пил чай. Заснуть не мог. Перед ним вставали лица друзей, помощников, знакомых. Лицо жены.

30 апреля в 13 часов с юга — кругом был юг — донеслись звуки приближающегося самолета.

"Ну вот и все. Неужели все? Неужели это все, на что я был способен? Нет, не все еще позади. Путешествие мое не окончено: впереди меня ждут три тысячи километров никем еще не пройденного пути через льды

Гренландки!"

В это трудно поверить: через 10 дней-11 мая — Наоми Уэмура начал новое путешествие. И какое! Никто еще не пробовал пересечь Гренландию по длинной ее оси: от северной оконечности — мыса Моррис — Джессеп — и до южной. Сам Уолли Херберт, узнав о планах Уэмуры, произнес только одно слово: "Сумасшествие!" Приблизительно так же оценивали и многие другие планы японского путешественника — его одиночные восхождения, его плавание на плоту по Амазонке.

"До меня уже несколько человек собирались предпринять такое путешествие, но, хорошенько все взвесив и оценив, неизменно отказывались от своих намерений".

Сумасшествие?..

Почему, вы думаете, он остановил свой выбор именно на этом маршруте? "Я исходил из того, что не мне искать легкие пути. Напротив, я решил поставить перед собой задачу, выполнение которой, находилось бы на грани человеческих возможностей". Вот оно — сконцентрированное в нескольких словах кредо Уэмуры. Встреч не со всяким соперником он искал, а только такого поединка, который потребовал бы от него борьбы на грани возможного. Только так!

Через три месяца и двенадцать дней — 22 августа 1978 года — Наоми Уэмура успешно закончил свое гренландское путешествие.

Почему же вновь и вновь ему удавались эти невероятные предприятия?

Обратите внимание на то, как тщательно готовил Наоми Уэмура все свои маршруты. Ведь прежде чем преодолеть 860 километров от мыса Колумбия до вершины планеты, он почти два года прожил среди эскимосов, прошел до Арктики 15 тысяч километров!

Отправляясь к полюсу, Наоми Уэмура верил в успех. Его вера основывалась на тщательной подготовке, на том огромном опыте, который он уже накопил за время предыдущих путешествий. Может быть, главное, что дал ему опыт, — уверенность: "Успех всего дела решает сила воли!"

Очень редко это качество характера человек получает от рождения. Тренируя тело, мы обретаем силу, тренируя дух — силу воли.

Справедлива народная мудрость: "Посеешь поступок — пожнешь привычку, посеешь привычку — пожнешь характер, посеешь характер — пожнешь судьбу".

Сначала по протоптанной туристской тропе он не мог подняться на вершину Фудзиямы. Сначала ему трудно было пробежать даже несколько сот метров. Потом и десятки, сотни, тысячи километров доставляли только радость.

Воспитание силы воли начинается с того, что человек каждый день не дает себе

послаблений. Например, выходит на тренировку, несмотря на усталость, на плохое настроение, несмотря на то, что очень часто хочется "жить, как все", плыть по течению, а не преодолевать житейские водовороты.

"Один на один с Севером" — так называется книга Уэмуры. Наверное, советскому читателю это "один на один" покажется немного странным.

Авторам этой публикации неоднократно приходилось бывать на Крайнем Севере, участвовать в экспедициях. Мы не по книгам знаем, что такое полярная стужа, арктические льды, гигантские безжизненные пространства. Нам хорошо знакомо то ощущение, которое испытывает любой человек, оказавшись перед лицом полярной стихии, вдали от жилья, вездеходов и самолетов.

Когда на все четыре стороны от тебя расстилается — без конца и края ледяное белое безмолвие, и только гонимый ветром снег шуршит в мутных струях поземки, и кажется, что всю землю покрывает лед и снег — тогда холод невольно заползает в сердце, и становится не по себе. Лишь одно может согреть в эту минуту, согреть и вернуть силы — сознание того, что ты здесь не одинок, что рядом твои товарищи. Видишь их фигурки на белом фоне, считаешь — все ли, никто не отстал? — и сразу по-другому воспринимаешь Арктику. Добрее она, что ли, становится.

Недаром же говорят: на миру и смерть красна. Как бы опасно ни было на маршруте, как бы ни колдовала стихия, а если рядом товарищи, то и мороз кажется не таким жгучим, и торосы не такими высокими...

В нашей стране экспедиции — и профессиональные и любительские — это всегда плод коллективных усилий.

Мы стоим на том, что наивысшее удовлетворение могут принести только те победы, которые достигнуты плечом к плечу с товарищами, единомышленниками. Собственно, по-другому у нас и быть не может, такова счастливая закономерность нашего образа жизни.

Отправляясь в маршрут рядом со спутниками, мы обязательно совершаем открытия, даже если этот маршрут проходит неподалеку от родного дома. Открытия неизведанных путей в человеческих отношениях, постижения вечных человеческих ценностей, таких, как дружба, благородство, самопожертвование.

Уэмура добровольно лишил себя этого блага, предпочел мораль одиночки. Однако не будем его осуждать. Он вырос в другом мире, там иная шкала нравственных ценностей. Судьба сложилась так, что рядом не оказалось единомышленников. А тяга к странствиям была огромной. Уэмура словно для того и родился, чтобы, начав с маленьких побед над собственной слабостью, затем много лет побеждать слепые силы стихий.

Впрочем, он все-таки не совсем одинок в своих путешествиях. Разве смог бы он побеждать, если бы друзья не верили в его, успех? Разве мог бы он обойтись без помощи своих коллег с базы Алерт, без помощи эскимосов при подготовке к экспедиции, без поддержки летчиков?

"Мое сердце связано с сердцами тех, кто помогал мне", — говорит Уэмура.

Не раз он был почти готов отступить, смириться с поражением. Но и тут помогали те, кого не было с ним.

"Столь грандиозные планы можно было осуществить только совместными усилиями многих людей, имея с их стороны не только материальную и техническую помощь, но и моральную... Я не мог обмануть их надежд", — пишет Уэмура.

В самом трудном его путешествии он не был одинок еще и потому, что ему помогали собаки. "Собаки — моя семья" — эти слова Уэмуры полярнику не покажутся странными.

Когда во время похода к полюсу одна из собак неожиданно родила, Уэмура записывает:

"Досадую, что на меня обрушились такие заботы, но вместе с тем в душе пробуждается нежность к этим малышам... Безусловно, они доставят хлопот в трудной дороге, но очень хочется, чтобы малыши выжили. Удивительно, но у меня появляются какие-то отцовские чувства".

Известный полярный исследователь Поль-Эмиль Виктор написал книгу, которую назвал очень точно: "Ездовые собаки — друзья по риску".

Фриттьоф Нансен, Фредерик Кук, Роберт Пири, Руал Амундсен — все они использовали собачьи упряжки, в их дневниках многие страницы посвящены собакам. Дневники Уэмуры, особенно заключительная их часть, звучат как гимн "друзьям по риску".

"Когда нам тяжело, больно, мы — люди — уже сдаемся, — говорит Уэмура. — Собаки же сдают только тогда, когда умирают..." "Во время этой экспедиции я понял, что человеку очень важно кому-то верить, кого-то Я любить. И натолкнули меня на эту мысль собаки. За это время я не раз попадал в беду, но собаки меня и выручали и успокаивали".

Остались позади предельно трудные километры дрейфующих льдов, остался позади грозный ледниковый щит Гренландии. Уэмура заканчивает маршрут:

"Я крикнул упряжке «аи», соскочил с нарт, бросился к собакам. "Большое вам спасибо за то, что вы так хорошо сюда шли. Спасибо". Я погладил каждую, погладил по голове, по спине, каждой сказал спасибо. И собаки прыгали мне на грудь, будто стараясь обнять. Словами трудно передать чувство, охватившее нас. Собаки молча прижались ко мне..."

Ученые считают, что люди способны переносить самые суровые природные условия в течение длительного времени. Однако человек, непривычный к этим условиям, попадающий в них впервые, случайно, в результате сложившихся обстоятельств (авария самолета, гибель корабля и т. п.), оказывается в значительно меньшей степени приспособленным к жизни в незнакомой среде... Поэтому чем жестче условия внешней среды, тем короче оказываются сроки автономного существования, тем большего напряжения требует борьба с природой, тем строже должны выполняться правила поведения, тем дороже цена, которой оплачивается каждая ошибка.

Конечно, в лабораторных условиях можно смоделировать любой климат. Конечно, можно предложить испытуемым любые физические нагрузки. Но все-таки лабораторный эксперимент никогда не даст ответа на многие вопросы, которые волнуют медиков и психологов.

Реальную опасность, реальный риск, которые самым существенным образом влияют на самочувствие и поведение человека, смоделировать нельзя.

Вспомните слова Бомбара: "...вас убил не голод, вас убила не жажда... вы умерли от страха". Эта проблема-специалисты называют ее "проблемой выживания" — в наше время стала как нельзя более актуальной.

Дальние автономные плавания на маленьких яхтах, на плотках, дальние переходы по Арктике, подобные тем, что совершил Уэмура, кажутся в наше время излишне экзотическими... Но они — своеобразные эксперименты по проблеме выживания, которые проводятся в экстремально сложных условиях, в условиях реального риска.

А кроме того, они как бы в концентрированном виде отражают ситуации кораблекрушений, авиационных катастроф, происшествий с поисковыми, геологоразведочными и другими подобными группами. Опыт показывает, что даже при самой тщательной подготовке различные «происшествия», к сожалению, неизбежны.

Поэтому именно в наше время, когда человечество начинает осваивать глубины океана, труднодоступные районы Крайнего Севера и Антарктиды, интерес к рискованным путешествиям растет — в том числе и среди ученых.

Наш ведущий специалист в области космической медицины и биологии академик Олег Георгиевич Газенко, которого мы уже выше цитировали, по этому поводу сказал однажды так:

— Помимо всего прочего, мой интерес к путешествиям, которые связаны с преодолением больших трудностей и которые происходят в экстремальных условиях автономии, удаленности от жилья, объясняется тем, что они позволяют глубже изучить человека в естественных, натуральных условиях. Наука не может ограничиться только лабораторными, камерными исследованиями, ибо дело, которому мы служим, связано с пребыванием реального человека в реальных условиях. Данные, полученные в ходе экспедиций, результаты испытания различных образцов одежды, рационов питания, средств выживаемости тоже ложатся в копилку необходимых знаний.

Став волею обстоятельств путешественником-одиночкой, Уэмура — хотел он того или не хотел — осуществил уникальнейший (другого такого нет и, возможно, никогда не будет) эксперимент, истинное значение которого пока еще по достоинству не оценено...

Уэмура никогда не был в Советском Союзе, но одному из авторов очерка посчастливилось встретиться со знаменитым путешественником. Наше знакомство произошло при обстоятельствах, которые заслуживают того, чтобы о них рассказать.

В середине 70-х годов по инициативе англичанина по имени Уорвик Чарльтон в Великобритании был создан специальный призовой фонд и организован комитет, который ежегодно определял самого мужественного спортсмена мира. Сам У. Чарльтон, кстати, совершивший в молодости смелое плавание через Атлантику на утлом паруснике, построенном им по чертежам кораблей XVII века, так рассказывает о предыстории приза "За мужество в спорте":

— Вспомните, как возник марафон. В 490 году до новой эры горстка греков остановила персидских завоевателей у местечка, называвшегося Марафон. Бегун, принесший весть об этом в Афины, упал замертво, едва произнеся последнее слово. Подвиг древнего героя увековечен марафонским бегом, дистанция которого — 42 километра 195 метров — равна расстоянию от Афин до Марафона.

В истории есть и другие прямо-таки хрестоматийные примеры проявления атлетами мужества. Во время олимпийских игр 1908 года в Лондоне итальянский марафонец Дорандо Пиетри упал у самого финиша, поднялся, снова упал и, наконец, не без помощи зрителей первым разорвал ленточку. Первым! Но ведь ему помогали, а это запрещено правилами. Пиетри лишился звания олимпийского чемпиона, однако его храбрость и выдержка не могли оставить людей равнодушными и безучастными. Королева Александра вручила ему специальный приз.

— Как-то, просматривая кадры старой хроники, — рассказывал У. Чарльтон, — мы натолкнулись на эпизод с Пиетри. Так и родилась мысль ежегодно отмечать самых мужественных атлетов. В призовом фонде участвуют компании и банки Великобритании и других стран. Самые искусные королевские ювелиры из чистого золота изготовили лавровый венок, который оценивается в 55 тысяч фунтов стерлингов. Он является переходящим. Золотая копия венка стоимостью четыре тысячи фунтов навечно вручается спортсмену, которому присужден приз.

Кандидатуры соискателей выставляются национальными олимпийскими комитетами, спортивными федерациями, государственными учреждениями стран или лицами, их представляющими. Всего таких соискателей бывает до тысячи человек более чем из 100 стран. Затем специальная комиссия арбитров, состоящая из выдающихся спортсменов, издателей и писателей, отбирает десять претендентов, которые приглашаются в Лондон, где

в начале февраля происходит окончательное определение и «коронация» победителя. "Приз, — указывается в официальном бюллетене, — вручается как профессионалам, так и любителям — за выдающийся вклад в спортивное движение, за подвиг в спорте".

Мужество трудно определить словами, так закончил свой монолог Уорвик Чарльтон, но все мы легко узнаем его, когда встречаемся в жизни. Мужество — это наивысшая способность человеческого духа и разума бесстрашно преодолевать различные препятствия и трудности. Это самопожертвование, которое может быть в одинаковой степени присуще и победителю и побежденному.

Читатель, вероятно, уже догадался, для чего нам потребовалось столь длинное отступление. Да, это так: в 1979 году золотым венком был увенчан герой нашего очерка.

"Коронация" происходила в одном из самых старинных дворцов Лондона — Гилдхолле, где принимают только наиболее титулованных гостей Великобритании. Помимо членов жюри, учредителей и соискателей приза, журналистов, Уэмура восхищенно аплодировали члены королевской семьи, лорды, главы дипломатических представительств и миссий, деятели международного спортивного движения, прославленные атлеты... Церемония транслировалась по каналам телевидения на 50 стран, ее свидетелями стали 500 миллионов человек.

На приз тогда претендовало немало достойных кандидатов. 22-летний британец Джеймс Хэтфилд, перенесший за два года десять операций на сердце, фактически приговоренный болезнью к смерти, в одиночку пересек Атлантику на яхте, названной им "Сердце Британии".

Три американских воздухоплователя Макс Андерсоч, Ларри Ньюмен и Бен Абруццо первыми в мире перелетали через ту же Атлантику на воздушном шаре. Англичанка Наоми Джеймс была допущена к решающему туру определения лауреата приза за то, что прошла под парусом вокруг света, затратив на это 271 день и 19 часов — на два дня меньше, чем прежний рекордсмен сэр Ф. Чичестер. 29-летняя пловчиха Диана Ниад в августе 1978 года предприняла попытку заплыва от берегов Кубы до Флориды. 42 часа из-за сильного шторма Диана испытывала в воде жесточайшие приступы морской болезни. Лишь вконец обессиленная, она "сошла с дистанции": была поднята на борт сопровождавшей ее шхуны, тут же поклявшись повторить попытку.

Но самым мужественным жюри почти единодушно признало в 1979 году японского путешественника Наоми Уэмуру.

А познакомились мы спустя год, там же в Лондоне, куда Уэмура приехал, чтобы передать золотой венок следующему победителю. Исполком приза впервые пригласил тогда для участия в торжественной церемонии советских спортсменов — семерку ребят, покоривших Северный полюс на лыжах. Конечно же, Дмитрий Шпаро и его товарищи много раз слышали о дерзких маршрутах японского одиночки, восхищались смелостью и силой духа Уэмуры. И Наоми, как выяснилось, тоже с интересом и симпатией следил по газетам за продвижением к полюсу первой в истории лыжной экспедиции. В июне 1979 года он прислал в "Комсомольскую правду", где располагался штаб экспедиции, теплую поздравительную телеграмму.

И вот февраль 80-го, Лондон, респектабельный отель "Гроссвенор Хауз", где Уорвик Чарльтон принимает именитых спортсменов и путешественников со всего света. После завтрака мы спускаемся в вестибюль.

— Ребята! — говорит с сильнейшим волнением один из семерки — Володя Рахманов. — Провалиться мне на месте, если вон тот маленький японец не Уэмура.

— Где? Где? — Все ищут глазами Уэмуру.

Похоже, что Уэмуре кто-то таким же образом показал Диму Шпаро. Он идет к нам,

широко улыбаясь. Дима идет навстречу. В центре гостиничного холла они обнимаются — в этой не отрежиссированной никем сцене искренности, доброты, сдержанного мужества.

Буквально через минуту всем кажется, что мы знакомы целую вечность. Уэмура прост и открыт. Его лицо светится широкой улыбкой. Разговор поначалу носит весьма невразумительный характер и в основном состоит из взаимных комплиментов типа "Ух, ты!".

Кому-то приходит мысль вместе сфотографироваться — шумной, возбужденной гурьбой мы идем мимо чопорных ливрейных швейцаров, переходим через улицу, где за невысоким заборчиком начинается знаменитый Гайд-парк. Уэмура первым лезет через забор. Дальше происходит небольшая заминка, потому что Японец непременно хочет фотографироваться сидя прямо на земле и нас приглашает последовать его примеру. Может быть, его смущает собственный маленький рост?

Потом Юра Хмелевский берет его в оборот, обрушивает на Уэмуру залп вопросов: много ли было трещин и а маршруте к полюсу, как он их преодолевал, что оказалось самым опасным, из чего состоял рацион?.. Уэмура охотно отвечает, по всему видно, что он рад оказаться среди людей, лучше других понимающих его подвиг, его жизнь.

В тот же день после ужина сидим в номере Уэмуры, обстоятельно беседуем. Подбирая английские слова, он подолгу тянет «э-э-э» и закатывает глаза. Подробно рассказывает о своих арктических переходах, горных восхождениях.

— Но, по-видимому, самой опасной все же следует считать полюсную экспедицию? — спрашиваем мы.

— Да, — энергично кивает головой наш друг и тут же уточняет: — Я бы сказал, что столь же опасными были одиночные восхождения на высочайшие вершины пяти континентов, а также плавание на плоту от Перуанских Анд до Атлантики, когда я питался только бананами и пираньей. А пиранья, — хохочет Уэмура, — все ждала, когда я зазеваюсь, чтобы сожрать меня.

— Это трудно себе вообразить, — с искренним восхищением говорит Рахманов.

— То, что русские на лыжах покорили полюс, вообразить еще труднее, — не остается в долгу Уэмура.

— Почти все ваши путешествия из разряда выдающихся. Их мог совершить только очень сильный человек. Можно ли сказать, что риск стал для вас такой же потребностью, как для большинства людей чашка утреннего чая? — спрашиваем Уэмуру.

— Я отправляюсь в свои странствия вовсе не в поисках острых ощущений...

— Но все же каждый раз они вас находят...

— Если быть абсолютно точным, то не каждый. Когда мне исполнилось тридцать лет и со всех самых высоких гор я уже посмотрел вниз, а полярные штормы еще ждали впереди, мне пришло в голову пройти пешком через Японию — от ее самой северной до самой южной точки. 30 августа 1971 года я стартовал на острове Хоккайдо и спустя 52 дня финишировал в городе Кагосима. Так вот, — смеется Уэмура, — единственная опасность в том путешествии подстерегала меня в городе Саппоро, где я был по ошибке арестован местными полицейскими. На этом 3000-километровом маршруте я не стал обременять себя снаряжением, у меня не было ни зонтика, ни карты, только бумажник. В день проходил по 58 километров, ночевал и питался в деревнях и городах. Если не считать трех пар изношенных кроссовок, то никаких проблем этот переход мне не доставил.

— Давно ли вы женаты?

— С июня 1973 года. Мою жену зовут Кимико, и она, наверное, самый несчастный человек на свете. Ну, скажите, какая еще жена вынуждена так волноваться за судьбу собственного мужа, — Уэмура вновь заразительно смеется, но вдруг становится очень

серьезным: — Если же говорить без шуток, то ей, бедняжке, действительно не позавидуешь. Всю жизнь ждать... Когда нахожусь в трудном маршруте, Кимико не может заставить себя уснуть.

— Сколько стоило ваше полярное путешествие?

— 400 тысяч фунтов стерлингов. Самым накладным было арендовать самолет. Ведь за шесть месяцев, что я провел во льдах океана и на Гренландском щите, самолет двенадцать раз прилетал ко мне — забрасывал продукты, снаряжение... Эти затраты были покрыты в основном частными компаниями, а также редакциями газет, журналов, телевидением, которым я обязался поставлять репортажи.

— А насколько популярны ваши странствия в Японии?

— Тираж моей последней книги, которая называется "В одиночку к Северному полюсу и по Гренландии" — 150 тысяч экземпляров. Для Японии это очень много. Но что касается государственных учреждений, то они относятся ко мне довольно прохладно — для них лучше всего, чтобы все тихо сидели по домам.

— Являются ли ваши путешествия чистым спортом?

— У них есть две стороны — научная и спортивная. Скажем, в Гренландии я активно занимался метеонаблюдениями, через каждые 50 километров брал гидрологические пробы, делал описания ледового покрова, анализ снега. Шефом моей научной программы является университет в Нагоя.

...Уже поздно, мы явно загостились, тем более, что завтра и Наоми, и нашим ребятам предстоит принимать участие в торжественном ритуале «коронации» нового обладателя золотого венка. Уэмура к тому же должен будет согласно протоколу говорить речь.

Перед тем, как пожелать хозяину комнаты спокойной ночи, задаем ему вопрос, который волнует всех нас. Мы просто не можем об этом не спросить:

— Почему, мистер Уэмура, вы шли к полюсу в одиночестве?

— А собаки, разве они не в счет? — отвечает он без всякой улыбки. — Жизнь в коллективе, как я думаю, всегда чревата ссорами: один захочет одного, второй прямо противоположного. Эти противоречия не для меня. Собак же я не спрашиваю, чего они хотят. Они всегда рядом, и мы прекрасно ладим друг с другом.

— Надо ли это понимать так, что вы всегда будете путешествовать один?

— Всегда один! Это стиль моей жизни. Я хочу быть первым и ни с кем не делить свою славу. Если я изменю своему правилу, то только затем, чтобы проделать совместный маршрут с вами. — Похоже, что Уэмура говорит это только ради комплимента.

— Отличная идея, — подхватывает Хмелевский. — А другие планы?

— Мечтаю в одиночку взобраться зимой на Эверест. На собачьей упряжке пересечь Антарктиду.

На следующий день мы встречаемся в Гилдхолле уже как старые, добрые друзья. Однако общению здесь мешают репортеры, их десятки, они тянутся с микрофонами и к Уэмуре, и к нашим ребятам, просят интервью. Заметно, что строгий темный костюм, сорочка, галстук да и вся запротоколированная атмосфера официальной церемонии изрядно смущают Уэмуру, он явно чувствует себя не в своей тарелке. И не только он. Люди, ради которых устроено это торжество, привыкли к спортивным одеждам, походной амуниции. Один из главных соискателей приза — рекордсмен мира по нырянию в глубину Жак Майоль по привычке явился в Гилдхолл в невероятно потертых джинсах и застиранном свитере. Не тут-то было. Организаторы церемонии выловили француза у двери, отвезли в ближайший универмаг и приодели, как подобает случаю: черный костюм, светлая сорочка, галстук. 51-летний Майоль, сидя за уставленным хрусталем столиком в Гилдхолле, с изумлением посматривает на свой

наряд — похоже, что такой фокус с французом проделали впервые.

Кроме него, здесь еще немало интересных личностей. Американский мотогощик, чемпион мира Кении Роберте нашел в себе силы вновь участвовать в соревнованиях и победить после перелома позвоночника в 1978 году. Кубинский спринтер Сильвио Леонард, несмотря на преследовавшие его травмы, неизменно выходил на старт и много лет показывал блестящие результаты. Американца Дина Чинауэта знаменитым сделала смелая попытка превзойти мировой рекорд скорости на воде: на катере с двигателем от австралийского бомбардировщика Б-51 он развил скорость 220 миль в час, но затем катер взорвался, а искалеченный Дин просто чудом остался жив. Французский дельтапланерист Жан-Марк Буавэн совершил единственный в своем роде полет, расправив крылья дельтаплана над вершиной К-2 в Каракоруме (7600 метров). На пути к вершине он почти потерял зрение, обморозил пальцы на руках. Восхождение заняло у него четыре месяца, а сам полет длился только 13 минут и напоминал скорее падение. Забегая вперед, скажем, что именно француз в результате голосования жюри окажется лауреатом при-за-80. Только на один голос отстанет от него полярная экспедиция газеты "Комсомольская правда".

А пока прошлогодний победитель должен сложить свои полномочия. Смущенный, взмокший под беспощадным светом юпитеров, Уэмура поднимается на сцену, Сцепив руки на животе, нерешительно говорит:

— Мне легче убить медведя, чем произнести две английские фразы.

Эта незатейливая шутка сразу помогает ему наладить контакт с огромным залом.

— Я чрезвычайно польщен, — продолжает Уэмура, — тем, что мне предоставлена возможность спустя год вернуться в Гилдхолл. Я горжусь врученной мне наградой — она призывает к новым интересным путешествиям. Последние десять лет я мечтаю пересечь Антарктиду, однако путь к осуществлению этой мечты таит в себе несметное число препятствий. Возможно, в 1981 году я попытаюсь зимой взобраться на Эверест, и успех этого предприятия станет тем ледоколом, который поможет мне достичь Антарктиды.

Хочу поздравить всех соискателей. Они преодолели множество трудностей и лишений на пути к той славе, которой наслаждаются сегодня, — заканчивает Уэмура.

...Под теплым морозящим дождиком лондонской зимы мы прощались с Наоми Уэмурой. Грустно было. И его и нас переполняли планы, надежды, замыслы новых путешествий. Мы верили в то, что еще обязательно встретимся — если не на Крайнем Севере, то на крайнем юге, если не в Москве, то в Токио. Казалось, что все самое главное и интересное в жизни еще впереди. Уэмура без конца улыбался и напоминал счастливого ребенка. Мы уговаривали нашего здоровяка Толю Мельникова быть поаккуратнее с объятиями: Наоми по сравнению с ним казался миниатюрным и хрупким.

Эх, если бы знать тогда, что больше мы не встретимся. Никогда...

После окончания похода к полюсу, после сумасшедшего Гренландского маршрута Уэмура отнюдь не почил на лаврах. В газетах появились сообщения, что он выезжал в Тибет, консультировал китайских альпинистов, провел рекогносцировку в Гималаях, приближая свою мечту об одиночном зимнем восхождении на Эверест. Потом в газетах сообщалось, что Наоми Уэмура отправился в Антарктиду.

Вы помните — взойдя на Аконкагуа, он сразу же отправился в плавание по Амазонке. Покорив Северный полюс, уже мечтал о Южном.

Уэмура хотел не только дойти до полюса, но и пересечь ледниковый щит Антарктиды — от моря Уэдделла до моря Росса. Как обычно на собачьей упряжке, как обычно — в одиночку. И опять же — как обычно, «попутно» он предполагал покорить высочайшую вершину шестого континента — пик Винсон (5140 метров).

Планам этим, однако, не суждено было осуществиться. Судя по отрывочным публикациям в газетах, американцы (их станция Мак-Мердо должна была стать конечным пунктом маршрута) то ли не смогли то ли не захотели обеспечить авиационную поддержку Уэмуры

Весной 1983 года Наоми вернулся в Японию

— Кимико, — успокаивал он жену, — не волнуйся дальше Хоккайдо я в этом году не удеру. Наверное ...

На Хоккайдо, самом северном острове Японии Уэмура, еще вернувшись из Гренландии, организовал "собачью школу". Со своими любимцами не расстался, два пса поселились в крохотном дворике его дома в Токио.

Конечно, обещание жене выполнить он не мог. На этот раз японский путешественник задумал осуществить одиночное зимнее восхождение на Мак-Кинли.

Очередное «сумасшествие»... Ведь даже у подножия вершины температура зимой опускается до минус 50 градусов. А там, наверху?..

Собственный корреспондент "Комсомольской правды" в Токио Александр Дроздов рассказывает: "О решении испытать себя в одиночном восхождении на Мак-Кинли- на этот раз в суровых условиях зимы-я узнал от Наоми Уэмуры осенью 1983 года. В телефонном разговоре он буднично, как бы между прочим, обронил: "Снова собираюсь в путь. Теперь на Аляску. Чувствую, засиделся я дома". Иного от профессионального путешественника и ждать было нечего. В апреле 1983 года, спустя недели полторы по возвращении из Антарктиды, вечный непоседа принимал меня дома. Его жена потчевала нас чаем с домашними печеньями, а Наоми и. не пытался скрыть вновь охватившую его жажду странствий.

Из низкого шкафчика, в каких японцы хранят обычно постельное белье, были изъяты старые фотоальбомы, дневники и многие документальные свидетельства дальних странствий: разрозненная подборка минералов, пробы антарктического воздуха, личный секстант... Сам он был небольшой любитель выставлять всю эту, между прочим, не очень обширную коллекцию напоказ. Из убранства дома только мощная радиостанция подсказывала, что жизненные пути Уэмуры не ограничивались обозначенным на ограде дома почтовым адресом. А так, не зная, какой профессии отдано сердце хозяина, и наблюдая его в домашней обстановке, можно было принять Наоми за обычного школьного учителя, испытывающего странную привязанность к лохматым лайкам — собакам для Японии диковинным.

Выйдя проводить меня в крошечный дворик, в котором томилась от безделья пара ездовых собак, Уэмура чуть грубовато приласкал своих любимцев и, обращаясь к ним, проговорил: "Ну, что, застоялись, ребята? Ничего, скоро я вам задам работы". И потом ко мне: "Давайте мы сейчас втроем обнимемся, а вы нас сфотографируете на память". Уэмура присел на корточки, обхватил своих собак и очень спокойно, ясно глянул в объектив камеры".

На маленьком двухместном самолетике пилот Дуг Гитинг «подбросил» японского путешественника к отметке 2195 метров. Уэмура шел налегке — немного сушеного мяса, фруктов. Прощаясь с пилотом, улыбался, шутил: "Я должен вернуться туда, где меня ждут — домой, к жене. Я непременно вернусь, потому что меня надо хотя бы иногда кормить".

12 февраля его видели на вершине, он прошел свой маршрут. Миновал контрольный срок, но Уэмура не вернулся. Последний раз его заметили с самолета 15 февраля на склоне на высоте 5180 метров: "Жив, кажется, здоров, улыбался и махал пилоту рукой".

На Мак-Кинли в эти дни обрушилась мощнейшая снежная буря. Вначале спасатели не очень волновались: Уэмура всех заразил уверенностью, ведь его «сумасшедшие» предприятия неизменно оканчивались благополучно. Предполагалось, что из-за снежной

бури он вынужден прервать спуск и пережидает непогоду, зарывшись в снежный склон.

Через 10 дней, когда буря немного утихла, на помощь вышли спасатели.

Конечно, все запасы еды давным-давно должны были кончиться. Но его неприхотливость, его умение терпеть были известны.

Начался март. Там — на Аляске, дома — в Токио, у нас — в Москве, во всем мире все еще продолжали надеяться...

"Смерть — это вариант не для меня. Я всегда стремился вернуться живым".

На этот раз он не вернулся.

Что ж, выходит, Наоми Уэмура проиграл в затеянном им поединке с природой? Жизнью заплатил за чрезмерную самонадеянность? Наверное, найдутся люди, которые скажут так. Увы, найдутся... Но все же хочется верить, что большую часть человечества составляют другие — те, кто испытывает теплое чувство благодарности к японскому путешественнику.

Он называл свои экспедиции "путешествиями в неведомое". И скромно добавлял при этом: "По крайней мере в неведомое для меня..."

"Мои действия, — писал он, — оставили следы только в моей душе и останутся воспоминанием только для меня".

Нет, Наоми. Это не так. Благодаря вашим подвигам мы теперь знаем: человек, даже оставшись один на один против арктических льдов, против угрюмых заоблачных гор, против самых грозных природных стихий, может выстоять и победить. Своими нартами вы оставили глубокий след в сердцах многих и многих людей.

Не грех повторить: покоряя льды и вершины, Уэмура сделал сильнее не только самого себя, но и значительную часть рода людского.

Смысл не в том, что он погиб, а в том, что он жил среди нас, был одним из нас. Маленький японец с детской улыбкой, которого по ошибке называли суперменом.